

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1 (15) 2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Дзидзов Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 20.03.2023. Дата выхода в свет: 27.03.2023.

Усл. печ. л. 13,2. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2023.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 1 (15) 2023

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"),
Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040**

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 20.03.2023. Release date: 27.03.2023.

Usl. pech. l. 13,2. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Карпетян Л.А., Морозова О.Г.</i> Концепция государства Л.А. Тихомирова в контексте политико-правовой реальности России на рубеже XIX–XX вв.....	7
<i>Михель Д.Е.</i> Теоретические и практические аспекты теории процессуальной справедливости в социальной психологии и юридической конфликтологии (на основе изучения конфликта и юридических форм его разрешения).....	13

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Андреева А.С., Комарова Л.В.</i> Роль адвоката в разрешении административно-правовых споров.....	22
<i>Воробьев Д.В.</i> Имеет ли полиция надзорные полномочия в сфере потребительского рынка?.....	31
<i>Епифанова Е.В.</i> Проблемы административно-правового регулирования деятельности в системе медицинского страхования.....	40
<i>Лупарев Е.Б.</i> О некоторых проблемах теории юридических фактов в публичном праве (приглашение к дискуссии)	50

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Елисеєва И.А.</i> Правовое регулирование использования и охраны сельскохозяйственных земель в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовой анализ.....	55
<i>Столярова-Рубан М.В.</i> Особенности и проблемы правового регулирования разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи.....	63

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Калужина М.А., Калужин И.В.</i> Правовые и организационные аспекты информационной защиты охраняемых объектов.....	71
<i>Лучинкин Ф.М.</i> К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу.....	81
<i>Рудакова С.В.</i> Проблемные вопросы участия прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании.....	92
<i>Семенцов В.А.</i> Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность.....	101
<i>Степушов М.Ю.</i> Технология формирования в досудебном производстве процедурного знания о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью.....	109
<i>Халиков И.А.</i> Конфискация элементов исторического и культурного наследия.....	119
<i>Эртель Л.А., Стрижев В.А., Решетняк О.А.</i> Институт специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве.....	127

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Leva A. Karapetyan, Oksana G. Morozova</i> The concept of the state by L.A. Tikhomirov in the context of the political and legal reality of Russia at the turn of the XIX–XX centuries.....	7
<i>Dina E. Mikhel</i> Theoretical and practical aspects of the theory of procedural justice in social psychology and legal conflictology (based on the study of the conflict and the legal forms of its resolution).....	13

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Alyona S. Andreeva, Ludmila V. Komarova</i> The role of advocate in the resolution administrative legal disputes.....	22
<i>Dmitry V. Vorobyev</i> Do the police have supervisory powers in the consumer market?.....	31
<i>Elena V. Epifanova</i> Problems of administrative and legal regulation of activities in the system of health insurance.....	40
<i>Evgeniy B. Luparev</i> On some problems of the theory of legal facts in public law (invitation to discussion).....	50

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Inga A. Eliseeva</i> Legal regulation of the use and protection of agricultural land in the Russian Federation and foreign countries: comparative legal analysis.....	55
<i>Maria V. Stolyarova-Ruban</i> Peculiarities and problems of legal regulation of division of objects of civil law into movable and immovable things.....	63

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Marina A. Kaluzhina, Ilya V. Kaluzhin</i> Legal and organizational aspects information protection of protected objects.....	71
<i>Fedor M. Luchinkin</i> On the issue of optimizing the order of use results of operational and investigative activities in judicial evidence in a criminal case.....	81
<i>Svetlana V. Rudakova</i> Problematic issues of participation the prosecutor and the head of the investigative body in the criminal procedure appeal.....	92
<i>Vladimir A. Sementsov</i> Suspicion of domestic criminal proceedings: history and modernity.....	101
<i>Mikhail Yu. Stepushov</i> Technology of formation of procedural knowledge about crimes related to illegal banking activities in pre-trial proceedings.....	109
<i>Iskander A. Khalikov</i> Confiscation of elements of historical and cultural heritage.....	119
<i>Liudmila A. Ertel, Vyacheslav A. Strizhev, Oksana A. Reshetnyak</i> Institute of special knowledge in the field of forensic psychology and forensic psychiatry in criminal proceedings.....	127

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-7-12>

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА Л.А. ТИХОМИРОВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Карапетян Л.А.*¹, Морозова О.Г.²

¹ Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Карапетян Л.А., Морозова О.Г. Концепция государства Л.А. Тихомирова в контексте политико-правовой реальности России на рубеже XIX–XX вв. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-7-12>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Карапетян Лева Александрович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.12.2022

Статья принята к печати: 16.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью статьи является анализ неоконсервативной концепции Л. Тихомирова о государстве, которая занимала специфическое место в системе консервативных политико-правовых учений К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова. Она сводилась к следующему. Реально существовавшая монархия до реформирования государственного механизма в 1906 г. не соответствовала его идеалу, поскольку при сохранении формы в ней отсутствовало истинное православное начало, непротиворечивый социальный порядок и условия для развития личности.

В результате исследования выявлено, что специфическое понимание верховной власти, отражающей не классовые, а общесоциальные интересы, высказанное им еще в бытность идеологом народничества сохранилось у него и как у одного из лидеров неоконсерватизма в постнароднический период.

Вывод. Идеалом российской государственности Л. Тихомирова являлся православный монархизм с неделимой верховной властью и функционирующим при ней законосовещательным представительным органом, статусом человека и гражданина, базирующихся на христианских ценностях и корпоративной социальной структуре. Православные духовные начала определяют сущность государства.

Ключевые слова: Конституция, верховная власть, православная самодержавная монархия, демократия, либерализм, парламент, революция, реформа.

THE CONCEPT OF THE STATE BY L.A. TIKHOMIROV IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL AND LEGAL REALITY OF RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Leva A. Karapetyan^{*1}, Oksana G. Morozova²

¹ North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
(Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020)

² FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Karapetyan L.A., Morozova O.G. The concept of the state by L.A. Tikhomirov in the context of the political and legal reality of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-7-12>

CONTACT INFORMATION:

Leva A. Karapetyan*, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the SCF of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education of the Russian State University of Justice

Address: Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 12.12.2022

The article has been accepted for publication: 16.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The purpose of the article is to analyze the neo-conservative concept of the state by L. Tikhomirov, which held a special position in the system of conservative political and legal doctrines of K.N. Leontiev, V.S. Solovyov, K.P. Pobedonostsev, M.N. Katkov. It was summed up to the following. The monarchy that really existed before the reform of the state mechanism in 1906 did not correspond to his ideals, since, while maintaining the form, it lacked a true Orthodox principle, a consistent social order and conditions for the development of the individual.

The study showed that the specific understanding of the supreme power, which reflects not class, but general social interests, expressed by him when he was the ideologist of populism, was preserved by him as one of the leaders of neoconservatism in the post-populist period.

Conclusion. L. Tikhomirov's ideal of Russian statehood was Orthodox monarchism with indivisible supreme power and a legislative and advisory representative body functioning under it, the status of a person and a citizen based on Christian values and a corporate social structure. Orthodox spiritual principles determine the essence of the state.

Keywords: Constitution, supreme power, Orthodox autocratic monarchy, democracy, liberalism, parliament, revolution, reform.

Введение

Проблема эффективной модели взаимоотношений государства, общества и личности была и остается актуальной на протяжении нескольких тысячелетий существования государственно организованного общества. Л.А. Тихомиров после отхода от народничества, став одним из идеологов неоконсерватизма сформулировал отличную от других его представителей концепцию государства. Он исходил из того, что абсолютная монархия исказила истинную сущность православной самодержавной монархии поскольку имела место фальсификация воли монарха бюрократией.

Л. Тихомиров предложил собственное видение решения ряда политико-правовых вопросов. Ядром его учения о государстве по-прежнему оставался институт верховной власти в государственном механизме. Но теперь он исходил из того, что единоличная власть является таковой

только при ее подчинении православным духовным ценностям в соответствии с национальными историческими традициями. Ценными являются его положения о состоянии духовного единства общества, определяющие культурную идентичность нации и государственного суверенитета. Отсюда цель исследования – объективное изучение политико-правового наследия Л. Тихомирова, что позволит выявить как утопическое, так и позитивное, а значит и востребованное в нем, что особенно актуально в условиях межцивилизационного обострения.

Методы исследования

Учения о государстве носят междисциплинарный характер. Отсюда методологическую основу статьи составляют системный подход, всеобщие принципы объективности, историзма, конкретности. Исследование воззрений отдельной личности невозможно без использования персонализированного сравнительного подхода относительно оценок нормативно-правовых актов, политических партий, идеологий, государственных органов. С учетом того, что в государственно-правовых воззрениях Л. Тихомирова приоритетными являлись этические начала, а не юридические, то следует иметь в виду и значимость аксиологического подхода в определении сущности государства.

Результаты исследования

На основе первоисточников, прежде всего, трудов самого Л.А. Тихомирова и историографии обосновывается мысль о том, что он в неоконсервативной политико-правовой идеологии рубежа XIX–XX вв. занимает самостоятельное место. Его своеобразное понимание сущности верховной власти российского государства, в котором она олицетворяет не классовое, а общенародное представительство, высказанное в бытность его народником, сохранилось и позже. Однако теперь эта мысль аргументировалась на основе православных христианских духовных ценностей, стоявших выше государства.

Научная дискуссия

У Л.А. Тихомирова как участника революционного народнического движения 1870 – первая половина 1880-х гг. была особенная система взглядов на государство [2, с. 18–27; 4]. Во второй половине 1880-х гг. он окончательно порывает с народничеством, но сохраняет идею об общенародной сущности государства.

Научное и публицистическое наследие указанного времени, где выделим монографию «Монархическая государственность» (1905 г.), свидетельствуют о его переходе к монархистам, став одним из идеологов неоконсерватизма. Он оценил предшествующую деятельность народников как крайний политический и экономический демократизм. Теперь, с опорой не только на зарубежный политико-правовой опыт, но и отечественный, он отрицал требования верховенства народа и всеобщего избирательного права, как ошибочные универсальные принципы, поскольку большинство не всегда право [8, с. 91, 93]. Однако его воззрения существенно отличались, и от теоретиков крайнего охранительства, которые поддерживали режим абсолютной монархии, и от тех, кто солидаризировался с реформированием политической системы, включая и становление многопартийности и парламента.

Постнароднический период его творчества условно разделим на две части: 1) допарламентский (конец 1880-х–1905 гг.) и 2) парламентский (1906–1914 гг.), базирующийся на Манифесте 17 октября 1905 г. и новом статусе Совета министров. В данной работе мы рассмотрим допарламентский период. Манифест от 17 октября 1905 г. в правовой науке оценивается как акт, содержащий конституционно-правовые принципы, лежащие в основе реформирования государства [1, с. 10]. Эти изменения были закреплены в новой редакции Основных Государственных законов от 23 апреля 1906 г., которые в науке именуют первой конституцией страны. В нем сущность Верховной самодержавной власти определялась в первой главе (ст. ст. 4–24)¹. Изменения олицетворяли начало становления конституционной монархии в России близкой к австрийской модели. Однако Л.А. Тихомиров оценивал Манифест от 17 октября 1905 г. и основанное на нем реформирование государственного механизма по-другому. Он как до, так и после конституции, с учетом реальной социально-политической обстановки, уделял главное внимание категориям верховной власти, основанных на принципах монархизма и демократизма (либерального и социального).

Идеалом российской государственности Л. Тихомирова являлся православный монархизм. Но политико-правовая реальность не соответствовала ему как до преобразований государственного

¹ Свод законов Российской империи / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Книга первая. Т. 1. Ч. 1. Свод Основных Государственных законов. СПб: Русское книжное товарищество «Деятель»; 1912. С. 1–2.

аппарата, так и особенно после реформ. Он отмечал, что исторические основы российской государственности были ослаблены задолго до революции, поскольку лица, от которых это зависело, допустили их перерождение в принципы лишь по названию связанные с ними. Это и абсолютная монархия как форма правления, и отказ от союза с Церковью (омертвление православия формализмом), и узкий национализм [10, с. 233–237, 273]. Здесь его воззрения совпадали с идеей византизма К. Леонтьева в сочетании «церковь и царь», который поможет сохранить традиционные ценности от негативного влияния Запада. Применительно к принципу верховной власти на базе демократизма, особенно либерального Л. Тихомиров был категорическим противником на протяжении всей своей политической деятельности.

С середины 1890-х гг. он вплотную начал формировать собственную теорию православной монархической государственности. В 1897 г. вышла его работа «Единоличная власть, как принцип государственного строения», в которой он оценивал, в основном со знаком минус, уровень науки государственного права в определении таких научных понятий, как государство, верховная власть и ее формы, психологические основы политики, взаимоотношение государства и подданных, и давал собственное их понимание [6]. Указанные вопросы нашли завершённое отражение в монографии «Монархическая государственность». В ней он обосновывал мысль о том, что России присуща единственная форма построения верховной власти в виде неограниченной монархии. В ней политико-нравственными ценностями являлись гармония церковно-государственного союза, подчинения государства народу, опирающегося не на бюрократию, а на здоровые силы общества, прежде всего православный народ, поскольку между ним и самодержавием имеется нравственная связь. То есть он определил принципиальное различие между самодержавной монархией, основанной на приоритете религиозной идеи и абсолютизмом, опирающейся на чиновничий класс, разрушивший связи между монархом и народом. В его государственной концепции были тесно взаимосвязаны вопросы политической и социальной практики. Более того, вне учета социальных реалий, по его мнению, было невозможно понять сущность государственного строя, его цели и задачи. Отсюда большое внимание к социальной политике государства, его возвращение к сословности в новых условиях, с учетом имеющихся в них существенных дифференциаций. Он предлагал «включить всю совокупность групп и слоев общества, отличающихся по социальному, профессиональному, религиозному и другим признакам в различные корпорации, профессиональные и творческие союзы, земства, производственные объединения, которые все вместе и стали бы краеугольным камнем правильно организованного сословного государства. В данном контексте он и проводил разграничение между понятиями класс и сословие и определял сословие как класс, введенный в круг государственного строения, т.е., получивший соответствующие права и обязанности» [3, с. 288–289, 327]. В этом суть его теории сословно-корпоративного строя.

В центре внимания Л. Тихомирова анализ категорий верховной и управительной властей. Первая, по его мнению, основывалась на одном из трех принципов: монархии, аристократии или демократии в соответствии с культурой отдельного народа. А в управлении отсутствует один принцип, а имеет место их синтез, организуемых верховной властью [7, с. 37]. То есть речь о том, что организация верховной власти и управления – это различные механизмы. Л. Тихомиров в целом соглашался с определением верховной власти, данным Б.Н. Чичериным – «едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти» [7, с. 37–38]. Однако он вносил свое уточнение, и замечал, что она может быть ограничена не юридически, а «содержанием того идеократического элемента, который выражает и для выражения которого признана Верховной» [7, с. 38]. Из дальнейших его рассуждений следовало, что здесь имелись в виду, во-первых, христианские ценности, выход за пределы которых означал, что верховная власть становилась незаконной и узурпаторской, а, во-вторых, неантагонистично организованный социальный строй. С верховной властью он связывал и правовой статус человека и гражданина, опирающийся на естественные права личности [7, с. 536]. Более того, он исходил из того, что от «свободы христиански развивающейся личности зависела прочность государства. Падение такой личности приведет к несовместимости свободы с государственным порядком, свобода вырождается в анархический и противообщественный произвол» [5; 9, с. 37]. Без этих основ велика угроза перерождения самодержавной монархии в абсолютную. Он исходил из того, что в абсолютизм может превратиться и демократия. В одном случае искажается воля монарха, а в другом – народная идея.

Л. Тихомиров не согласен с теорией конституционной монархии, в которой верховная власть представлена в виде совместной деятельности короля и парламента. Он считал, что в таком «единстве

государственной воли», где идет постоянная борьба, оно исключено и это является переходным периодом к установлению демократического принципа [7, с. 39, 42; 10, с. 427–432]. Верховная власть едина и не может являться сочетанием различных принципов. Точно также она не разделима в своих проявлениях на законодательное, судебное и исполнительное, которые не являются тремя независимыми властями. В то же время неизбежно разделение компетенции в управительной (исполнительной) власти, как системы специальных государственных органов, деятельность которых объединяется и направляется единой и неразделимой верховной властью [7, с. 45–46].

Он не принял политико-правовые изменения, связанные с революционным движением и идущие в разрез с его концепцией государственности, выработанные русской национальной жизнью. Л.А. Тихомиров характеризует эти идеи, как космополитичные, антисамодержавные, противоцерковные. Он видел нарушение принципа верховной власти монарха не только в ограничении его законодательных прав, но и управительных, поскольку вводился институт контрасигнатуры. Считал широкими полномочия Государственной Думы и Государственного Совета, прежде всего в сфере бюджетных прав и отмечал ослабление полномочий Св. Синода [10, с. 355–356, 542–546].

В качестве промежуточного вывода отметим следующее.

1. Реально существовавшая монархия до 1906 г. не соответствовала идеалу Л. Тихомирова, поскольку при сохранении формы в ней отсутствовало истинное православное содержание.

2. Возврат к сословно-представительной и теократической православной монархии был утопией, о чем говорила и сама государственная власть.

Список использованной литературы:

References:

1. Адыгезалова Г.Э. Значение Манифеста 17 октября 1905 г. для конституционно-правового развития России. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(3):7–17. DOI: 10.31429/20785836-14-3-7-17.
1. Adygezalova G.E. [The significance of the Manifest of 1905 for the constitutional and legal development of Russia]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(3):7–18. DOI: 10.31429/20785836-14-3-7-17. (In Russ.)]
2. Карапетян Л.А., Морозова О.Г. К вопросу о воззрениях Л.А. Тихомирова на государство через призму участия в народнических политических организациях (1870-е – середина 1880-х гг.). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(3):18–27. DOI: 10.31429/20785836-14-3-18-27.
2. Karapetyan L.A., Morozova O.G. [On the question of L.A. Tikhomirov's views on the state through the prism of participation in populist political organizations (1870s–mid 1880s)]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(3):18–27. DOI: 10.31429/20785836-14-3-18-27. (In Russ.)]
3. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова (монография). Москва: Academia; 2011.
3. Repnikov A.V., Milevskii O.A. [Two Lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia; 2011. (In Russ.)]
4. Тихомиров Л. Чего нам ожидать от революции. *Вестник Народной воли*. 1884;(2):227–262.
4. Tikhomirov L. [What do we expect from the revolution]. *Vestnik Narodnoi voli = Bulletin of the People's Will*. 1884;(2):227–262. (In Russ.)]
5. Тихомиров Л.А. Запросы времени. *Вестник народной воли*. 1885;(4):225–270.
5. Tikhomirov L. [Requests of the time]. *Vestnik Narodnoi voli = Bulletin of the People's Will*. 1885;(4):225–270. (In Russ.)]
6. Тихомиров Л.А. Единоличная власть, как принцип государственного строения (монография). Москва: Университетская тип.; 1897.
6. Tikhomirov L.A. [Sovereign power as a principle of state structure]. Moscow: University Press; 1897. (In Russ.)]
7. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность: монография. М., 2006.
7. Tikhomirov L.A. [Monarchical statehood]. M., 2006. (In Russ.)]
8. Тихомиров Л.А. Начала и концы. «Либералы» и террористы (монография). Москва: Унив. тип.; 1890.
8. Tikhomirov L.A. [Beginnings and Endings. "Liberals" and Terrorists]. Moscow: Univ. typ.; 1890. (In Russ.)]
9. Тихомиров Л.А. Россия и демократия (монография). Москва: ФондИВ; 2007.
9. Tikhomirov L.A. [Russia and Democracy]. Moscow: FondIV; 2007. (In Russ.)]
10. Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни (монография). М.: Ин-т русской цивилизации; 2008.
10. Tikhomirov L.A. [The guiding ideas of Russian life]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карапетян Лева Александрович*

доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры общетеоретических правовых дисциплин
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

ORCID: 0000-0001-6141-4619

Морозова Оксана Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
теории и истории государства и права ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4699-1976

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leva A. Karapetyan*

Doctor of History, Professor, Professor of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines of the SCF of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Professional Education of the Russian State University of
Justice

ORCID: 0000-0001-6141-4619

Oksana G. Morozova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Theory and History of
State and Law the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4699-1976

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-13-21>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ (НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ КОНФЛИКТА И ЮРИДИЧЕСКИХ ФОРМ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ)

Михель Д.Е.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Михель Д.Е. Теоретические и практические аспекты теории процессуальной справедливости в социальной психологии и юридической конфликтологии (на основе изучения конфликта и юридических форм его разрешения). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):13–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-13-21>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Михель Дина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 271-35-45

E-mail: michel-di@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.02.2023

Статья принята к печати: 28.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Многоаспектное содержание категории справедливости как универсальной меры поведения и миропонимания предопределяет появление новых и даже нетрадиционных трактовок данного понятия в современной науке. Проблемы социальной справедливости, юридической (правовой) справедливости, распределительной справедливости, формальной, межличностной и политической справедливости неоднократно обсуждались наукой на самых различных уровнях, что, несомненно, обусловлено ролью и регулятивной функцией справедливости в организации общественного взаимодействия.

Нарастающая конфликтность общества обуславливает практическую потребность в таких формах и способах разрешения споров и урегулирования конфликтов, которые позволяли бы использовать положительную функцию конфликта для обеспечения согласованного и продуктивного развития общества и удовлетворения интересов его участников. Позитивная функция конфликта будет реализована в случае общей положительной оценки справедливости взаимодействия при его разрешении, т.е. оценки справедливого результата и справедливости процедуры его достижения. Между тем на сегодняшний день в науке отсутствует единообразный подход к определению критериев общей оценки справедливости социального взаимодействия, так же, как и критериев оценки процессуальной справедливости.

Указанная проблематика обуславливает актуальность самостоятельного доктринального значения и практического интереса к изучению процессуальной справедливости как межотраслевой научной категории. Целью данного исследования является определение основных критериев справедливого социального взаимодействия, формирующих общую оценку справедливости взаимодействия, и составляющих теорию процессуальной справедливости на основании комплексного анализа некоторых аспектов процессуальной справедливости в области социальной психологии и конфликтологии.

В ходе проведенного исследования *установлено*, что:

1. Процессуальная справедливость в значении объективной справедливости понимается как обусловленная объективными факторами возможность самостоятельного контроля процедуры и оказания влияния на нее сторонами.

2. Субъективное содержание процессуальной справедливости составляет восприятие процедуры принятия решения как справедливой формы разрешения спора через удовлетворение личного интереса. Выявленная связь между оценкой справедливости процедуры и вынесением качественных решений, определяющая выбор таких процедур, обеспечивает признание и исполнение решений в долгосрочной перспективе.

3. Критериями справедливого социального взаимодействия, составляющими общую оценку справедливости взаимодействия, являются следующие: содержание социальных норм, порядок (процедура) их применения и соблюдение этих социальных норм участниками общественных отношений.

Ключевые слова: процессуальная справедливость, социальное взаимодействие, социально-психологический подход, конфликт, формы и способы разрешения споров и урегулирования конфликтов, процедура принятия решения, объективная процедурная справедливость, субъективная процедурная справедливость, модель личного интереса и коллективных ценностей, индивидуалистические культуры, коллективистские культуры, стратегии разрешения конфликтов.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE THEORY OF PROCEDURAL JUSTICE IN SOCIAL PSYCHOLOGY AND LEGAL CONFLICTOLOGY (BASED ON THE STUDY OF THE CONFLICT AND THE LEGAL FORMS OF ITS RESOLUTION)

Dina E. Mikhel

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Mikhel D.E. Theoretical and practical aspects of the theory of procedural justice in social psychology and legal conflictology (based on the study of the conflict and the legal forms of its resolution). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):13–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-13-21>

CONTACT INFORMATION:

Dina E. Mikhel, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 271-35-45

E-mail: michel-di@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.02.2023

The article has been accepted for publication: 28.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: Multidimensional content of the category of justice as a universal measure of behavior and worldview predetermines the appearance of new and even non-traditional interpretations of this concept in modern science. Problems of social justice, legal justice, distributive justice, formal, interpersonal and political justice have been repeatedly discussed by science at various levels, which is undoubtedly due to the role and regulatory function of justice in organizing social interaction.

The increasing conflictuality of society causes the practical need for such forms and methods of dispute resolution and conflict resolution, which would allow to use the positive function of conflict to ensure the coordinated and productive development of society and the satisfaction of the interests of its

participants. The positive function of the conflict will be realized in the case of a general positive assessment of the fairness of interaction in its resolution, i.e. the assessment of a fair result and fairness of the procedure of its achievement. Meanwhile, today in science there is no unified approach to the definition of the criteria of general assessment of social interaction fairness, as well as the criteria of procedural fairness assessment.

The mentioned problems determine the relevance of independent doctrinal value and practical interest in the study of procedural justice as an interdisciplinary scientific category. The purpose of this study is to determine the main criteria of fair social interaction, which form a general assessment of interaction fairness, and constitute the theory of procedural justice on the basis of a comprehensive analysis of some aspects of procedural justice in the field of social psychology and conflictology.

In the course of this study it was found that:

1. Procedural fairness in the meaning of objective fairness is understood as conditioned by objective factors the possibility of independent control of the procedure and influence on it by the parties.

2. Subjective content of procedural fairness is the perception of decision-making procedure as a fair form of dispute resolution through satisfaction of personal interest. The revealed connection between the assessment of procedural fairness and making quality decisions, which determines the choice of such procedures, ensures the recognition and enforcement of decisions in the long term.

3. Criteria of fair social interaction that make up the overall assessment of fairness of interaction are the following: the content of social norms, the order (procedure) of their application and compliance with these social norms by participants of social relations.

Keywords: procedural justice, social interaction, social psychological approach, conflict, forms and methods of dispute resolution and conflict resolution, decision-making procedure, objective procedural justice, subjective procedural justice, self-interest and collective values model, individualistic cultures, collectivistic cultures, conflict resolution strategies.

Введение

В философско-историческом аспекте справедливость имеет давнюю доктринальную традицию, так как, с одной стороны, является универсальной мерой поведения и миропонимания, а с другой – имеет конкретно-исторический характер, обусловленный не только внешними обстоятельствами, но и интересами и потребностями членов определенного общества. Справедливость как идея, чувство, принцип, идеал, норма поведения, социальный ресурс и научная категория находит свое воплощение в совокупности принципов и процедур, регулирующих распределение жизненных благ и тягот, меру прав и обязанностей, дозволенного и недозволенного, назначение наказания и освобождение от него и многие другие формы взаимодействия индивидов и общественных групп. Однако даже подобное предельно общее значение не позволяет раскрыть все аспекты, качества и свойства содержания и проявления справедливости.

В науке содержание определения общенаучной категории «справедливость» постоянно обновляется и наполняется новым смыслом.

Уже со времен античности справедливость трактовалась как идеал поиска и совершенствования оптимально и гармонично устроенного общества. Многовековая традиция изучения справедливости берет свое начало с философско-правовой мысли Древней Греции. Доктринальная востребованность проблем справедливости обусловлена ее природой – отражать экономические, политические, культурные и нравственные условия жизни общества в их развитии и связи. В зависимости от ступени цивилизации, на которой находится общество, уровня развития его социально-экономических и политических отношений, образованности и культуры видоизменяются и представления о нормативно-ценностном содержании справедливости. Однако, несмотря на различия представлений о справедливости и ее содержании, справедливость, выступая социальной ценностью, служит ориентиром в поведении людей, построении и развитии социальных институтов и критерием социального взаимодействия.

Опираясь на представления о справедливости в конкретном обществе, можно судить о степени его зрелости, цивилизованности и степени защищенности личности в этом обществе. В гармонично развивающемся и прогрессивно устроенном обществе представления его членов о справедливости и их взаимодействие на основе идеалов, морально-нравственных установок и норм о справедливости определяют результат такого взаимодействия – «наилучшие условия существования максимальному количеству граждан» [2, с. 10] или «правовое государство, в котором члены гражданского общества занимают активную гражданскую позицию для достижения всеобщего блага» [3].

С развитием и усложнением общественных отношений усложняется и содержание понятия «справедливость», поэтому для сохранения и поддержания роли этого понятия как «ориентира» необходимо постоянно совершенствовать его и наполнять новым смыслом и содержанием, адаптированным к общественным процессам [3]. Указанное обстоятельство и многоаспектное содержание категории справедливости предопределяет появление новых и даже нетрадиционных трактовок данного понятия в современной науке. Сегодня можно встретить научные исследования, посвященные различным сторонам и проявлениям справедливости. Проблемы социальной справедливости, юридической (правовой) справедливости, распределительной справедливости, формальной, межличностной и политической справедливости неоднократно обсуждались наукой на самых различных уровнях. Так, американский философ и социолог Дж. Роулз при построении своей теории социальной справедливости определяет справедливость как «честность и добродетель общественных институтов, отражающую реальное положение личности в обществе, зависимость чувства справедливости от удовлетворения экономических, политических, духовных и иных потребностей» [4, с. 137]. Принципы справедливого устройства общества с позиций оценки справедливости взаимодействия его участников анализировали такие ученые, как Б.Н. Кашников, Н.В. Гришина, Г.Ю. Карнаш, О. Хеффе и многие другие. Такая трактовка справедливости основывается на субъективном восприятии происходящего в рамках социально-психологического подхода, который разграничивает нормы, регулирующие процесс взаимодействия участников (процессуальная справедливость) и полученный результат (дистрибутивная справедливость). Признание справедливости социальной ценностью определяет необходимость соблюдения социальных норм, обеспечивающих продуктивное развитие общества, комфортное взаимодействие его участников и согласованное разрешение конфликтов в нем на основе взаимного уважения и принятия.

Конфликт является неизбежным явлением развития общества и выполняет различные функции в нем. Конфликт может быть стимулом и средством развития общественных отношений, т.е. выполнять позитивную функцию, а может, наоборот, тормозить и существенно осложнять общественное развитие. В современной науке различные подходы к содержанию, сущности и видам конфликтов, а также формам их разрешения выступают предметом изучения не только конфликтологии [1]. Определенный научный интерес к различным аспектам и формам проявления конфликта со стороны социологических, психологических и правовых наук определил вектор развития множества современных исследований в этой области научного знания. Однако научный интерес не ограничивается только изучением конфликта и форм его разрешения. С позиций социально-психологического подхода справедливость и условия ее соблюдения также часто выступают объектом научных исследований, однако, несмотря на актуальность и познавательный потенциал категории процессуальной справедливости для психологических, социологических и юридических наук, ее значение и функции в социальном взаимодействии и развитии социальных институтов, на наш взгляд, не получили должного освещения в науке.

Настоящее исследование направлено на анализ теоретических и прикладных аспектов теории процессуальной справедливости в конфликтологии и социальной психологии с целью установления основных критериев справедливого социального взаимодействия, формирующих общую оценку справедливости взаимодействия в обществе.

Методы исследования

Методология исследования представлена совокупностью общенаучных методов познания. Особое место среди которых отведено системному подходу и логическим методам. Также основу методологии исследования составляют социально-психологический подход, дискурсивный и нарративный анализ, а также сравнительный метод при изучении и сопоставлении подходов к справедливости: процессуальной справедливости, справедливом распределении благ (справедливости результатов) и о позитивном результате. Кроме того, автор обращается к анализу исследований конфликта и юридических форм его разрешения в области социальной психологии, социологии права и юридической конфликтологии. В рамках процессуального и ресурсного подходов теоретически и эмпирически обосновываются некоторые теоретические и практические положения теории процессуальной справедливости, представленные объективным и субъективным содержанием. Теоретические и практические аспекты теории основываются на результатах и выводах многочисленных эмпирических исследований ученых-социологов и психологов, проводимых в XX в. в Западной Европе, США, Японии и Китае.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования и их анализ свидетельствуют о гносеологическом потенциале процессуальной справедливости как межотраслевой (междисциплинарной) научной категории и универсальной теоретической модели построения и развития социальных институтов.

Процессуальная справедливость обуславливает социальное взаимодействие и его формы, поскольку процедурные предпочтения, например, при разрешении споров зависят от культуры общества и системы его ценностей, а также от восприятия процедуры принятия решения как справедливой формы разрешения спора.

Теоретические аспекты теории процессуальной справедливости формируются объективным и субъективным пониманием процессуальной справедливости. Представленные эмпирические результаты составляют содержание практических аспектов теории процессуальной справедливости о том, что оценка процессуальной справедливости процедуры принятия решения определяет удовлетворенность участников процесса принятым решением и их предпочтения при выборе такой процедуры. Установленная связь между оценкой справедливости процедуры и вынесением качественных решений, определяющая выбор процедур разрешения конфликтов, обеспечивает признание и исполнение решений в долгосрочной перспективе, что позволяет предотвращать конфликты внутри социальных групп, так как обеспечивает соответствие интересам их членов процедур, определяющих взаимодействие внутри социальной группы.

Таким образом, полученные выводы при анализе практических и теоретических аспектов теории процессуальной справедливости могут быть использованы при формировании единообразного подхода к определению критериев общей оценки справедливости социального взаимодействия. Так, автор предлагает следующие критерии общей оценки справедливого социального взаимодействия и процессуальной справедливости: содержание социальных норм, порядок (процедура) их применения и соблюдение этих социальных норм участниками общественных отношений.

Рассмотрим основные эмпирические результаты исследований зависимости оценки справедливости процедуры, результата и выбора форм взаимодействия на примере оценки справедливости процедур разрешения юридических конфликтов.

Исследования в области социальной психологии производились на основе изучения конфликта и юридических форм его разрешения. Ученые исследовали основные юридические формы и процедуры разрешения конфликта, достигаемые в процессе их применения результаты и восприятие участниками конфликта как самих способов, так и достигнутых результатов с точки зрения справедливости. В результате было установлено, что восприятие процессуальной справедливости влияет на то, как люди думают и как относятся к тем результатам, которых они достигли в юридических спорах [7; 8; 12; 13; 14]. Процессуальная справедливость формирует у людей чувство удовлетворенности результатом и создает хороший задел для того, чтобы они соблюдали достигнутые соглашения в будущем [14; 15].

Проведенное Лейнгом исследование показало зависимость процедурных предпочтений от культуры [7, с. 39; 8]. Так, в обществах, где межличностные отношения имеют устойчивый и длящийся характер, т.е. в коллективистских культурах, предпочтение отдается процедурам, которые допускают возможность сотрудничества, компромисса и примирения, например посредничеству и переговорам. В Китае, Японии, Испании, Турции предпочтение отдается поддержанию прочных, стабильных и гармоничных отношений, снижению враждебности, непосредственному контакту. Индивидуалисты же (Канада, США, Западная Европа) более склонны к угрозам и обвинениям в ходе разбирательства и чаще идут на прямую конфронтацию.

Указанные различия подходов к разрешению конфликтов обуславливают и понимание несправедливости. Именно поэтому процессуальная справедливость в значении объективной справедливости как возможности самостоятельного контроля процедуры и оказания влияния на нее близка индивидуалистическим культурам. В коллективистских культурах превалирует иное понимание процессуальной справедливости.

Неформальные процедуры разрешения юридических конфликтов, предваряющие официальное судебное разбирательство и позволяющие сторонам конфликта самостоятельно активно участвовать в процессе и устанавливать взаимоприемлемые правила ведения процесса, положительно воспринимаются в обществе с позиции их процессуальной справедливости и оценки достигнутого

результата. Даже если сторона терпит поражение, она переживает его гораздо легче, когда ощущает, что с процессуальной точки зрения все было справедливо.

Строго регламентированные и подчиняющиеся нормам официального процессуального права процедуры, которые не допускают альтернативного поведения и связаны формализованными рамками, вызывают у участников процесса недоверие относительно процессуальной справедливости, так как не позволяют активно участвовать в процессе, в связи с чем стороны чувствуют неудовлетворенность и невнимательность к своей позиции. Как следствие, принимаемые в ходе применения таких процедур решения чаще подвергаются обжалованию как несправедливые и не исполняются сторонами.

Таким образом, очевидна связь между оценкой справедливости процедуры, вынесением качественных решений и их исполнением. Кроме того, оценка справедливости процедуры определяет выбор таких процедур. Так, заинтересованные лица выбирают процедуру, которая дает им возможность оказать влияние на процесс принятия решения [2, с. 14]. При этом стороны соглашались с тем, что арбитр должен контролировать процесс, но отвергают строго императивный порядок. К факторам, влияющим на выбор процедуры и оценку справедливости вне зависимости от ценностей группы, относят следующие: свободу выражения своей точки зрения и вежливость; степень контроля субъекта оценки за результатом; справедливость результата, обеспеченного процедурой; некоторые характеристики ситуации и культурную принадлежность участников.

Анализ представленных эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что предпочтение одной процедуры в ущерб другим в зависимости от оценки их справедливости объясняется тем, что, во-первых, в процессуальной справедливости стороны видят залог правильных и справедливых решений, во-вторых, процессуальная справедливость дает людям информацию о занимаемом ими положении в группе, и в-третьих, представления о процессуальной справедливости позволяют преодолеть неопределенность: процессуальная справедливость – главный критерий удовлетворенности [5]. Справедливый ход процесса принятия решения в большей степени приносит удовлетворение, что в свою очередь обеспечивает признание и исполнение решения в долгосрочной перспективе. По мнению психологов, так происходит потому, что «справедливость процесса принятия решений увеличивает в глазах людей – объектов этих решений – легитимность тех, кто эти решения принимает» [14, с. 117–118; 15]. Люди следуют правилам только в том случае, если верят в легитимность тех инстанций, которые их ввели. Легитимность определяется тем, насколько при принятии правил соблюдался принцип процессуальной справедливости [14, с. 117–118]. Удовлетворение и уверенность в честности процесса и легитимности ответственного за решение обеспечивается, таким образом, нейтральностью и беспристрастностью третьей, ответственной, стороны, пользующейся доверием сторон, возможностью высказаться и полноценно представить предысторию, следованием общепринятым нормам вежливости и уважения в общении.

Исследованные эмпирические результаты подтверждают теоретические выводы о том, что восприятие процессуальной справедливости влияет на то, как люди думают и как относятся к тем результатам, которых они достигли, а также на выбор форм общественного взаимодействия и качество работы в группе. Системный анализ практических и теоретических аспектов теории процессуальной справедливости позволил установить, таким образом, основные критерии справедливого социального взаимодействия, составляющие общую оценку справедливости: содержание социальных норм, порядок (процедура) их применения и соблюдение этих социальных норм участниками общественных отношений.

Научная дискуссия

Представления о роли справедливости как общественной ценности и априорного начала построения и функционирования социальных институтов и общественных отношений возникали уже в античной философско-правовой мысли. Однако подходы к справедливости как основе общественного устройства, позволяющего комфортно и продуктивно коммуницировать, и взаимодействовать всем членам этого общества, стали появляться только в XX в. в связи с развитием индивидуалистического подхода и «субъективных интерпретаций происходящего» [2, с. 17]. В указанный период происходит признание определяющей роли человека и его активной деятельности в прогрессивном развитии общества, для которого наилучшие условия развития обеспечивает именно справедливость как социальная ценность.

Так, в социальной философии представления о справедливости и формах ее достижения сводятся к оценке справедливого социального взаимодействия. Общая оценка справедливости взаимодействия влияет на поведение участников, определение целей и задач их деятельности,

следовательно, регулятивная функция справедливости включает необходимость соблюдения социальных норм, которые также оцениваются участниками общественных отношений с точки зрения их справедливости.

В пределах социально-психологического подхода различаются нормы, регулирующие процесс взаимодействия, и нормы, регулирующие его результат, т.е. нормы дистрибутивной и процессуальной справедливости. Регулятивная функция справедливости реализуется лишь в случае соблюдения норм и дистрибутивной, и процессуальной справедливости.

Различные стороны справедливости были представлены уже в работах Аристотеля, основополагающие выводы которого и составляют современное понимание справедливости содержания, или справедливости результата (дистрибутивная справедливость), и справедливости процесса (процессуальная справедливость).

Дистрибутивная справедливость рассматривается в современных исследованиях с позиции теории беспристрастности или справедливого распределения ресурсов [6, с. 245; 16, с. 67]. Представители данной теории считают беспристрастность основной нормой справедливости, которая позволяет предотвращать конфликты в обществе и учитывать соразмерность издержек и вознаграждений.

Оценивая справедливость взаимодействия, недостаточно, однако, ориентироваться только на справедливость результата, необходимо учитывать также и справедливость его достижения, т.е. процесс. Процессуальная справедливость включает совокупность норм, применение которых ведет к принятию справедливого результата. Основные принципы, предлагаемые современными исследователями процессуальной справедливости, следующие: личная свобода, равные права и честность (защита от обмана и насилия) [4, с. 113; 10, с. 9].

Самостоятельное доктринальное значение категории «процессуальная справедливость» подтверждается исследованиями ученых-социологов и психологов, проводимыми в XX в. в Западной Европе, США, Японии и Китае. Предметом указанных научных исследований являлась процессуальная справедливость в области психологических и социологических наук. Имеющиеся исследования некоторых аспектов процессуальной справедливости в системе юридических наук также подтверждают научный интерес и потенциал этого правового феномена со стороны юриспруденции.

В лексиконе юристов процессуальная справедливость обычно обозначает, что процесс, в результате которого достигается то или иное решение, проходит объективно честно. В психологии, напротив, понятие процессуальной справедливости относится к субъективным оценкам частных лиц и их оценкам того, насколько правильно организован процесс принятия решения [14]. Представления о процессуальной справедливости отличаются от представлений о справедливом распределении благ (справедливости результатов), так же, как и от представлений о позитивном результате (насколько исход благоприятен для каждой из сторон) [14].

Одними из первых теорию процессуальной (процедурной) справедливости в социальной психологии сформулировали американские социальные психологи Дж. Тибо и Л. Уолкер [12; 13, с. 89]. Разработанная ими теория получила название «объективная процедурная справедливость». Процедурная справедливость, в соответствии с указанной теорией, зависит от таких объективных факторов, как особенности процедуры, ее способность приводить к «правильным» решениям, а не от того, как ее оценивают люди [2, с. 13]. Основная идея этой теории состоит в том, что предпочтительнее такая процедура разрешения конфликта, которая «позволяет конфликтующим сторонам контролировать процесс, предполагая одновременно, что принятие решения осуществляется беспристрастными третьими лицами (контроль результатов)» [12; 13, с. 89]. Такая трактовка процедурной справедливости, по мнению Лейнга характерна для индивидуалистических культур [7, с. 39; 8]. Лейнг и его единомышленники утверждали, что в зависимости от культуры, стереотипов и ценностей, определяющих общественные связи, устанавливаются стратегии разрешения конфликтов. Так, согласно двумерной модели конфликтного поведения, в зависимости от предпочтения собственных интересов и озабоченности интересами противоположной стороны, возможны пять основных стратегий разрешения конфликтов: сотрудничество, состязание, компромисс, примирение, избегание [11, с. 115]. Состязание представляет собой такую стратегию разрешения конфликта, при которой собственные интересы превалируют над интересами другой стороны. Такие подходы предпочитают представители индивидуалистических культур. Сотрудничество, компромисс и избегание предполагают относительное равновесие в озабоченности как своими, так и противоположными интересами. Отличие состоит лишь в уровне озабоченности:

высокий уровень озабоченности – сотрудничество, средний (сдержанный) – компромисс, низкий – избегание. На формирование такого подхода к разрешению конфликтов оказывает влияние уровень коллективизма культуры, так как для коллективистов предпочтительнее учет общественных интересов. В случае примирения приоритет отдается интересам противной стороны, а уровень озабоченности собственными интересами низкий. Определение процессуальной справедливости через удовлетворение личного интереса было предложено в модели личного интереса и коллективных ценностей [9]. Такое понимание процессуальной справедливости связано со степенью, в которой люди оценивают данную процедуру принятия решения как справедливую. Этот аспект получил название «субъективная процедурная справедливость», он предполагает проявление справедливости как чувства [2, с. 29]. Справедливость как чувство оказывает большое влияние на мотивацию, самооффективность и самоуважение участников взаимодействия.

Модель личного интереса и коллективных ценностей строится на положении о справедливости процедуры как гарантии получения желаемого результата [2, с. 29]. При этом представление о справедливости процедуры зависит не только от индивидуальных ценностей человека, но и от используемых процедур. Процедуры, традиционные для группы, считаются более справедливыми, поскольку встроены в ценностную систему этой группы. Так, в наиболее ранних исследованиях аспектов процессуальной справедливости отмечалось, что ее положительная оценка определялась официальной процедурой с участием третьей, нейтральной, авторитетной стороны, ответственной за принятие решения [13, с. 89]. Появление новых процедур и способов разрешения конфликтов отразилось и на результатах более поздних исследований [5].

Таким образом, оценка качественных решений напрямую зависит от оценки справедливости процедуры их принятия, которая в свою очередь влияет в дальнейшем на выбор форм взаимодействия и качество работы в группе.

Список использованной литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Развитие юридической конфликтологии и протокол разногласий как эффективное средство разрешения юридических конфликтов. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право*. 2018;(8):95–99.
2. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости: монография. Москва: Институт психологии РАН; 2011.
3. Михель Д.Е. Теоретико-правовые аспекты познания справедливости. *Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. 07 июня 2019*. Краснодар: Изд-во КубГУ; 2019.
4. Роулз Дж. Теория справедливости: монография. Москва, 2017.
5. Холландер-Блюмофф Р., Тайлер Т.Р. Верховенство права вне суда. *Медиация и право*. 2016;(2(40):21–41.
6. Adams J.S. Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed.) *Advances in experimental social psychology*. New York, 1965.
7. Leung K. *Cross-cultural study of procedural fairness and disputing behavior*. Champaign IL: University of Illinois; 1985.
8. Leung K., Lind E.A. Procedural justice and culture: effects of culture, gender and investigator status on procedural preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;(50):1134–1140.

References:

1. Adygezalova G.Eh. [The development of legal conflictology and the protocol of disagreements as an effective means of resolving legal conflicts]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: ehkonomika i pravo = Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. 2018;(8):95–99. (In Russ.)]
2. Gulevich O.A. [Social Psychology of Justice]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2011. (In Russ.)]
3. Mikhel' D.E. [Theoretical and legal aspects of cognition of justice]. *Zhizn' prava: pravovaya teoriya, pravovaya traditsiya i pravovaya real'nost': sb. st. po materialam IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 07 iyunya 2019 = The life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: collection of articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference on June 07, 2019*. Krasnodar: Publishing House of the Kuban State University; 2019. (In Russ.)]
4. Roulz Dzh. [The theory of justice]. Moscow, 2017. (In Russ.)]
5. Kholander-Blyumoff R., Tailer T.R. [The rule of law outside the court]. *Mediatsiya i pravo = Mediation and law*. 2016;(2(40):21–41. (In Russ.)]
6. Adams J.S. Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed.) *Advances in experimental social psychology*. New York, 1965.
7. Leung K. *Cross-cultural study of procedural fairness and disputing behavior*. Champaign IL: University of Illinois; 1985.
8. Leung K., Lind E.A. Procedural justice and culture: effects of culture, gender and investigator status on procedural preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;(50):1134–1140.

9. Lind E.A., Taylor T.R. *The Social Psychology of Procedural Justice*. New York, 1988.
10. Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books; 1974.
11. Pruitt D.G., Carnevale P.J. *Negotiation in social conflict*. Buckingham, England: Open University Press; 1993.
12. Thibaut J., Walker L. A theory of procedure. *California Law Review*. 1978;(66):541–566.
13. Thibaut J., Walker L. *Procedural justice: a psychological analysis*. Hillsdal, 1975.
14. Tyler T.R. Social Justice: Outcome and Procedure. *International Journal of Psychology*. 2000;35(2):117–118.
15. Tyler T.R. Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule-following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology*. 2009;(61):32–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михель Дина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0001-9116-5748

9. Lind E.A., Taylor T.R. *The Social Psychology of Procedural Justice*. New York, 1988.
10. Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books; 1974.
11. Pruitt D.G., Carnevale P.J. *Negotiation in social conflict*. Buckingham, England: Open University Press; 1993.
12. Thibaut J., Walker L. A theory of procedure. *California Law Review*. 1978;(66):541–566.
13. Thibaut J., Walker L. *Procedural justice: a psychological analysis*. Hillsdal, 1975.
14. Tyler T.R. Social Justice: Outcome and Procedure. *International Journal of Psychology*. 2000;35(2):117–118.
15. Tyler T.R. Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule-following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology*. 2009;(61):32–39.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dina E. Mikhel

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0001-9116-5748

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW
(STATE LAW) SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-22-30>

РОЛЬ АДВОКАТА В РАЗРЕШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Андреева А.С.^{*1}, Комарова Л.В.²

¹ Центральная специализированная коллегия адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края
(Ставропольская ул., д. 5/Б, г. Краснодар, Россия, 350033)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Андреева А.С., Комарова Л.В. Роль адвоката в разрешении административно-правовых споров. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-22-30>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Андреева Алёна Сергеевна*, адвокат, член Адвокатской палаты Краснодарского края

Адрес: Ставропольская ул., д. 5/Б, г. Краснодар, Россия, 350033

Тел.: +7 (938) 403-59-99

E-mail: andreeva.law23@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.12.2022

Статья принята к печати: 26.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью настоящей статьи является анализ и обоснование значимой роли адвоката в разрешении административно-правовых споров. Для достижения указанной цели в качестве задачи представляется необходимым проанализировать понятие административно-правового спора и определить основные способы его разрешения с участием адвоката; рассмотреть основы и преимущества участия адвоката в разрешении административно-правовых споров; проанализировать проблемы реализации полномочий адвоката при разрешении административно-правовых споров.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: метод диалектического материализма, системно-структурный, логический, формально-юридический методы.

В результате проведенного исследования автором сформулированы собственные выводы, а также некоторые проблемные аспекты теоретического и правоприменительного характера. Так, обоснована значимая роль адвоката в разрешении административно-правовых споров, обусловленная природой и субъектным составом таких споров, а также преимуществами привлечения к участию в разрешении спора лица, обладающего статусом адвоката. Выявлены отдельные проблемы реализации полномочий адвоката при разрешении административно-правовых споров.

Ключевые слова: административное право, административное судопроизводство, административно-правовой спор, орган публичной власти, адвокат, адвокатский запрос, квалифицированная юридическая помощь.

THE ROLE OF ADVOCATE IN THE RESOLUTION ADMINISTRATIVE LEGAL DISPUTES

Alyona S. Andreeva*¹, Ludmila V. Komarova²

¹ Central Specialized collegium of advocates of the Chamber of Advocates of the Krasnodar region
(Stavropol str., 5/B, Krasnodar, Russia, 350033)

² FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Andreeva A.S., Komarova L.V. The role of advocate in the resolution administrative legal disputes. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-22-30>

CONTACT INFORMATION:

Alyona S. Andreeva*, advocate, member of Krasnodar region Advocates Chamber

Address: Stavropol str., 5/B, Krasnodar, Russia, 350033

Tel.: +7 (938) 403-59-99

E-mail: andreeva.law23@gmail.com

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.12.2022

The article has been accepted for publication: 26.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The purpose of this article is to analyze the role of advocate in resolving administrative legal disputes, identify current problems in this sphere and propose ways to solve it. In order to achieve this goal, it seems necessary to analyze the concept of an administrative legal dispute as tasks and determine the main ways to resolve it with the participation of a advocate; consider the basics and advantages of a lawyer's participation in the resolution of administrative legal disputes; analyze the problems of exercising the powers of an advocate in the resolution of administrative legal disputes.

The purpose and objectives of the work determined the methodology of this study, which is based on some methods: the method of dialectical materialism, system-structural, logical, formal-legal methods.

As a result of the conducted research, the author formulated his own conclusions, as well as some problematic aspects of a theoretical and law enforcement nature. The significant role of an advocate in the resolution of administrative legal disputes is justified, due to the nature and subject composition of such disputes, as well as the advantages of involving a person with the status of an advocate in the resolution of a dispute. Some problems of the implementation of the lawyer's powers in the resolution of administrative legal disputes have been identified.

Keywords: administrative law, administrative proceedings, administrative and legal dispute, public authority, advocate, advocate's request, qualified legal assistance.

Введение

Формирующееся в современной России правовое государство предполагает абсолютный приоритет прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. Указанный вектор развития государственно-правовых явлений и процессов закреплён на конституционном уровне в ст. 2 Конституции РФ и находит свое развитие в нормах отраслевого законодательства. Как известно, неотъемлемым признаком и условием формирования правового государства является гражданское общество, которое характеризуется различными институтами, проникающими в сферу действия права.

Правовое государство и гражданское общество предполагают наличие таких институтов, которые призваны реализовывать подлинные демократические принципы в социальной практике и обеспечивать действительный приоритет прав и свобод человека и гражданина. Одним из таких институтов в современной России выступает адвокатура. В Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура определяется в

том числе в качестве института гражданского общества (ч. 1 ст. 3). Законодатель делает однозначный акцент на таком подходе к определению роли и места адвокатуры в системе общественных явлений в современном государстве.

История развития правовой системы нашей страны показала, что институт адвокатуры является необходимым элементом механизма охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Во многом именно посредством адвокатуры обеспечиваются воспринятые российским законодательством принципы равноправия, состязательности судопроизводства, равенства всех перед законом и судом, доступа к правосудию и другие важнейшие правовые принципы. При этом адвокатура выполняет еще одну важную роль в качестве института гражданского общества и правового государства. Эта роль состоит в формировании диалога между гражданами и органами публичной власти, обеспечении двусторонней связи, прежде всего, при возникновении административно-правового спора.

Методы исследования

Методология исследования, обусловленная целью и задачами работы, состоит из следующих методов: метод диалектического материализма, системно-структурный, логический, формально-юридический методы.

Результаты исследования

1. Адвокатура как институт гражданского общества и правового государства призвана обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина посредством оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи в том числе в области административных правоотношений, поскольку при возникновении административно-правового спора частное лицо (гражданин или организация) находится в неравном положении по отношению к органу публичной власти и поэтому нуждается в особой защите.

2. Юридическая природа и субъектный состав административно-правовых споров определяет высокую роль адвоката при их разрешении. Во-первых, это обусловлено высокими профессиональными требованиями к судебному представительству при разрешении административно-правовых споров в порядке административного и арбитражного судопроизводства. Во-вторых, адвокат, обладающий юридическими знаниями и опытом, выступающий в качестве представителя частного лица в административно-правовом споре, имеет возможность достичь реального результата для достижения взаимоприемлемого решения для обеих сторон административно-правового спора, если речь идет о внесудебном разрешении конфликта. В-третьих, адвокат не только способен оказать при разрешении спора квалифицированную юридическую помощь, но и использовать юридические инструменты и полномочия, предоставленные ему в связи с его особым статусом.

3. Адвокатский запрос как инструмент эффективного оказания квалифицированной юридической помощи при разрешении административно-правовых споров является элементом действенного механизма защиты прав доверителя, однако действующее законодательство не содержит исчерпывающих мер обеспечения права адвоката получать запрашиваемые им сведения от органов публичной власти. Установленная законодательством административная ответственность в рассматриваемой области не охватывает все проявления нарушения права адвоката получать запрашиваемые сведения, а также не дифференцирована в зависимости от особого статуса адвоката как субъекта обращения.

Научная дискуссия

В настоящее время построению правового государства и развитию гражданского общества уделяется пристальное внимание, как в общей теории государства и права, так и в области отраслевых юридических наук. Это обусловлено осознанной человечеством необходимостью перехода общества и государства на новый этап развития, при котором право становится важнейшим социальным регулятором, а права человека – основой конституционного строя.

Появление юридической помощи в системе правовой государственности обусловлено историческими факторами и событиями, в результате которых концепция прав человека стала фундаментом для организации политической власти, на современном этапе ею пронизаны буквально все правовые отношения и взаимодействие между государством и обществом. Л.В. Комарова раскрывает понятие регионализации, которая проявляется как проблема политической и экономической децентрализации [8, с. 232]. При этом произошла внутренняя трансформация доминирующего ранее подхода к пониманию самого права, которое уже не рассматривается как возведенная в закон воля государства. При формировании правовых предписаний учитывается

естественно-правовая концепция, ориентированная на обеспечение прав человека как высшей ценности. Современное право – это уже не просто формально определенные государством правила поведения, а система положений, основанных на признании человека, его права и свобод неоспоримой конституционной ценностью. Смена типа правопонимания и подхода к организации публичной власти на основе верховенства права обуславливает необходимость изучения основных институтов правовой системы с точки зрения актуального понимания их сущности.

Адвокатура выступает необходимым элементом правовой государственности, демократического правового режима и гражданского общества в современных цивилизованных странах. Значение адвокатуры в данном ключе проявляется в институциональном характере деятельности адвокатов. По мнению А.Т. Гольцова, «институциональные образования, осуществляя макросоциальные функции, выступают тем опосредствующим звеном, которое обеспечивает связь индивида с более широкой социально-политической системой – обществом и государством» [3, с. 99]. Это в равной степени относится и к адвокатуре, которая призвана обеспечивать взаимодействие между обществом и государством. Особым средством и основным инструментом реализации этой глобальной функции выступает оказание адвокатами квалифицированной юридической помощи.

При этом адвокатура не является государственным органом, а, наоборот, выступает независимым от государства сообществом юристов, обладающих особым профессиональным статусом. Данный аспект организации и деятельности адвокатуры имеет ключевое значение. В науке высказывается мнение о том, что только негосударственные органы могут быть институтами гражданского общества [7, с. 56]. Поэтому определение адвокатуры в качестве института гражданского общества отражает основу правового статуса данного сообщества и его роль в организации взаимодействия между обществом и государством.

Адвокат как субъект оказания квалифицированной юридической помощи активно участвует в разрешении правовых споров в различных сферах общественных отношений. В концептуальном смысле роль адвокатуры в правовом государстве раскрывается через инструментальное значение адвокатуры для обеспечения принципа верховенства права. Как отмечает А.Ю. Кирсанов, в демократически организованном обществе разрешение конфликта должно происходить без произвола и насилия, на основе известных всем правовых установлений [6, с. 53]. Данный принцип разрешения юридических конфликтов реализуется посредством нескольких институтов (судебной власти, правозащитных организаций, государственного и общественного контроля и др.), среди которых важное место принадлежит адвокатуре.

Деятельность адвокатуры обеспечивается несколькими основными принципами, закрепленными в законодательстве. Так, одним из принципов организации и деятельности адвокатуры выступает независимость. Принцип независимости подразумевает запрет на вмешательство в деятельность адвокатов и их объединений со стороны государства. Кроме того, деятельность адвокатуры основана на принципе саморегуляции. Это проявляется в корпоративных правилах поведения, традициях и ритуалах, принятых в профессиональном сообществе. Право таких сообществ, как адвокатура, на саморегулирование не оспаривается, при этом, как пишет А.А. Зозуля, границы саморегулирования определяются государством [5, с. 65]. Основы организации и деятельности адвокатуры все же урегулированы на уровне законодательства, исходящего от государства. Контроль за деятельностью адвокатуры осуществляет государственный орган – Министерство юстиции РФ и его территориальные органы. При этом согласимся с мнением А.В. Филонова и И.Ю. Стрельниковой о том, что принцип законности как единое правило взаимодействия государства и общества означает, что органы самоуправления адвокатуры должны учреждаться в строгом соответствии с законодательством [10, с. 54]. Поэтому государственное участие в регулировании адвокатской деятельности не умаляет независимость или саморегуляцию в деятельности адвокатуры, поскольку всеобъемлющий характер режима законности и верховенства права, несомненно, должен распространяться в том числе на правозащитные институты и элементы гражданского общества.

Таким образом, адвокатура представляет собой независимое от государства профессиональное сообщество. С другой стороны, по справедливому замечанию Л.Ю. Грудцовой и Г.Г. Степанова, адвокатура взаимодействует с государственными органами при выполнении своих профессиональных обязанностей [4, с. 107]. Это обусловлено существом адвокатской деятельности, при которой адвокат неизбежно сталкивается с органами публичной власти и вступает с ними в тесную связь при оказании юридической помощи доверителю. Адвокаты взаимодействуют с

государственными органами по самым разным вопросам и в рамках различных по своей природе правовых споров. Однако такое взаимодействие особенно ярко проявляется при возникновении и разрешении административно-правовых споров, учитывая их субъектный состав. В связи с этим можно утверждать, что особая роль адвокатуры как правозащитного института раскрывается при возникновении и разрешении административно-правовых споров.

Для начала необходимо определить, что представляют собой административно-правовые споры, какова их природа и признаки. Административно-правовые споры – это прежде всего, юридические споры, которые являются родовым понятием по отношению к рассматриваемой категории. Социальная практика весьма разнообразна, в связи с чем правовые споры возникают в самых разных сферах общественных отношений. Содержательная сторона правовых споров изучается юридической конфликтологией, в рамках которой в целом принято воспринимать понятия «спор» и «конфликт» в качестве синонимов. Как отмечает А.В. Никитина, правовой формой существования правового спора является конфликтное правоотношение охранительного и процессуального характера [9, с. 11]. Таким образом, в основе правового спора лежит юридический конфликт. Под конфликтом в общем виде понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе содействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями. Юридический конфликт как разновидность конфликта определяется как основанный на развитии и завершении значимых юридических противоречий социальный конфликт, возникающий в процессе социального взаимодействия, выражающийся в противоборстве сторон с противоречащими интересами, сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу и имеющий хотя бы один элемент, обладающий юридической характеристикой. Такой конфликт протекает в сфере действия права и завершается юридическим способом, т.е. юридицируется.

Правовые споры разнообразны по своему содержанию, поэтому возникают в рамках определенной сферы общественных отношений. Не является исключением и область административного права. В научной литературе административно-правовой спор определяется как «административно-правовое отношение комплексного материально-правового и процессуального характера, выражающееся в наличии противоречий сторон, вызванных конфликтом интересов в сфере государственного управления или несовпадением взглядов на законность и обоснованность организационных действий органов и лиц, наделенных государственно-властными управленческими полномочиями» [8, с. 10]. В рассмотренной дефиниции административно-правового спора, предложенной Е.Б. Лупаревым, усматриваются следующие признаки такого спора. Во-первых, административно-правовой спор характеризуется юридическим и фактическим неравенством сторон конфликта (субъектом спора является орган публичной власти или должностное лицо, наделенные властными полномочиями).

Во-вторых, специфичны предмет и объект административно-правового спора. Согласимся с мнением Е.Б. Лупарева, который считает, что объектом административно-правового спора выступает защита управленческих прав, законных интересов и порядка реализации публичных управленческих обязанностей, а предмет спора – это нарушенные субъективные управленческие права, порядок реализации обязанностей, неудовлетворенный публичный управленческий интерес¹.

В-третьих, административно-правовой спор в силу своей природы юридицируется, т.е. завершается или способен завершиться юридическим способом и имеет определенные правовые последствия. В связи с этим наиболее важным с точки зрения предмета настоящего исследования признаком административно-правового спора является способ его разрешения. Как и другие разновидности правовых споров, административно-правовые споры могут быть разрешены в судебном или внесудебном порядке. Судебный порядок разрешения спора урегулирован КАС РФ, АПК РФ, а также нормами других законов, закрепляющих право на обращение в суд в случае нарушения прав органами публичной власти. Внесудебный порядок разрешения административно-правовых споров объединяет в себе административный порядок, примирительные процедуры, альтернативные способы урегулирования споров, т.е. все те методы и средства, которые нацелены на урегулирование правового конфликта без обращения в суд или, в отдельных случаях, после обращения в судебный орган, но без разрешения спора судом по существу вследствие достижения

¹ Лупарев Е.Б. Административно-правовые споры: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 10.

сторонами компромисса. Правовой основой внесудебных способов разрешения административно-правовых споров выступают различные нормативно-правовые акты, регулирующие разные отрасли государственного управления. Отдельные нормы также отражены в процессуальных кодексах (примирительные процедуры в административном и арбитражном судопроизводстве).

Роль адвоката в разрешении административно-правовых споров раскрывается как при судебном порядке урегулирования спора, так и при внесудебном. Несмотря на значимость участия адвоката при разрешении административно-правовых споров, данная тематика не получила широкого освещения в науке. Причин такого состояния теоретической разработанности рассматриваемой темы несколько. Во-первых, законодательство, регулирующее порядок разрешения административно-правовых споров, сформировалось относительно недавно и продолжает развиваться в настоящее время. Как известно, в 2015 г. был принят КАС РФ, ставший процессуальной основой разрешения административно-правовых споров в судебном порядке. Кроме того, в последние годы подробное законодательное закрепление в сфере административно-правовых споров получили примирительные процедуры (ст. ст. 137–137.7 КАС РФ). Также в 2020 г. была полностью пересмотрена законодательная основа государственного и муниципального контроля, результатом чего стало принятие нового Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который закрепляет в том числе процедуры досудебного порядка подачи жалоб на действия (бездействие) и решения контрольных (надзорных) органов. Второй причиной низкой популярности и недостаточной теоретической разработанности темы участия адвоката в разрешении административно-правовых споров является сама природа таких споров. Субъектный состав административно-правовых споров характеризуется обязательным участием органа публичной власти или его должностного лица, что предопределяет возможность участия адвоката только со стороны гражданина или частного юридического лица. В таких условиях зачастую разрешение административно-правовых споров, в частности, во внесудебном порядке становится неуместным или невозможным.

С другой стороны, на наш взгляд, именно природа и субъектный состав административно-правовых споров определяет роль адвоката при их разрешении. Так, особенностью административного судопроизводства выступают высокие профессиональные требования к судебному представительству. В соответствии с ч. 1 ст. 55 КАС РФ, представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Данное правило распространяется на производство в судах всех инстанций, а не только проверочных, как это установлено, например, в гражданском судопроизводстве.

Такой подход к судебному представительству обусловлен общей реформой рынка оказания юридических услуг в современной России, которая напрямую затрагивает адвокатскую деятельность. Еще в 2017 г. Минюстом России был утвержден проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, который, в сущности, является планом создания в нашей стране ограниченной адвокатской монополии. В соответствии с Концепцией планируется окончательное формирование профессионального судебного представительства, т.к. предполагается, что представительство во всех судебных инстанциях вправе будут осуществлять только адвокаты и некоторые другие категории лиц, указанных в Концепции. С обозначенного периода также планируется, что юридическую помощь в Российской Федерации на возмездной основе вправе будут оказывать только адвокаты и адвокатские образования. Все мероприятия, проводимые в рамках Концепции Минюста России, предлагается завершить 01 января 2023 г. Представляется, сроки реализации Концепции, если все же она будет доведена до конца, еще неоднократно подвергнутся переносу. К настоящему времени лишь немногие ее положения были претворены в жизнь, поэтому пока можно говорить о формировании лишь ограниченной юридической монополии, которая установлена в нескольких видах судопроизводства. Юридическая монополия предполагает лишь образовательный ценз. Это означает, что судебными представителями могут быть лица, имеющие высшее юридическое образование, удостоверенное соответствующим документом. Многими учеными юридическая монополия представляется недостаточной мерой для достижения тех целей, для которых она частично введена [2, с. 404]. Это связано, прежде всего, с низким качеством юридического образования в России, которое необходимо для судебного представительства.

Адвокатская монополия многим представителям юридического сообщества видится более эффективным средством регулирования рынка юридических услуг, поскольку адвокаты должны не только обладать высшим юридическим образованием, но и иметь определенный юридический стаж,

наличие которого является условием для допуска к сдаче квалификационного экзамена на статус адвоката. На наш взгляд, еще одним важным преимуществом адвокатов как профессиональных юристов выступает наличие в системе регулирования их деятельности этических норм, которые накладывают на адвокатов повышенные моральные и нравственные требования, связанные с профессиональной деятельностью. Нарушение положений профессиональной этики является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения его статуса.

Несмотря на благородные и весьма оправданные цели Концепции Минюста России, выявленные в результате заимствования положительного зарубежного опыта, ограниченная адвокатская монополия встретила большое число противников в России. В литературе высказывается масса аргументов против адвокатской монополии как института, к которому не готова правовая система нашей страны [1, с. 152–179]. Независимо от итогов реализации Концепции Минюста России, в административном судопроизводстве уже сделаны существенные шаги в сторону профессионализации судебного представительства, что объективно обуславливает значимость института адвокатуры в разрешении административно-правовых споров в судебном порядке. Ограничение, связанное с образовательным и профессиональным цензом для судебных представителей в административном судопроизводстве, позволяет рассматривать адвокатов в качестве ключевых участников судебного процесса. Следствием такого законодательного подхода к судебному представительству выступает не только повышение профессионализма участников административного судопроизводства, но и более высокое качество оказания юридической помощи по административным делам, что позволяет более эффективно защищать права граждан в рамках административно-правовых споров.

Также следует отметить, что споры с участием органов публичной власти, которые могут быть разрешены и во внесудебном порядке, подразумевают наличие у обеих сторон правовых знаний, без которых граждане или представитель юридического лица самостоятельно не могут построить конструктивный диалог с органом публичной власти, в структуре которого есть штат юристов. Таким образом, представляется, адвокат, обладающий юридическими знаниями и опытом, выступающий в качестве представителя частного лица в административно-правовом споре, имеет возможность достичь реального результата для достижения взаимоприемлемого решения для обеих сторон административно-правового спора. В данном случае речь идет о внесудебном порядке разрешения спора или о примирительных процедурах, возможных даже в случае, если судебный процесс по административно-правовому спору уже начат.

Кроме того, адвокат в силу имеющихся юридических знаний и специфики деятельности, направленной на постоянную защиту и недопущение нарушения прав доверителя, может и в отдельных случаях должен инициировать обжалование решений, действий или бездействия органов публичной власти и их должностных лиц посредством имеющихся в действующем законодательстве механизмов. Иными словами, адвокат в силу своей квалификации знает, каким образом необходимо эффективно отстоять права доверителя. Ведь на практике нередко в процессе разрешения административно-правового спора, особенно во внесудебном порядке, уполномоченные органы не соблюдают сроки рассмотрения обращений граждан и их адвокатов, в ответе на обращение допускают формальные «отписки», которые не решают вопрос, указанный в обращении, по существу, и др. В таком случае административно-правовой спор перетекает в другую плоскость, в некое противостояние между гражданином и органом публичной власти, когда последний выполняет свои обязанности поверхностно и формально. Граждане, как правило, просто не осведомлены о том разнообразии механизмов защиты своих прав, которые возможно реализовать в подобных случаях, в чем им может помочь именно адвокат.

Преимущества участия адвоката в разрешении административно-правовых споров не ограничиваются лишь обладанием юридическими знаниями и опытом при взаимодействии с органами публичной власти в интересах доверителя – гражданина или юридического лица. Адвокат не только способен оказать при разрешении спора квалифицированную юридическую помощь, но и использовать инструменты, предоставленные ему в связи с его особым статусом. Так, определенно правильным решением законодателя стало предоставление адвокату права на направление адвокатского запроса, в том числе в адрес органов публичной власти. Адвокатский запрос предоставляет адвокату право запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций (ст. 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации»). Адвокаты хоть и не входят в структуру системы государственной власти, все же обладают полномочием направлять адвокатский запрос, имеющим явный публичный и обязательный характер. Это выражается в ответственности, установленной за неправомерный отказ в предоставлении сведений адвокату, нарушение сроков предоставления сведений (ч. 5 ст. 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Тем не менее современное законодательство не содержит эффективного юридического механизма воздействия со стороны адвоката на органы публичной власти в случае, если последние игнорируют адвокатский запрос или неправомерно отказывают в предоставлении запрашиваемых сведений. Дело в том, что ч. 5 ст. 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» хоть и указывает на юридическую ответственность в случае неправомерного отказа в предоставлении сведений адвокату и нарушения сроков предоставления сведений, конкретных мер ответственности не содержит. В отраслевом законодательстве существует лишь одна норма, предусматривающая ответственность за непредоставление сведений адвокатам, – статья 5.39 КоАП РФ, в которой состав административного правонарушения выражается в неправомерном отказе в предоставлении гражданину, в том числе адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременном ее предоставлении либо предоставлении заведомо недостоверной информации.

Анализ диспозиции ст. 5.39 КоАП РФ обнаруживает несколько проблем. Так, упоминание в ст. 5.39 КоАП РФ среди граждан отдельно адвокатов хоть и имеет важное практическое значение для однозначного применения данной нормы в отношении права адвоката получать сведения посредством направления адвокатского запроса, но, в сущности, не определяет адвоката как особого субъекта обращения наряду с другими гражданами, поскольку ответственность по ст. 5.39 КоАП РФ не дифференцирована в зависимости от статуса субъекта обращения. В целом практика показывает, что органы публичной власти отвечают на адресованные им адвокатские запросы и предоставляют запрашиваемые сведения, если они не относятся к информации ограниченного доступа. В то же время объем и содержание предоставляемой информации может не соответствовать адвокатскому запросу. В подобных ситуациях должен действовать механизм публичной юридической ответственности, который позволит адвокатам беспрепятственно реализовывать свои полномочия в интересах доверителя. На практике органы публичной власти могут предоставить адвокату сведения, но не в полном объеме, или же предоставить информацию, содержание которой не соответствует адвокатскому запросу. Указанные формы нарушения права адвоката на получение запрашиваемых сведений не охватываются диспозицией ст. 5.39 КоАП РФ, что делает невозможным в перечисленных случаях привлечение нарушителя к административной ответственности.

Таким образом, адвокатура, являясь институтом гражданского общества, имеет своим призванием защищать права и свободы граждан, в том числе в случае их нарушения органами публичной власти. Административно-правовые споры, характеризующиеся неравным положением их субъектов, обуславливают повышенное внимание к менее защищенной стороне спора – частным лицам, не обладающим публичными властными полномочиями. Адвокат как лицо, имеющее юридические знания и опыт, способен оказать квалифицированную юридическую помощь доверителю – участнику административно-правового спора, используя предоставленные полномочия и юридические инструменты. Кроме того, адвокат как профессиональный представитель способен реально сформировать конструктивный диалог между сторонами административно-правового спора с целью достижения взаимоприемлемого решения. В этом проявляются преимущества привлечения адвоката к участию в разрешении административно-правовых споров, которые обосновывают роль адвоката в данном процессе.

Список использованной литературы:

1. Верещагин А.Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии. *Экономическая политика*. 2017;12(2):152–179. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-07.
2. Гайфутдинова Р.З. Актуальные проблемы договорного представительства в гражданском процессе Российской Федерации. *Проблемы в*

References:

1. Vereshchagin A.N. [On the assessment of the validity of the lawyer's monopoly]. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2017;12(2):152–179. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-07. (In Russ.)]
2. Gayfudinova R.Z. [Actual problems of contractual representation in the civil process of the Russian Federation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps*

российском законодательстве. 2018;(4):403–405.

3. Гольцов А.Т. Институциональный фактор как существенное условие социально-экономического взаимодействия в государственно-организованном обществе. *Евразийская адвокатура*. 2020;5(48):97–102.

4. Грудцына Л.Ю., Степанов Г.Г. Адвокатура как институт гражданского общества в современной России. *Образование и право*. 2019;(5):107–110.

5. Зозуля А.А. Адвокатура как саморегулируемый институт гражданского общества: теоретико-правовой аспект. *Евразийская адвокатура*. 2021;5(54):62–68.

6. Кирсанов А.Ю. О роли адвокатуры в формировании правового государства в Российской Федерации. *Государственная служба и кадры*. 2021;(4):53–55. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-4-53-55.

7. Кирсанов А.Ю. Об институтах гражданского общества и их роли в формировании правового государства в Российской Федерации. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021;(3):54–56.

8. Комарова Л.В. Историческая взаимосвязь регионализма с локальными процессами: социально-философский анализ. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012;(3):232–234.

9. Никитина А.В. Конституционно-правовые споры: понятие, признаки, критерии отграничения от иных видов публично-правовых споров. *Юридические исследования*. 2018;(9):10–18. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.9.27020.

10. Филонов А.В., Стрельникова И.Ю. Адвокатура как институт гражданского общества в Российской Федерации и Западной Европе: сравнительно-правовой анализ. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021;(2):52–58. DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-52-58.

in Russian legislation. 2018;(4):403–405. (In Russ.).

3. Gol'tsov A.T. [Institutional factor as an essential condition of socio-economic interaction in a state-organized society]. *Evrasijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2020;5(48):97–102. (In Russ.)]

4. Grudtsyn L.Yu., Stepanov G.G. [Advocacy as an institution of civil society in modern Russia]. *Obrazovanie i parvo = Education and law*. 2019;(5):107–110. (In Russ.)]

5. Zozulya A.A. [Advocacy as a self-regulating institution of civil society: theoretical and legal aspect]. *Evrasijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2021;5(54):62–68. (In Russ.)]

6. Kirsanov A.Yu. [On the role of advocacy in the formation of the rule of law in the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil service and personnel*. 2021;(4):53–55. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-4-53-55. (In Russ.)]

7. Kirsanov A.Yu. [On the institutions of civil society and their role in the formation of the rule of law in the Russian Federation. Education]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. The science. Scientific personnel*. 2021;(3):54–56. (In Russ.)].

8. Komarova L.V. [Historical interrelation of regionalism with local processes: socio-philosophical analysis]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*. 2012;(3):232–234. (In Russ.)].

9. Nikitina A.V. [Constitutional and legal disputes: the concept, signs, criteria for distinguishing from other types of public law disputes]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research*. 2018;(9):10–18. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.9.27020. (In Russ.)].

10. Filonov A.V., Strel'nikova I.Yu. [Advocacy as an institution of civil society in the Russian Federation and Western Europe: comparative legal analysis]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. The science. Scientific personnel*. 2021;(2):52–58. DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-52-58. (In Russ.)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Алёна Сергеевна*

адвокат, член Адвокатской палаты Краснодарского края

Комарова Людмила Викторовна

профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-7442-512X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alyona S. Andreeva*

advocate, member of Krasnodar region Advocates Chamber

Lyudmila V. Komarova

Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-7442-512X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-31-39>

ИМЕЕТ ЛИ ПОЛИЦИЯ НАДЗОРНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА?

Воробьев Д.В.

Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Воронежской области
(Володарского ул., д. 39, г. Воронеж, Россия, 394018)

Ссылка для цитирования: Воробьев Д.В. Имеет ли полиция надзорные полномочия в сфере потребительского рынка? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):31–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-31-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Воробьев Дмитрий Валерьевич, старший оперуполномоченный по особо важным делам оперативно-разыскной части собственной безопасности ГУ МВД России по Воронежской области

Адрес: Володарского ул., д. 39, г. Воронеж, Россия, 394018

Тел.: +7 (999) 435-76-54

E-mail: glokky@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.02.2023

Статья принята к печати: 14.03.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью исследования является сравнительно-правовой анализ классической концепции государственного надзора и риск-ориентированной модели осуществления этой деятельности, предусмотренной нормами Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» на примере полномочий полиции по выявлению и пресечению правонарушений в сфере потребительского рынка.

Методы, использованные автором, можно представить в комплексе, среди них особое место занимают анализ, синтез, обобщение, аналитика, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

По результатам исследования делается *вывод* о необходимости дальнейшего развития института государственного надзора и установления горизонтальных связей между отраслевым надзором, специальным надзором и надотраслевыми надзорными полномочиями отдельных правоохранительных органов.

Ключевые слова: государственный надзор, отраслевой надзор, специальный надзор, профилактика правонарушений, надзорная деятельность органов публичной власти, контрольно-надзорная деятельность, отдельные надзорные полномочия, надотраслевой полицейский надзор, потребительский рынок, правонарушения.

DO THE POLICE HAVE SUPERVISORY POWERS IN THE CONSUMER MARKET?

Dmitry V. Vorobyev

Main Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Voronezh region
(Volodarsky str., 39, Voronezh, Russia, 394018)

Link for citation: Vorobyev D.V. Do the police have supervisory powers in the consumer market? *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):31–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-31-39>

CONTACT INFORMATION:

Dmitry V. Vorobyev, Senior Detective for Particularly Important Cases of the Operative and Investigative Department of the Internal Security Directorate of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Voronezh Region

Address: Volodarsky str., 39, Voronezh, Russia, 394018

Tel.: +7 (999) 435-76-54

E-mail: glokky@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.02.2023

The article has been accepted for publication: 14.03.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The purpose of the study is a comparative legal analysis of the classical concept of state supervision and the risk-based model for the implementation of this activity, provided for by the norms of the Federal Law of July 31, 2020 № 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" using the example powers of the police to detect and suppress offenses in the consumer market.

The methods, used by the author can be presented in a complex, among them a special place is occupied by analysis, synthesis, generalization, analytics, comparative legal and formal legal methods.

Based on the results of the study, it is concluded that it is necessary to further develop the institution of state supervision and establish horizontal links between sectoral supervision, special supervision and supra-sectoral supervisory powers of individual law enforcement agencies.

Keywords: state supervision, sectoral supervision, special supervision, crime prevention, supervisory activities of public authorities, control and supervisory activities, individual supervisory powers, supra-sectoral police supervision, consumer market, offenses.

Введение

Проблемам нормативного регулирования государственного надзора и его разновидностей, – надзора административного, посвящено множество научных исследований, а само это регулирование представлено многочисленными актами различной юридической силы. Контент-анализ только федерального законодательства показывает, что словосочетание «государственный надзор» используется в 823 Законах и Федеральных законах Российской Федерации. Новой вехой развития рассматриваемого правового института стало принятие и вступление в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Вместе с тем усовершенствование модели общего государственного надзора на основании риск-ориентированного подхода ставит перед научным сообществом и правоприменителем вопросы о его соотношении с государственным надзором в отдельных отраслях, на которые не распространяется действие указанного выше Федерального закона. Более того, отсутствует однозначное понимание о соотношении превентивных и пресекающих полномочий полиции в обновленной системе государственного надзора. Основопологающей целью настоящей статьи является внесение вклада в разрешение обозначенных проблемных вопросов на примере изучения административной деятельности полиции в сфере потребительского рынка. Решение данной цели потребует: оценки совместимости различных актов, образующих систему отечественного законодательства о государственном надзоре; внутреннего структурирования государственного надзора на отдельные элементы; оценки наличия выявленных элементов в полномочиях полиции по профилактике, предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере потребительского рынка.

Методы исследования

Методология исследования подразумевает как использование общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, аналитика), так и применение специально-юридических методов (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

Результаты исследования

Сформулированные результаты исследования, можно представить следующими тезисами, которые в дальнейшем подробно раскрыты в рамках научной дискуссии:

1. По прошествии 15 лет с момента реформирования государственного надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов на потребительском рынке, вопрос о достаточности и сбалансированности полномочий полиции в данной сфере остается открытым.

2. Автор делает вывод о том, что следует избегать существенного дублирования полномочий полиции и Роспотребнадзора в сфере потребительского рынка, при этом создать «точки конкурентного соприкосновения» министерства и федеральной службы в тех сегментах рынка, на которые «здесь и сейчас» следует обратить особое внимание.

3. Концепцию государственного надзора следует дополнить в части принятия и разграничения общего отраслевого надзора, специального отраслевого надзора и надотраслевых надзорных полномочий отдельных правоохранительных органов.

Научная дискуссия

Изучение научных статей, диссертаций и монографических публикаций, посвященных вопросам административного надзора (контроля), позволяет говорить о достаточно однотипной структуре их дебюта, – зачастую он строится вокруг соотнесения разноплановых взглядов ученых на этот правовой институт¹. Стремясь лаконично определить исходные позиции автора в отношении вопросов государственного надзора, отметим среди оптимальных доктринальные позиции работы С.М. Зырянова [6, с. 75] и А.В. Мартынова². Воззрения этих ученых нашли свое отражение в нормах Федеральных законов № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»³ (далее – ФЗ № 247) и № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴ (далее – ФЗ № 248), а также в принимаемых на их основе законодательных и подзаконных нормативных актах.

Совокупная оценка нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере позволяет говорить о достаточно инновационном подходе к построению отраслевого (в определенной сфере или отрасли хозяйства) государственного надзора, который характеризуется: риск-ориентированным подходом к обоснованию вмешательства государства в дела хозяйствующих субъектов; превалированием профилактики над пресечением противоправных деяний; поглощением государственным надзором института профилактики правонарушений; детализацией процедурных форм проведения проверок объекта надзора, а также порядка обжалования принимаемых государственно-властным субъектом решений по факту таких проверок.

Профессор А.В. Мартынов отмечает, что административный надзор предназначен «для профилактики, предупреждения и пресечения правонарушений, выявления и ликвидации угроз безопасности обществу и государству, защиты и охраны конституционных прав и свобод граждан, обеспечения законных интересов организаций, противодействия противоправному поведению, реализации правовых норм с целью решения задач управления, осуществляемую в рамках соответствующих административно-надзорных производств посредством установленных в

¹ Акопов Л.В. Контроль в управлении государством: конституционно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 17–104; Бутылина Е.В. Земельный надзор и контроль: автореф. дис. ... канд. юрид. М., 2015. С. 15–17; Кураков Д.В. Административный надзор в деятельности полиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2012. С. 14–41; Редько Н.Л. Персонифицированный полицейский надзор: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 10–11; Сургутсков В.И. Лицензионно-разрешительный надзор милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 11–22.

² Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 23.

³ Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

законодательстве административных процедур»¹. Именно такой подход прослеживается в тексте принятого спустя 10 лет после написания этих строк Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Нормативно закрепленное в данном акте определение государственного (муниципального) контроля (надзора) содержит в себе отсылки к целому ряду нормативных правовых актов различной юридической силы:

1. Целями надзора (контроля) выступают:

а) «предупреждение, выявление и пресечение нарушений», что отсылает нас к нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях² и Уголовного кодекса РФ³;

б) «устранение их (нарушений) последствий и (или) восстановление правового положения», – данная цель коррелирует с точно распространенными по законодательной материи административно-восстановительными мерами; применительно к заявленной в теме статьи сфере такие меры предусмотрены в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁴ и реализуются с учетом положений акта судебного толкования, – п. 30–54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁵.

2. Нарушения выражаются в несоблюдении обязательных требований к осуществлению той или иной деятельности, они определяются ФЗ № 247 и принимаемыми на его основании подзаконными нормативными актами, а также государственными стандартами и техническими регламентами. Применительно к сфере защиты прав потребителей такими нормативными регуляторами выступают Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1005 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей»⁶, Приказ Роспотребнадзора от 26.01.2022 № 29 «Об утверждении перечня индикативных показателей, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей»⁷, а также технические регламенты Таможенного Союза № 004/2011⁸, 005/2011⁹, ТР ТС 007/2011¹⁰, 008/2011¹¹, ТР ТС 009/2011¹² и др.

3. В Федеральном законе № 248 особое внимание уделяется профилактике нарушений, что связывает его с положениями Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹³. Новшеством ФЗ № 248 является раздел 4 «Профилактика рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, независимая оценка соблюдения обязательных требований».

¹ Мартынов А.В. Указ. соч. С. 27.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей: Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1005 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении перечня индикативных показателей, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей: Приказ Роспотребнадзора от 26.01.2022 № 29 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ О безопасности низковольтного оборудования: Технический регламент Таможенного Союза // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О безопасности упаковки: Технический регламент Таможенного союза // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков: Технический регламент Таможенного союза // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О безопасности игрушек: Технический регламент Таможенного союза // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² О безопасности парфюмерно-косметической продукции: Технический регламент Таможенного союза // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Надзорная деятельность органов публичной власти в соответствии со ст. 2 ФЗ № 248 распространяется на сферу лицензирования, которая осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹.

5. Наконец, содержательным элементом контрольно-надзорной деятельности является реализация уполномоченными органами и их должностными лицами мер по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений, то есть по применению от имени государства властных, в том числе, принудительных полномочий, ограничивающих права физических и юридических лиц. Этот элемент отсылает нас к широкому перечню законодательных и подзаконных нормативных актов, раскрывающих правовой статус правоохранительных и иных надзирающих органов. Применительно к государственному надзору в сфере потребительского рынка основным актором выступает Роспотребнадзор², при этом отдельными надзорными полномочиями также наделены Росздравнадзор (в части оборота лекарственных средств и медицинских изделий), ФНС России (организация азартных игр, тотализаторов, лотерей), Росалкогольрегулирование (в части оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции) и Роскомнадзор. Федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей осуществляется на основании Перечня индикативных показателей, который утвержден Приказом Роспотребнадзора от 26.01.2022 № 29³.

Исходя из рассмотренных доктринальных позиций и норм отечественного законодательства можно сделать промежуточный вывод, что государственный надзор в сфере потребительского рынка включает широкий комплекс мер по: профилактике и предупреждению правонарушений в сфере потребительского рынка; организации проверки деятельности хозяйствующих субъектов на предмет соответствия установленным законодательными, подзаконными и технологическими нормами обязательных требований, в том числе, в рамках лицензирования соответствующих видов деятельности; выявлению и пресечению правонарушений в сфере потребительского рынка.

Дополнительные специфические черты государственный надзор приобрел в текущей внешнеполитической и социально-экономической обстановке, которая характеризуется, среди прочего, массированным санкционным давлением на отечественную экономику. Реакцией на эти деструктивные факторы стало принятие Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», согласно которому в 2022 году был наложен мораторий на проведение плановых надзорных мероприятий и плановых проверок, в том числе, в сфере потребительского рынка. Существенные ограничения на реализацию государственно-надзорных функций введены и в 2023 году, – плановые проверки могут быть проведены только в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, а также гидротехническим сооружениям II класса.

Вместе с тем, несмотря на множественные реформации в сфере государственного надзора и контроля, которые вызваны как объективными потребностями, так и субъективно возникшими обстоятельствами, в отечественном законодательстве и правоприменении сохраняются и классические подходы к определению содержания надзора. На это указывают множественные исключения из сферы ведения ФЗ № 248, которые перечислены в ч. ч. 4 и 5 ст. 2 этого нормативного акта. Например, общие правила не распространяются на государственный надзор в сферах: безопасности дорожного движения; оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; лесной охраны; антитеррористической защищенности объектов (территорий); оборота оружия; частной детективной и охранной деятельности; миграции; антимонопольного законодательства и т.д. Надзор в данных сферах безусловно признается исследователями

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении перечня индикативных показателей, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей: Приказ Роспотребнадзора от 26.01.2022 № 29 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

государственным¹ [1; 2; 4], хотя его нормативное регулирование существенно может отличаться от концепции ФЗ № 248.

С определенной долей условности можно утверждать, что рассматриваемый закон регулирует общий отраслевой государственный надзор, в то время как иные законодательные акты определяют объем и содержание специальных разновидностей государственно-надзорной деятельности. Специальный государственный надзор не всегда строится на риск-ориентированном подходе, может оперировать отличными от перечисленных в ФЗ № 248 мерами профилактического и принудительного характера, включать в себя отдельные элементы административно-деликтного производства. Например, согласно п. 31 утвержденного приказом МВД России от 23.08.2017 № 664 Административного регламента² в перечень административных процедур государственного надзора в сфере обеспечения безопасности дорожного движения включено «применение мер административного воздействия в соответствии с законодательством РФ об административных правонарушениях».

Согласно же нормам Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» административно-деликтное производство должно быть строго отграничено от сферы надзора, оно рассматривается как последующая за ним стадия, возникающая в случае выявления нарушений, подлежащих квалификации по КоАП РФ или соответствующим региональным законам. Вместе с тем невозможно отрицать, что на уровне целеполагания административно-надзорная и административно-юрисдикционная деятельность схожи, – их конечная цель заключается в предупреждении противоправных деяний, при этом круг государственно-властных субъектов, наделенных полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях, значительно шире, нежели перечень субъектов государственно-надзорной деятельности. В частности, должностные лица органов внутренних дел (полиции) не наделены надзорными полномочиями в сфере потребительского рынка, однако в силу положений Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»³ (например, п. 2 ч. 1 ст. 2, п. 2 ч. 2 ст. 27, п. 1 ч. 1 ст. 20, п. 2 ч. 1 ст. 21) и КоАП РФ вправе и обязаны профилировать, предупреждать, выявлять, пресекать и осуществлять производство по отдельным составам административных правонарушений в сфере потребительского рынка.

К таковым следует отнести, например, деликты, предусмотренные ст. 14.2 «Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена» – в 2022 году пресечено 17 294 АПН, ст. 14.7 «Обман потребителей» – 130 АПН, ст. 14.10 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» – 3 740 АПН, ст. 14.15 «Нарушение правил продажи отдельных видов товаров» – 2 700 АПН, ч. ч. 1 и 2 ст. 14.16 «Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» – 37 087 АПН и др. Изучение административно-деликтной статистики МВД России позволяет заключить, что инициативное возбуждение дел данной категории является повседневным и массовым. А ведь помимо административной юрисдикции органы внутренних дел обладают широкими уголовно-процессуальными полномочиями по составам преступлений в сфере предпринимательской деятельности на потребительском рынке, которые также опираются на возможности наблюдения и оценки деятельности хозяйствующих субъектов.

Важно отметить, что полиции вменяется в обязанность осуществлять превенцию, выявление и пресечение правонарушений в данной сфере, однако эти направления деятельности не охватываются институтом отраслевого или специального государственного надзора, о которых мы говорили ранее. С позиции закона следовало бы говорить о «вненадзорных» полномочиях по противодействию правонарушениям, с теоретической же точки зрения можно выдвинуть идею о надотраслевом полицейском надзоре, схожем по своей правовой природе с надзором прокурорским. Для разрешения возникшего противоречия рассмотрим превентивные и пресекающие полномочия полиции и

¹ Фаисханов Р.Р. Организационно-правовые основы разрешительной деятельности Ростгвардии в области оборота гражданского оружия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.

² Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

субъекта общего государственного надзора в сфере потребительского рынка, – Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Превенция правонарушений осуществляется полицией в форме профилактики и предупреждения [3, с. 297–303], не является исключением в данном контексте и правонарушения на потребительском рынке. Автор исходит из позиции о необходимости разграничения этих категорий, как направлений деятельности, преследующих идентичную цель, – недопущение совершения противоправных деяний, – однако обеспечивающих ее достижение с использованием различных методов [5, с. 87–90]. Профилактика опирается на метод убеждения и нацелена на формирование у лица добровольного стремления соблюдать и корректно реализовывать требования нормативных правовых актов в соответствующей сфере¹. Предупреждение же, в свою очередь, выступает формой реализации метода психологического принуждения и выражается в официальном предостережении хозяйствующего субъекта о недопустимости нарушения законодательства и необходимости устранения причин и условий, способствующих совершению подобных правонарушений, введения иных ограничительных мер, снижающих вероятность допущения нарушения².

Легальная интерпретация рассматриваемого правового института несколько отличается от высказанной концепции, – согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предупреждение правонарушений названо одним из направлений профилактики. Подобная позиция законодателя, на наш взгляд, лишает термин «предупреждение» какого-либо уникального смысла и противоречит административно-правовой доктрине, выделяющей административно-предупредительные меры именно в составе метода принуждения, а не убеждения.

В соответствии со ст. 17 указанного закона к основным формам профилактического воздействия отнесены: 1) правовое просвещение и правовое информирование; 2) профилактическая беседа; 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; 4) профилактический учет; 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; 6) профилактический надзор; 7) социальная адаптация; 8) ресоциализация; 9) социальная реабилитация; 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, – назовем эти меры формами общей (т.е. надотраслевой) профилактики.

В соответствии же с нормами главы 10 ФЗ № 248 формы профилактики вообще не выделяются, однако приводятся виды «надзорных» профилактических мероприятий: а) информирование; б) обобщение правоприменительной практики; в) меры стимулирования добросовестности; г) объявление предостережения; д) консультирование; е) самообследование; ж) профилактический визит.

Сравнение этих двух классификаций позволяет заключить, что «общая» и «надзорная» профилактики существенно отличаются по набору инструментов воздействия и по содержанию. Лишь треть перечисленных мер имеют смысловые пересечения в рассматриваемых законодательных актах. Более того, спорным профилактическим потенциалом в общеправовом понимании обладает такая мера, как «обобщение правоприменительной практики». Во-первых, в рамках этого мероприятия на хозяйствующий субъект воздействие вообще не оказывается, а во-вторых, согласно ст. 47 ФЗ № 248 обобщение практики подразумевает запрос интересующей информации (т.е. применение меры принуждения), подготовку доклада (внутриорганизационная неправовая деятельность), который подлежит утверждению приказом (распоряжением) руководителя надзорного органа (нормотворческая деятельность).

Подобные разночтения возникают, как нам представляется, в связи с различным предназначением Федеральных законов № 182 и № 248. В первом случае за основу берутся социально-психологические детерминанты деликтности как явления, а профилактическое воздействие осуществляется на причины и условия противоправных деяний, а во втором случае основу составляет концепция безопасности, определяемая через защиту интересов от угрожающим

¹ Грибанов Е.В. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ / под ред. А.В. Симоненко. М.: Проспект; 2021. С. 16.

² Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник / М.Е. Труфанов [и др.]; под общ. ред. К.Д. Рыдченко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России; 2020. С. 33–35.

им рисков, на которые и осуществляется нейтрализующее воздействие. Очевидно, что единственно верного подхода к определению рассматриваемого вида деятельности не существует, однако использование одного термина, – «профилактика», – для описания сущностно различных явлений представляется нам спорным, требующим корректировки. По мнению авторов, которое скорее является призывом к научной дискуссии, а не догматическим утверждением, под профилактикой было бы целесообразно понимать совокупность мер убеждения, обеспечивающих устранение причин и условий совершения деликта; под предупреждением, – применение государственного принуждения в этих же целях; а предусмотренные ФЗ № 248 меры, сочетающие в себе методы убеждения и принуждения, а также ряд организационных мероприятий неправового характера, следовало бы описывать через термин «превенция», который не нашел в легальном отечественном обороте устойчивого применения.

Общий порядок надзора и «вненадзорное» противодействие деликтам в сфере потребительского рынка полицией отличаются также инструментарием мер принуждения. Согласно ст. 56 ФЗ № 248 к числу контрольных (надзорных) мероприятий Роспотребнадзора относятся: контрольная закупка; мониторинговая закупка; выборочный контроль; инспекционный визит; рейдовый осмотр; документарная проверка; выездная проверка, в то время как должностные лица органов внутренних дел при выявлении правонарушений в сфере потребительского рынка имеют возможность реализовывать лишь ограниченный инструментарий мер принуждения, закрепленных в КоАП РФ. Важным критерием разграничения административно-пресекательных полномочий рассматриваемых субъектов является повод к их применению. Орган отраслевого государственного надзора не просто вправе применять уникальные меры, направленные на выявление и пресечение правонарушения, он уполномочен делать это инициативно и на плановой основе. Полиция же «работает от факта»: от факта обращения граждан с сообщением о нарушении законности или от факта непосредственного обнаружения признаков правонарушения.

Наконец, следует задаться основополагающими, определяющими значимость всего сказанного выше вопросами. Является ли отсутствие у органа публичной власти отраслевых надзорных функций (при наличии полномочий по профилактике, предупреждению, выявлению и пресечению соответствующих деликтов) однозначным индикатором того, что данный государственно-властный субъект не наделен надзорными полномочиями вообще? Возможно ли расщепить надзорную деятельность на отдельные этапы (профилактика, выявление, пресечение и т.п.) и формы (консультирование, профилактический визит, контрольная закупка, рейдовый осмотр и т.д.) и признать «истинным» государственным надзором лишь строго определенные сочетания этих этапов и форм? Полагаем, на оба поставленных вопроса следует ответить отрицательно. Концентрация надзорных полномочий в одних руках даже под эгидой снижения административной нагрузки на объект надзора, в конечном итоге ведет к возникновению коррупционных рисков и снижению эффективности работы должностных лиц надзирающей инстанции. Авторы убеждены, что на основе риск-ориентированной модели возможно построить межведомственную систему надзора, в том числе, в сфере потребительского рынка.

Не стоит забывать, что алкоголизм и пьянство, отравления пищевой продукцией, деструктивное воздействие психоактивных веществ на здоровье несовершеннолетних, мошенничество и обман потребителей, – это явления, с которыми должностные лица полиции сталкиваются в повседневном режиме, причем эти явления зачастую находятся в диалектической взаимосвязи с нарушениями на потребительском рынке. Игнорирование этой связи опасно в контексте обеспечения промышленной, продовольственной, а в конечном итоге, – национальной безопасности государства.

По прошествии 15 лет с момента реформирования государственного надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов на потребительском рынке вопрос о достаточности и сбалансированности полномочий полиции в данной сфере остается открытым. Считаем, следует избегать существенного дублирования полномочий полиции и Роспотребнадзора в рассматриваемой сфере, при этом создать «точки конкурентного соприкосновения» министерства и федеральной службы в тех сегментах рынка, на которые «здесь и сейчас» следует обратить особое внимание. Это возможно сделать на основании концепции государственного надзора, принимающей и разграничивающей общий отраслевой надзор, специальный отраслевой надзор и надотраслевые надзорные полномочия отдельных правоохранительных органов.

Список использованной литературы:

1. Антонов С.Н. Федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения: монография. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017.
2. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: монография. Омск: Омская акад. МВД России; 2009.
3. Волков В.Ю., Макайда П.А. Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.* 2020;(3):297–303. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-297-303.
4. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Федеральный государственный миграционный надзор: перспективы формирования нормативно-правовой концепции. *Миграционное право.* 2018;(2):31–34.
5. Занина Т.М., Воробьев Д.В. Совершенствование правового регулирования применения полицией отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2018;(3(41)):87–90.
6. Зырянов С.М. Процессуальная форма осуществления административного надзора. *Журнал российского права.* 2010;(1):74–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробьев Дмитрий Валерьевич

старший оперуполномоченный по особо важным делам оперативно-разыскной части собственной безопасности ГУ МВД России по Воронежской области

References:

1. Antonov S.N. [Federal state supervision in the field of road safety]. Moscow: FKU NIC BDD MVD of Russia, 2017. (In Russ.)]
2. Beketov O.I. [Police surveillance: a theoretical and legal study]. Omsk: Omsk Academy. The Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009. (In Russ.)]
3. Volkov V.Yu., Makaida P.A. [Prevention and prevention of administrative offenses and crimes]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences.* 2020;(3):297–303. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-297-303. (In Russ.)]
4. Zherebtsov A.N., Malyshev E.A. [Federal State migration supervision: prospects for the formation of a regulatory concept]. *Migratsionnoe pravo = Migration Law.* 2018;(2):31–34. (In Russ.)]
5. Zanina T.M., Vorob'ev D.V. [Improvement of legal regulation of the application by the police of certain measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2018;(3(41)):87–90. (In Russ.)]
6. Zyryanov S.M. [The procedural form of administrative supervision]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law.* 2010;(1):74–83. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Vorobyev

Senior Detective for Particularly Important Cases of the Operative and Investigative Department of the Internal Security Directorate of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Voronezh Region

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-40-49>

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности в системе медицинского страхования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-40-49>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.01.2023

Статья принята к печати: 11.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики административно-правового регулирования деятельности в системе медицинского страхования в Российской Федерации.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ проблем взаимодействия между органами и организациями, осуществляющими публичные полномочия в сфере ОМС, с одной стороны, медицинскими организациями – с другой, и получателями медицинской помощи – с третьей.

В настоящее время наблюдается возрастание значения страховой медицины, что обуславливает особое внимание к деятельности соответствующих фондов и их взаимоотношениям с иными участниками системы государственного управления в сфере обязательного медицинского страхования.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что крайне запутанный механизм обязательного медицинского страхования повлек за собой и довольно сложную систему взаимодействия между органами и организациями, осуществляющими публичные полномочия в сфере ОМС, с одной стороны, медицинскими организациями – с другой, и получателями медицинской помощи – с третьей. Данная система управленческого взаимодействия явно требует упрощения, но истоки этого упрощения лежат в изменении системы финансирования оказания медицинской помощи в Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, государственно-управленческая деятельность, медицинское страхование, охрана здоровья.

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF HEALTH INSURANCE

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Problems of administrative and legal regulation of activities in the system of health insurance. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-40-49>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 12.01.2023

The article has been accepted for publication: 11.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The aim of the work is to analyze the problems of administrative and legal regulation of activities in the health insurance system in the Russian Federation.

Based on the goal set, the objectives of the study include an analysis of the problems of interaction between bodies and organizations exercising public powers in the field of CHI, on the one hand, medical organizations, on the other, and recipients of medical care, on the third.

Currently, there is an increase in the importance of insurance medicine, which causes special attention to the activities of the relevant funds and their relationship with other participants in the public administration system in the field of compulsory medical insurance.

The fundamental conclusion of the article is that the extremely confusing mechanism of compulsory health insurance has led to a rather complex system of interaction between bodies and organizations exercising public powers in the field of compulsory medical insurance, on the one hand, medical organizations, on the other, and recipients of medical care, on the other hand. third. This system of managerial interaction clearly requires simplification, but the origins of this simplification lie in the change in the system of financing the provision of medical care in the Russian Federation.

Keywords: administrative-legal regulation, state-administrative activity, medical insurance, health protection.

Введение

Современная отечественная система финансирования медицинской деятельности предполагает в качестве основного типа взаимодействия модель страховой медицины. Динамика изменения доходов бюджета Федерального ФОМС говорит о неуклонном росте таковых: 1,895,9 млрд рублей в 2018 году, 2124, 0 млрд рублей в 2019, 2392,7 млрд рублей в 2020¹. Аналогичные тенденции имеют место применительно к территориальным фондам обязательного медицинского страхования. В Москве 292 008 776,6 тыс. рублей (2019), 331 031 259,0 тыс. рублей (2020), 324 690 552,5 тыс. рублей (2021)². В Краснодарском крае 68 338 561,0 тыс. рублей или 99,8 % к годовому бюджетному назначению и 111,0 % к фактическому исполнению за 2018 год, 74 078 914,1 тыс. рублей или 99,9 % к годовому бюджетному назначению и 108,4 % к фактическому исполнению за 2019 год, 82 933 505,9 тыс. рублей или 102,3 % к годовому бюджетному назначению и 112,0 % к фактическому исполнению за 2020 год. Кемеровская область – Кузбасс: 40 203,5 млн рублей исполнение 100,1 % (2019); 41 386,1 млн рублей, исполнение 100,0 % (2020); 45 385,1 млн рублей (2021), исполнение 100,1 %.

¹ Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ffoms.gov.ru/system-oms/about-fund/fund-activities/%D0%9E%D0%A2%D0%A7%D0%95%D0%A2_%D0%A4%D0%9E%D0%9C%D0%A1_%D0%B7%D0%B0_2020_%D0%B3%D0%BE%D0%B4__02.08.2021.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/566417539> (дата обращения: 12.10.2022).

Указанные статистические данные говорят о неуклонном возрастании финансового значения страховой медицины и обуславливают особое внимание к деятельности соответствующих фондов и их взаимоотношениям с иными участниками системы государственного управления в сфере обязательного медицинского страхования.

Медицинское страхование отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов судя по содержанию статей 5, 6, 7, 7.1, 8 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹. Вместе с тем, прямого указания на деятельность фондов обязательного медицинского страхования в Конституции РФ нет. Лишь в части 1 статьи 41 упоминаются страховые взносы как один из источников средств оказания медицинской помощи.

Выстраивается система управленческого взаимодействия, включающая в себя органы исполнительной власти, федеральный и территориальный фонды обязательного медицинского страхования, коллегиальные комиссии по разработке территориальных программ ОМС, координационные советы по защите прав застрахованных лиц, медицинские организации и страховые кампании.

Методы исследования

Исследование проблематики административно-правового регулирования деятельности в системе медицинского страхования, определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа.

Результаты исследования

Федеральный уровень нормативного регулирования государственно-управленческой деятельности в сфере обязательного медицинского страхования основан на довольно общей формулировке Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», закрепленной в статье 5 указанного закона и понимание полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере обязательного медицинского страхования становится возможным только через анализ содержания подзаконных нормативных актов. Федеральный законодатель применительно к федеральному уровню закрепляет полномочия Российской Федерации без указания на компетентный орган исполнительной власти, а в статье 8 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» применительно к уровню субъекта РФ говорит уже о полномочиях органов исполнительной власти. Считаем, что формулировка статьи 5 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» должна быть сформулирована с указанием дифференцированно на полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере здравоохранения и административные полномочия Федерального фонда обязательного медицинского страхования.

Резюмируя, можно сказать, что в системе обязательного медицинского страхования как уполномоченные федеральные и региональные органы исполнительной власти, так и соответствующие фонды обязательного медицинского страхования, координационные советы в сфере обязательного медицинского страхования, выступают носителями властно-публичных полномочий несмотря на то, что территориальные фонды ОМС не являются в соответствии со статьей 9 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» субъектами обязательного медицинского страхования, а лишь его участниками, то есть выполняют по логике законодателя промежуточно-вспомогательную функцию между субъектами обязательного медицинского страхования. При этом законодатель упоминает о координационных фондах в сфере ОМС лишь единожды, говоря о полномочиях Федерального ФОМС и вообще ничего не говорит о координационных советах по организации защиты прав застрахованных лиц при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в субъекте Российской Федерации. На наш взгляд необходимо в равной степени закрепить статус межрегиональных и региональных координационных советов, или, по крайней мере, назвать их на уровне соответствующего федерального закона.

Крайне запутанный механизм обязательного медицинского страхования повлек за собой и довольно сложную систему взаимодействия между органами и организациями, осуществляющими публичные полномочия в сфере ОМС, с одной стороны, медицинскими организациями – с другой, и

¹ Собрание законодательства РФ. 2010. № 49. Ст. 6422; 2021. № 50 (Часть III). Ст. 8412.

получателями медицинской помощи – с третьей. Данная система управленческого взаимодействия явно требует упрощения, но истоки этого упрощения лежат в изменении системы финансирования оказания медицинской помощи в Российской Федерации.

Научная дискуссия

В системе государственного управления в сфере охраны здоровья присутствуют уполномоченные органы, наделенные публично-властными полномочиями, фонды обязательного медицинского страхования и медицинские организации (за исключением отношений, связанных с оказанием медицинской помощи военнослужащим, приравненным к ним лицам, на которых нормы о страховой медицине не распространяются).

Министерство здравоохранения Российской Федерации выступает органом, реализующим полномочия Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования.

Если в общих чертах описать соотношение полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области обязательного медицинского страхования, то можно сделать вывод о том, что в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи устанавливаются: базовая программа обязательного медицинского страхования в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном медицинском страховании; средние нормативы объема медицинской помощи, средние нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи, средние подушевые нормативы финансирования, а также порядок и структура формирования тарифов на медицинскую помощь и способы ее оплаты; требования к территориальным программам государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в части определения порядка, условий предоставления медицинской помощи, критериев доступности медицинской помощи, а органы государственной власти субъектов Российской Федерации утверждают территориальные программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, включающие в себя территориальные программы обязательного медицинского страхования¹.

Минздрав России осуществляет координацию деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования и реализует следующие административные полномочия в сфере обязательного медицинского страхования: принятие подзаконных нормативных актов в сфере обязательного медицинского страхования; осуществление надзора за нормативно-правовым регулированием, осуществляемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам переданных полномочий Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования, с правом направления обязательных для исполнения предписаний об отмене нормативных правовых актов или о внесении в них изменений; контроль за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования с правом направления обязательных для исполнения предписаний об устранении выявленных нарушений, а также о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и территориальных фондов обязательного медицинского страхования за неисполнение или ненадлежащее исполнение переданных полномочий; направление высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) предложений об отстранении от должности должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и территориальных фондов обязательного медицинского страхования; внесение в Правительство Российской Федерации предложений об изъятии у органов государственной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования.

Важно понимать, что Минздрав России фактически выступает инициатором формирования органов управления Федеральным фондом обязательного медицинского страхования. Непосредственно министр здравоохранения РФ вносит в Правительство Российской Федерации

¹ См.: Об оставлении без изменения решения Самарского областного суда от 19.03.2013, которым были признаны противоречащими федеральному законодательству положения разделов 4 и 5 территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания населению Самарской области медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов, утв. постановлением Правительства Самарской области от 29.12.2012 № 834: Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2013 № 46-АПГ 13-6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предложения о назначении на должность и об освобождении от должности заместителей руководителя Федерального фонда обязательного медицинского страхования на основании предложения руководителя Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Кроме того, министр здравоохранения РФ является председателем правления Федерального фонда обязательного медицинского страхования и представляет предложения по составу его правления в Правительство Российской Федерации для утверждения.

В законодательстве об обязательном медицинском страховании активно используется конструкция делегирования федеральных полномочий на региональный уровень. Не является исключением и законодательство об обязательном медицинском страховании. Из перечня полномочий Российской Федерации, переданных субъектам Российской Федерации в соответствии с п. 1 статьи 6 ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ» в качестве полномочий именно административно-правовой направленности выделяются полномочия по обеспечению прав граждан в сфере обязательного медицинского страхования на территориях субъектов Российской Федерации. Реализация такого рода полномочия органами публичной власти субъекта РФ включает в себя различные формы внесудебной защиты прав и законных интересов застрахованных. Особо выделим деятельность координационных советов по организации защиты прав застрахованных лиц при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в субъекте Российской Федерации. В силу того, что решения Координационного совета носят обязательный характер для участников обязательного медицинского страхования в субъекте Российской Федерации, можно говорить о наличии у них властно-публичных полномочий.

Спорным выглядит вопрос о природе контрольных полномочий за расходованием средств обязательного медицинского страхования на территориях субъектов Российской Федерации. Исходя из содержания статьи 266.1 Бюджетного кодекса РФ юридические лица, получающие средства из бюджетов государственных внебюджетных фондов по договорам о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования являются объектами государственного (муниципального) финансового контроля. В юридической литературе вопрос о природе финансового контроля решается неоднозначно [1, с. 191; 2, с. 67–77]. Мы согласны с авторами коллективной монографии под редакцией Е.Ю. Грачевой о том, что «сам финансовый контроль можно рассматривать как управленческую деятельность, имеющую свои методы, способы, формы реализации. Раскрытию сущности контроля способствует рассмотрение его во всех аспектах своего проявления. Однако определяющим его назначение в обществе является выявление его соотношения с государственным управлением» [4, с. 104]. Мы считаем финансовый контроль институтом с двойственной, и государственно-управленческой (административной), и финансово-правовой природой. Соответственно, можно говорить о том, что органы исполнительной власти в этой части реализуют в том числе административные, а не только финансовые полномочия в сфере обязательного медицинского страхования.

Заметим, что обязанность по непосредственной организации деятельности по осуществлению переданных полномочий в области обязательного медицинского страхования возложена на высшее должностное лицо субъекта РФ. В его компетенцию входит непосредственная организация на территории субъекта РФ территориального фонда обязательного медицинского страхования (при его отсутствии, например, при принятии в состав Российской Федерации новых территорий), утверждение его структуры¹ и руководителя по согласованию с Федеральным фондом обязательного медицинского страхования, а также предоставление отчетности и иных необходимых в соответствии с федеральным законом сведений². Органами государственной власти субъектов РФ в Государственную Думу ФС РФ вносились предложения по дополнению полномочий главы исполнительной власти субъекта РФ в части установления условия оплаты труда работников территориальных фондов обязательного медицинского страхования, не являющихся руководителями, заместителями руководителей, главными бухгалтерами этих фондов, однако не получили поддержки

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 02.09.2015 по делу № 33-2929/2015 (Официально не опубликовано) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Об установлении формы и порядка предоставления отчетности о заработной плате работников медицинских организаций в сфере обязательного медицинского страхования (Зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2013 № 28312): Приказ ФФОМС от 26.03.2013 № 65 // Российская газета. 2013. 17 мая.

Комиссии Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации по вопросам социальной политики¹.

Реализация делегированных полномочий в сфере обязательного медицинского страхования субъектами Российской Федерации подконтрольна уполномоченному федеральному органу исполнительной власти, в качестве которого, на момент написания работы, выступает Министерство здравоохранения РФ².

У субъектов Российской Федерации есть и собственные полномочия в сфере обязательного медицинского страхования, к которым относятся: уплата страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения; установление в территориальных программах обязательного медицинского страхования дополнительных объемов страхового обеспечения по страховым случаям, установленным базовой программой обязательного медицинского страхования, а также дополнительных видов и условий оказания медицинской помощи, не установленных базовой программой обязательного медицинского страхования; финансовое обеспечение и реализация территориальных программ обязательного медицинского страхования в размере, превышающем размер субвенций, предоставляемых из бюджета Федерального фонда бюджетам территориальных фондов; утверждение бюджетов территориальных фондов и отчетов об их исполнении [5]. В критическом ключе заметим, что уплата страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения является обязанностью, а не правом субъекта РФ. Конечно, если исходить из теории единства прав и обязанностей государственного органа, то такого рода конструкция допустима.

Отдельного внимания заслуживает административно-правовое регулирование деятельности федерального и региональных фондов обязательного медицинского страхования.

Прежде всего, констатируем, что на Федеральный ФОМС осуществляет функции по реализации государственной политики в области обязательного медицинского страхования как составной части государственного социального страхования. Однако, в этой связи встает вопрос о том, в какой степени указанное положение Устава ФОМС соответствует концепции Федерального закона от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»³. Все пояснительные записки, все заключения профильных комитетов Государственной Думы ФС РФ, иных участников законодательного процесса сводились к мысли об оптимизации административных функций Фонда социального страхования РФ и Пенсионного фонда РФ⁴. Общая логика законопроекта состояла в том, что необходимо повысить эффективность деятельности внебюджетных фондов, контролируемых Министерством труда и социального развития Российской Федерации. Однако, обратимся к сущности социального страхования. Действительно, все три вида обязательного страхования в России имеют социально направленный характер. Невозможно представить себе медицинскую помощь вне общей социальной политики России. Нетрудоспособность, беременность и роды, профессиональные заболевания, входящие ныне в сферу финансирования нового объединенного Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации разве, не являются элементами фактически медицинского страхования? На наш взгляд, безусловно являются. Уповать на то, что разные федеральные органы исполнительной власти координируют и контролируют соответствующую деятельность контрпродуктивно.

¹ О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»: Проект Федерального закона № 7-1217 (Подготовлен Липецким областным Советом депутатов) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.03.2020) [сайт]. Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности; 2022 [процитировано 28 сентября 2022]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7-1217>.

² См., например: Об утверждении Порядка осуществления контроля за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации в сфере обязательного медицинского страхования (Зарегистрировано в Минюсте России 11.05.2021 № 63371); Приказ Минздрава России от 18.12.2020 № 1340н (ред. от 06.05.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть I). Ст. 5203.

⁴ См., например: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» от 20.05.2022 [сайт]. Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности; 2022 [процитировано 03 октября 2022]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127389-8?ysclid=l8sj8c2etl182019682>.

Среди всех полномочий ФФОМС выделяются как финансовые¹, так и сугубо публично-управленческие.

Прежде всего, к публично-управленческим функциям Федерального ФОМС относится согласование структуры территориальных фондов обязательного медицинского страхования², назначения на должность и освобождение от должности руководителей территориальных фондов обязательного медицинского страхования. При этом собственно назначение директора территориального фонда ОМС – прерогатива высшего должностного лица³ или высшего исполнительного органа⁴ субъекта РФ.

Отдельного внимания заслуживают полномочия по разработке и принятию нормативных правовых актов ФФОМС. В соответствии с Указом Президента РФ от 20.03.2001 № 318 (ред. от 18.01.2010) «О введении государственной регистрации актов, издаваемых Пенсионным фондом Российской Федерации, Федеральным фондом обязательного медицинского страхования и Фондом социального страхования Российской Федерации»⁵ и Приказом ФФОМС от 01.06.2011 № 105 (ред. от 15.03.2013) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов Федерального фонда обязательного медицинского страхования и их государственной регистрации»⁶ акты ФФОМС проходят государственную регистрацию в Министерстве юстиции РФ как и акты федеральных органов исполнительной власти. Нормативные акты ФФОМС подлежат согласованию с профильным федеральным министерством, контролирующим деятельность ФФОМС (до 2012 года это было Министерство здравоохранения и социального развития, а с 2012 года – Министерство здравоохранения РФ⁷). То есть, нормативные правовые акты ФФОМС представляют собой продукт совместного нормотворчества и фонда и профильного министерства. Уже сам факт отнесения актов ФФОМС к категории государственно регистрируемых является подтверждением тезиса о том, что данный фонд является не просто государственным некоммерческим финансово-кредитным учреждением, а организацией, наделенной публично-властными полномочиями государственно-управленческого характера с вытекающими из данного статуса правами, обязанностями и особенностями защиты прав и законных интересов лиц, взаимодействующих с данным фондом.

Взаимодействие управляющих и управляемых субъектов в системе обязательного медицинского страхования предполагает ведение Федеральным ФОМС реестров лиц в том или ином качестве участвующих в страховых медицинских правоотношениях в соответствии с Правилами обязательного медицинского страхования⁸: единый реестр страховых медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования⁹; единый реестр медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского

¹ См., например: О назначении директора ТФОМС Ростовской области: Указ Губернатора Ростовской области от 28.02.2013 [сайт]. Официальный сайт ТФОМС Ростовской области; 2022 [процитировано 04 октября 2022]. Доступно: <https://rostov-tfoms.ru/press-center/news/153-obychnye/1158-o-naznachenii-direktora-tfoms-rostovskoj-oblasti?ysclid=l8u3ksfwvg133133320>.

² См., например: Организационная структура ТОФМС Воронежской области [сайт]. Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Воронежской области; 2022 [процитировано 04 октября 2022]. Доступно: <https://www.omsvrn.ru/pages/organizacionnaya-struktura>.

³ См., например: Организационная структура ТФОМС Краснодарского края [сайт]. Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Краснодарского края; 2022 [процитировано 04 октября 2022]. Доступно: <http://www.kubanoms.ru/strukt.html>.

⁴ О назначении директора ТФОМС Республики Башкортостан: Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 23.04.2019 № 376-р [сайт]. Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Республики Башкортостан; 2022 [процитировано 04 октября 2022]. Доступно: <https://tfoms-rb.ru/ru/node/6169?ysclid=l8u3ns9gfr173540137>.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2001. № 13. Ст. 1216.

⁶ Официально не опубликовано // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Регламента Министерства здравоохранения Российской Федерации: Приказ Минздрава России от 12.11.2012 № 903н // Российская газета. 2013. 10 апр.

⁸ Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: Приказ Минздрава России от 28.02.2019 № 108н // Российская газета. 2019. 22 мая.

⁹ См.: Реестр страховых медицинских организаций [сайт]. Федеральный фонд обязательного медицинского страхования; 2022 [процитировано 07 октября 2022]. Доступно: <https://www.ffoms.gov.ru/documents/registry/CMO/>.

страхования, в порядке, установленном правилами обязательного медицинского страхования¹; единый реестр экспертов качества медицинской помощи в соответствии с порядком ведения единого реестра экспертов качества медицинской помощи²; единый регистр застрахованных лиц³.

Процедура ведения такого рода реестров опосредуется системой информационного взаимодействия при осуществлении обязательного медицинского страхования⁴.

В отличие от Федерального ФОМС административно-правовой статус территориальных фондов обязательного медицинского страхования имеет двухкомпонентную структуру, включающую в себя Типовое положение о территориальном фонде обязательного медицинского страхования⁵ и положения о территориальных фондах обязательного медицинского страхования, принимаемые в каждом субъекте Российской Федерации⁶. Хотя формально Территориальные фонды ОМС субъектов РФ не являются органами публичной власти, они по аналогии с Федеральным ФОМС имеют публичные полномочия аналогичные полномочиям Федерального ФОМС. И если отдельные функции, например ведение территориального реестра экспертов качества медицинской помощи, носят территориальный характер и явно соотносятся с территориальным уровнем реализации публичных функций, то другие, например, обеспечение права граждан в сфере обязательного медицинского страхования, в том числе путем проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи попросту дублируют функции Федерального фонда ОМС.

Как в любой управляющей подсистеме в социальной сфере при Федеральном ФОМС и территориальных фондах ОМС создаются консультативно-совещательные органы. Межрегиональный координационный совет по организации защиты прав застрахованных лиц при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования – коллегиальный орган, который создается при Федеральном фонде обязательного медицинского страхования с целью формирования, внедрения в практику и последующего совершенствования системы обязательного медицинского страхования, в том числе организации защиты прав застрахованных лиц, установленных законодательством Российской Федерации, включая контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи в сфере обязательного медицинского страхования⁷.

Аналогичные совещательные органы созданы в субъектах Российской Федерации. Координационный совет по организации защиты прав застрахованных лиц при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в субъекте Российской Федерации создается в субъекте Российской Федерации с целью формирования, внедрения в практику и последующего совершенствования системы организации обязательного медицинского страхования, обеспечения и защиты прав застрахованных лиц, установленных законодательством Российской Федерации, и контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи в сфере обязательного медицинского страхования в

¹ См.: Реестр медицинских организаций [сайт]. Федеральный фонд обязательного медицинского страхования; 2022 [протоцировано 07 октября 2022].
Доступно: <https://www.ffoms.gov.ru/documents/register/MO/>.

² Об утверждении порядка ведения единого реестра экспертов качества медицинской помощи: Приказ Минздрава России от 16.03.2021 № 210н // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Информационно-аналитический комплекс регионального сегмента застрахованных лиц в Краснодарском крае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kubanoms.ru/Polis/index.php> (дата обращения: 07.10.2022).

⁴ Об утверждении Общих принципов построения и функционирования информационных систем в сфере обязательного медицинского страхования: Приказ ФФОМС от 07.04.2011 № 79 (ред. от 16.11.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Типового положения о территориальном фонде обязательного медицинского страхования: Приказ Минздравсоцразвития России от 21.01.2011 № 15н (ред. от 07.10.2013) // Российская газета. 2011. 11 февр.

⁶ См., например: Об утверждении Положения о Территориальном фонде обязательного медицинского страхования Краснодарского края: Постановление главы администрации Краснодарского края от 29.11.2002 № 1349 (ред. от 11.08.2022) (Официально не опубликовано) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424061162?ysclid=I949gx2khi819317109> (дата обращения: 11.10.2022).

⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ffoms.gov.ru/system-oms/about-fund/koordinatsionnyy-sovet/> (дата обращения: 11.10.2022).

субъекте Российской Федерации. В качестве примера можно привести деятельность координационного совета по организации защиты прав застрахованных при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в Краснодарском крае¹.

Важно понимать, что в соответствии с частью 2 пункта 1.1. Положения о координационных советах по организации защиты прав застрахованных при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования акты данных координационных советов имеют обязательное значение для всех участников обязательного медицинского страхования.

Неотъемлемым элементом управленческого взаимодействия в системе обязательного медицинского страхования выступают страховые медицинские организации. По мнению А.В. Сви́дeрскогo «страховые медицинские организации не могут выполнять государственные функции при осуществлении обязательного медицинского страхования»². Вместе с тем, страховые медицинские организации стали выполнять роль не только распределителя финансовых потоков, но и защитника интересов застрахованных граждан, в том числе в судебном порядке, предъявляя иски к медицинским учреждениям на материальное возмещение физического или морального ущерба, причиненного застрахованному лицу по вине медицинских организаций [3, с. 7], хотя понятно, что речь идет не об административных, а о гражданских исках.

Подобная проблема связана и с деятельностью комиссий по разработке Территориальной программы обязательного медицинского страхования. Такая комиссия является органом, не имеющим статуса юридического лица, но наделена публичными полномочиями и, соответственно ее решения могут быть обжалованы в порядке административного судопроизводства, на что прямо указывается в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»³. Данная комиссия устанавливает объем предоставления медицинской помощи по территориальной программе обязательного медицинского страхования и в судебной практике типичными являются дела о корректировке распределенного комиссией объема медицинской помощи в целях надлежащего исполнения обязательств по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию⁴.

В литературе обращается внимание на паритетность управления в системе обязательного медицинского страхования с участием всех субъектов управления без приоритета какого-либо из них⁵. Вместе с тем комиссия по разработке Территориальной программы обязательного медицинского страхования имеет и специфические полномочия, выходящие за исключительно финансовые рамки. Например, Комиссией по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования в субъекте Российской Федерации могут быть установлены иные сроки подачи уведомления вновь создаваемыми медицинскими организациями для включения в реестр организаций, участвующих в программе обязательного медицинского страхования.

Список использованной литературы:

1. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля:

References:

1. Gracheva E.Yu. [*Problems of legal regulation of state financial control*]. М., 2000. (In Russ.)]

¹ См.: Положение о координационном совете по организации защиты прав застрахованных при предоставлении медицинской помощи и реализации законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в Краснодарском крае: утверждено протоколом правления территориального фонда обязательного медицинского страхования Краснодарского края 08.06.2018 № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kubanoms.ru/_files/normativnaya_baza/ktfoms_docs/polozhenie_koordinatsionii_sovet.pdf (дата обращения: 11.10.2022).

² Сви́дeрский А.В. Административно-правовые проблемы управления обязательным медицинским страхованием в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2001. С. 7.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

⁴ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7. № 8.

⁵ См.: Пешкова (Белогорцева) Х.В., Бондарева Э.С., Лысенко Т.И., Митричев И.А. Комментарий к Федеральному закону от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

монография. М., 2000.

2. Запольский С.В. О правовой природе финансового контроля. *Финансовый контроль в сфере публичных и частных финансов: Материалы Международной научно-практической конференции* / Под ред. И.А. Цинделиани. М., 2016.

3. Лупарев Е.Б., Епифанова Е.В. Применение норм российского законодательства о страховой медицине: актуальные проблемы гражданско-правовой практики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2019;(3):7–13.

4. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М; 2013.

5. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженко, О.В. Веремеева и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

2. Zapol'skii S.V. [On the legal nature of financial control]. *Finansovyi kontrol' v sfere publicnykh i chastnykh finansov: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *Financial Control in the Sphere of Public and Private Finance: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* / Ed. by I.A. Tsindeliiani. M., 2016. (In Russ.)]

3. Luparev E.B., Epifanova E.V. [Application of the norms of Russian legislation on insurance medicine: current problems of civil law practice]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2019;(3):7–13. (In Russ.)]

4. [Legal regulation of financial control in the Russian Federation: problems and prospects] / L.L. Arzumanova, O.V. Boltinova, O.Yu. Gracheva. M.: NORMA, INFRA-M; 2013. (In Russ.)]

5. [Risks of financial security: legal format] / O.A. Akopyan, S.Y. Bozhenok, O.V. Veremeeva et al; ed. by I.I. Kuchеров, N.A. Povetkina. M.: IZiSP, NORMA, INFRA-M; 2018. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-50-54>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

Е.Б. Лупарев

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б. О некоторых проблемах теории юридических фактов в публичном праве (приглашение к дискуссии). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):50–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-50-54>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.02.2023

Статья принята к печати: 03.03.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью работы выступает освещение некоторых теоретических коллизий, вызванных появлением в современном публичном праве новых явлений, которые порой невозможно однозначно оценить как юридические факты, не прибегая к «ломке» сложившегося научного консенсуса по данному вопросу. Сделана попытка показать соотношение понятий «юридический факт» и «факт, имеющий юридическое значение» не в том смысле, который этому придается в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве.

Задачи работы включают в себя следующие исследовательские объекты: иллюстрация судебной практики, использующей нестандартную терминологию, связанную с установлением фактов, имеющих юридическое значение; анализ явлений информационного характера, имеющих юридическое значение, но не укладывающихся в «прокрустово ложе» событий и действий.

В силу того, что юридические факты могут иметь свою специфику в различных отраслях права использованы достижения и теории частного права.

Доказывается тезис о том, что следует в целом ряде случаев разделять понятия «юридический факт» и «факт, имеющий юридическое значение», а также о том, что появляются обладающие самостоятельным значением информационные факты, имеющие автономное юридическое значение и лежащие за пределами юридических фактов.

Ключевые слова: теория публичного права, юридический факт, факт, имеющий юридическое значение.

ON SOME PROBLEMS OF THE THEORY OF LEGAL FACTS IN PUBLIC LAW (INVITATION TO DISCUSSION)

Evgeniy B. Luparev

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B. On some problems of the theory of legal facts in public law (invitation to discussion). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):50–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-50-54>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.02.2023

The article has been accepted for publication: 03.03.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The aim of the work is to highlight some theoretical conflicts caused by the emergence of new phenomena in modern public law, which sometimes cannot be unambiguously assessed as legal facts without resorting to "breaking" the established scientific consensus on this issue. An attempt has been made to show the relationship between the concepts of "legal fact" and "fact of legal significance" not in the sense that is given to this in civil procedural and arbitration procedural legislation.

The objectives of the work include the following research objects: illustration of judicial practice using non-standard terminology related to the establishment of facts of legal significance; analysis of informational phenomena that have legal significance, but do not fit into the "Procrustean bed" of events and actions.

Due to the fact that legal facts may have their own specifics, achievements and theories of private law are used in various branches of law.

The thesis is proved that in a number of cases it is necessary to separate the concepts of "legal fact" and "fact of legal significance", as well as that there are informational facts that have independent meaning, which have autonomous legal significance and lie outside legal facts.

Keywords: theory of public law, legal fact, fact of legal significance.

Введение

На исследование теории юридических фактов в публичном праве, которая, казалось бы, выступает абсолютно устоявшимся явлением, наталкивает то ли не всегда последовательная судебная и административная практика, где используются словесные конструкции, не укладывающиеся в привычную трактовку юридических фактов как событий и действий. Ранее звучавшая в юридической литературе идея о многосоставных юридических фактах в условиях цифровизации общества и иного юридического понимания информации по-новому позволяет оценивать классические постулаты теории механизма правового регулирования в публичном праве.

Методы исследования

Российская наука административного права и наука административного процесса базируется на фундаментальном теоретическом обосновании механизма правового регулирования с учетом диалектики его развития. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также методов сравнительного правоведения в контексте изучения опыта иностранных государств в сфере концептуальной оценки юридических фактов.

Результаты исследования

Результатом исследования является сопоставительный анализ использования терминологии, связанной с юридическими фактами в судебной и иной правоприменительной практике. Выявлен ряд обстоятельств, позволяющих сомневаться в исключительности дихотомии системы юридических фактов по волевому признаку по типу «события /действия (бездействия)». В современной правоприменительной практике применения статьи 290 ГПК РФ появились случаи, когда явление не

укладывается в привычную схему механизма правового регулирования. Есть юридические факты не просто многосоставного свойства, но и изменяющиеся под влиянием изменяющегося законодательства и его оценки. При этом субъективная оценка явления носит сложносоставный характер, сочетая в себе мыслительный процесс и юридически значимое выражение мыслительного процесса. Кроме того, некоторым юридическим фактам, например факту нахождения в безнадзорном состоянии трудно дать однозначную оценку. Это снова приводит к идее о том, что некоторые типы правоотношений общего характера являются юридическими фактами для других правоотношений, а события, действия, бездействия лежат вне установленного юридического факта. Соответственно, требуется различать понятия «юридический факт» и «факт, имеющий юридическое значение». Последние более обширны, нежели юридические факты, но не всегда влияют на возникновение, изменение или прекращение публичных правоотношений.

Научная дискуссия

Возникновение и реализация правоотношений невозможна без юридических фактов. В.А. Тархов пишет: «... ни одна норма не создает непосредственно правоотношений, для их возникновения во всех случаях требуется наличие обстоятельств, с которыми данная норма связывает определенное юридическое последствие, требуется наличие юридических фактов» [9, с. 25; 11, с. 160]. По мнению Ю.К. Толстого, «ни одно субъективное право не может возникнуть непосредственно из нормы права, без наступления предусмотренного нормой юридического факта» [10, с. 71].

Учение о юридических фактах и в общей теории права, и в отдельных отраслевых науках отличается консервативностью и аксиоматичностью, несмотря на попытки отдельных авторов каким то образом модернизировать отдельные элементы этой теории [4]. На наш взгляд, назрела объективная необходимость пересмотра современной концепции юридических фактов не только в общей теории права, но и в отраслевых доктринах, в том числе и в концептуальных положениях публичного права.

Юридический факт в публичном праве можно определить, как фактические обстоятельства, зафиксированные в нормах права, вследствие которых нормы публичного права получают возможность трансформироваться в конкретные субъективные публичные права и обязанности.

В публичном праве юридические факты могут играть роль не только непосредственно в механизме правового регулирования, но и выступать предпосылкой возникновения и реализации публичных правоотношений в совокупности с иными юридическими фактами. В.В. Агеева отмечает: «Процессуальные юридические факты могут состоять из единичного обстоятельства, которое доказывается сторонами и соответственно исследуется судом, или как совокупность таких фактов. В данном случае можно говорить о групповом составе именно самих процессуальных юридических фактов без включения материальных правоотношений» [1, с. 103].

Установление тех или иных юридических фактов может использоваться и реально используется различными отраслями законодательства как средство воздействия на поведение субъектов правоотношений. Наличие у юридических фактов дополнительных функций, по мнению Ж.Ю. Мирошниковой, подчеркивает их самостоятельность в механизме правового регулирования¹. Сложилась тенденция синонимичного употребления терминов «юридический факт» и «факт, имеющий юридическое значение» [3, с. 48-52].

Юридические факты в публичном праве выполняют также информационную функцию, которая обеспечивает предварительное воздействие соответствующих норм на общественные отношения и, таким образом, позволяет субъектам более осознанно принимать соответствующие решения. В теории конституционных и административных правоотношений существует позиция о том, что при осуществлении правовой деятельности необходимо ориентироваться не только на правовые последствия определенных действий, но и учитывать юридические факты, которые эти последствия обуславливают [7]. В этой связи мы считаем, что необходимо дополнить теорию юридических фактов так называемыми юридическими фактами отложенного действия, имеющими как событийную, так и волевою природу своего существования и значения для динамики правоотношений.

Рассмотрим данный тезис на конкретном примере. 08 ноября 2021 года Министерство юстиции Российской Федерации внесло на основании решения Сыктывкарского

¹ Мирошникова Ж.Ю. Функции юридических фактов по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Р-н/Д, 2005. С. 10.

городского суда от 05.07.2021¹ в перечень экстремистских материалов фильм, а если быть формально точным «Видеозапись с названием «Тайное и явное. Цели деяния сионистов», представляющая собой черно-белый фильм, продолжительностью от 01 часа 28 минут 01 секунды до 01 часа 28 минут 16 секунд, который начинается с изображения древних скульптур и текста на экране: «В этом фильме изложены факты..», заканчивается изображением природы и дерева в паутине, сопровождаемых словами: «Обречено ли дерево на медленную смерть или оно отчистится от этой паутины червей?», после чего следуют титры»². Судебным актом был установлен факт наличия в видеозаписи (фильме) материалов экстремистского характера, причем не в порядке статьи 264 ГПК РФ, а в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», о признании информационного материала экстремистским. Как правильно отмечает А.В. Аргунов «следует констатировать следующий факт: в настоящее время суды общей юрисдикции рассматривают некоторые категории дел по общим правилам особого производства, а именно применяя положения, содержащиеся в гл. 27 ГПК РФ, и не обращаясь к специальным нормам, регулирующим особенности рассмотрения категорий дел особого производства (гл. 28–38 ГПК РФ). Дела о признании судом информационных материалов экстремистскими по заявлению прокурора являются одной из таких категорий дел» [2, с. 27]. Но нас в данном случае интересует не процессуальная сторона вопроса, а то, как мы можем охарактеризовать юридический факт, явившийся собственно объектом рассмотрения. Какие правоотношения вызвал выход в 1973 году упомянутого фильма? Судя по всему, только правоотношения, связанные с авторским правом и не более. Факт выхода фильма явно является действием. Но данное действие на тот момент не повлекло противоправных последствий и фильм продолжал существовать в информационном пространстве, включая сеть Интернет, то есть в виде некоей информации. Правоотношения антиэкстремистской направленности возникли явно ввиду вынесения соответствующего судебного акта, который и выступает юридическим фактом в виде действия суда. А вот факт наличия в фильме материалов экстремистского характера лежит за пределами действий и бездействий. Таким образом мы считаем, что информационные юридические факты играют роль в качестве предпосылок возникновения конкретных публичных правоотношений наряду со связанными с ними действиями или событиями.

Если рассматривать приведенный пример, да и многие подобные примеры с точки зрения правомерности юридических фактов, то также встает вопрос о том, что на момент выхода в свет материал фильма не считался неправомерным, а спустя время в условиях изменившийся правовой политики стал неправомерным.

Вполне вероятно, что в данных случаях мы имеем дело с комплексными юридическими фактами [5, с. 36; 6, с. 76–77].

Еще одним примером нестандартных юридических фактов следует считать нормативно установленные презумпции. На то, что «роль юридического факта могут выполнять правовые презумпции и правовые фикции» [8, с. 278] указывает, в частности, И.А. Сапрыкина. Однако, это не всегда так. Например, презумпция начала течения срока исковой давности не создает процессуальное правоотношение, а фиксирует условия его реализации в рамках установленных законодателем сроков. Презумпция, как и информация не вызывает конкретное правоотношение, а носит общий характер, то есть является условием наступления правоотношения.

Изложенное наталкивает, в том числе на предположение о том, что терминологически необходимо разделять понятия «юридические факты» и «факты, имеющие юридическое значение». В приведенных нами примерах сами судебные акты могут рассматриваться как юридические факты, а установленные в их рамках обстоятельства как факты, имеющие юридическое значение.

¹ [сайт] Официальный сайт Сыктывкарского городского суда Республики Коми; 2022 [протитировано 15 декабря 2022]. Доступно: https://syktsud-komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=77574992&delo_id=1540005&new=&text_number=1.

² [сайт] Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации; 2022 [протитировано 15 декабря 2022]. Доступно: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?q=%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B5+%D0%B8+%D1%8F%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5>.

Список использованной литературы:

1. Агеева В.В. Некоторые методологические основы понимания процессуальных юридических фактов и их классификации. *Евразийский юридический журнал*. 2017;(11(114)):102–104.
2. Аргунов А.В. В поисках надлежащей процедуры рассмотрения дел о признании информационных материалов экстремистскими. *Вестник гражданского процесса*. 2015;(6):23–41.
3. Афанасьев С.Ф., Мазурова А.П. Кратко «о спорном и бесспорном» по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в арбитражном процессе. *Современные образовательные технологии и актуальные модели распространения научной информации: сборник научных трудов*. Казань, 2022.
4. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования: монография. Москва: Волтерс Клувер, 2007.
5. Иванова З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. *Советское государство и право*. 1980;(2):31–39.
6. Иванова З.Д. Основание возникновения правоотношения по советскому праву (монография). М., 1979.
7. Костюков А.Н. Юридические факты в муниципальном праве. *Журнал российского права*. 2003;(4):53–61.
8. Сапрыкина И.А. Юридические факты в налоговом праве. *Бизнес. Образование. Право*. 2022;(3(60)):274–278. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.388.
9. Тархов В.А. К вопросу о правовых отношениях. *Правоведение*. 1965;(1):21–27.
10. Толстой Ю.К. К теории правоотношения (монография). Л., 1959.
11. Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан (монография). М.: Изд-во АН СССР; 1959.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

References:

1. Ageeva V.V. [Some methodological bases for understanding procedural legal facts and their classification]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2017;(11(114)):102–104. (In Russ.)]
2. Argunov A.V. [In search of the proper procedure for reviewing cases of recognition of information materials as extremist]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of Civil Procedure*. 2015;(6):23–41. (In Russ.)]
3. Afanas'ev S.F., Mazurova A.P. [Briefly "on moot and undisputed" in cases involving the establishment of facts of legal significance in arbitration proceedings]. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii i aktual'nye modeli rasprostraneniya nauchnoi informatsii: sbornik nauchnykh trudov = Modern Educational Technologies and Current Models of Dissemination of Scientific Information: Collection of Scientific Works*. Kazan, 2022. (In Russ.)]
4. Zinchenko S.A. [Legal facts in the mechanism of legal regulation]. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. (In Russ.)]
5. Ivanova Z.D. [Legal facts and the emergence of subjective rights of citizens]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*. 1980;(2):31–39. (In Russ.)]
6. Ivanova Z.D. [The basis for the emergence of legal relations under Soviet law]. M., 1979. (In Russ.)]
7. Kostyukov A.N. [Legal facts in municipal law]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2003;(4):53–61. (In Russ.)]
8. Saprykina I.A. [Legal facts in tax law]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;(3(60)):274–278. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.388. (In Russ.)]
9. Tarkhov V.A. [On the question of legal relations]. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1965;(1):21–27. (In Russ.)]
10. Tolstoi Yu.K. [Toward a theory of legal relations]. L., 1959. (In Russ.)]
11. Yampol'skaya Ts.A. [On the Subjective Rights of Soviet Citizens]. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy B. Luparev

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-55-62>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елисеева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисеева И.А. Правовое регулирование использования и охраны сельскохозяйственных земель в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовой анализ. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):55–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-55-62>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисеева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.01.2023

Статья принята к печати: 20.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью настоящей статьи выступает разработка рекомендаций по созданию оптимальной модели правового регулирования использования и охраны такой наиболее важной категории земель, как земли сельскохозяйственного назначения, в Российской Федерации. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым провести сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства, регулирующего использование и охрану сельскохозяйственных земель, выявить недостатки и позитивный опыт законодательного регулирования использования и охраны сельскохозяйственных земель в Российской Федерации и зарубежных государствах, проанализировать некоторые проблемы, возникающие в российской правоприменительной практике в данной сфере.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: сравнительно-правовой, конкретно-статистический, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В *результате* проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского законодательства в данной сфере. В частности, как российское, так и зарубежное законодательство предусматривает обязанности собственников и других правообладателей сельскохозяйственных земельных участков использовать их по целевому назначению, сохранять плодородие почвы, проводить мероприятия по охране земель, предотвращать вредное воздействие на почву. В России, как и зарубежных государствах, права и обязанности правообладателей земельных участков, а также меры по стимулированию эффективного использования земель и охраны сельскохозяйственного назначения регулируются, в основном, не гражданским, а специальным земельным и аграрным

законодательством. При изучении зарубежных источников не удалось обнаружить такого вида юридической ответственности, как изъятие земельного участка у правообладателя в случае его ненадлежащего использования, аналогичного российскому. Предлагается внести в российское законодательство ряд изменений с учетом зарубежного опыта регулирования земельных отношений, которые помогут качественно улучшить использование и охрану сельскохозяйственных земель.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, земельный участок, право собственности на земельный участок, аренда земельных участков, использование и охрана земель.

LEGAL REGULATION OF THE USE AND PROTECTION OF AGRICULTURAL LAND IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Inga A. Eliseeva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Eliseeva I.A. Legal regulation of the use and protection of agricultural land in the Russian Federation and foreign countries: comparative legal analysis. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):55–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-55-62>

CONTACT INFORMATION:

Inga A. Eliseeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.01.2023

The article has been accepted for publication: 20.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The purpose of this article is to develop recommendations for creating an optimal model of legal regulation of the use and protection of such an important category of land as agricultural land in the Russian Federation. In order to achieve this goal, it seems necessary to conduct a comparative analysis of Russian and foreign legislation regulating the use and protection of agricultural land, to identify shortcomings and positive experience of legislative regulation of the use and protection of agricultural land in the Russian Federation and foreign countries, to analyze some problems arising in Russian law enforcement practice in this area.

The purpose and objectives of the work determined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: comparative-legal, concrete-statistical, formal-logical, dialectical method of cognition of social phenomena and processes.

As a result of the conducted research, the author formulated a number of conclusions, as well as some recommendations regarding the improvement of Russian legislation in this area. In particular, both Russian and foreign legislation provides for the obligations of owners and other right holders of agricultural land plots to use them for their intended purpose, to preserve soil fertility, to take measures to protect land, to prevent harmful effects on the soil. In Russia, as well as in foreign countries, the rights and obligations of the rightholders of land plots, as well as measures to stimulate the effective use of land and protection of agricultural purposes are regulated mainly not by civil, but by special land and agrarian legislation. When studying foreign sources, it was not possible to find such a type of legal liability as the seizure of a land plot from the rightholder in case of its improper use, similar to the Russian one. It is proposed to introduce a number of amendments to Russian legislation, taking into account foreign experience in regulating land relations, which will help to qualitatively improve the use and protection of agricultural land.

Keywords: agricultural land, land plot, ownership of land plot, lease of land plots, use and protection of land.

Введение

Земли сельскохозяйственного назначения занимают первое и самое значимое место в составе земельного фонда Российской Федерации (ст. 7 Земельного кодекса РФ¹, далее – ЗК РФ). По данным Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2021 г., площадь земель сельскохозяйственного назначения в 2021 г. составила 379,7 млн. га, в Южном федеральном округе это составляет 77,5 % от общей площади земельного фонда².

Земли сельскохозяйственного назначения являются основой производства продукции сельского хозяйства для нашего населения, основой жизни и хозяйственной деятельности. Указанная категория земель занимает главное место в составе земельного фонда России, и важно обеспечить их рациональное использование и эффективную охрану от загрязнения, захламления, уничтожения верхнего плодородного слоя, других видов порчи и, как следствие, деградации. Поэтому российское законодательство содержит ряд правовых норм, предусматривающих меры по рациональному использованию и охране сельскохозяйственных земель. Между тем, обозначенные правовые нормы нуждаются в совершенствовании с учетом зарубежного опыта правового регулирования земельных отношений в данной сфере. Представляется актуальным проведение сравнительного анализа российского и зарубежного законодательства с целью формирования оптимальной модели правового регулирования рационального использования и охраны сельскохозяйственных земель в Российской Федерации.

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, конкретно-статистического, формально-логического, диалектического.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования формулируются предложения о внесении в российское законодательство следующих полезных новелл с учетом рекомендаций российских авторов и зарубежного правового опыта:

1. Установить двухлетний срок, по истечении которого сельскохозяйственный земельный участок может быть изъят у правообладателя при его ненадлежащем использовании.
2. Ввести обязанность бывшего собственника, виновного в загрязнении сельскохозяйственного земельного участка, за свой счет провести восстановление качества земель, плодородия почвы при отчуждении земельного участка другому лицу.
3. Предусмотреть налоговые и иные льготы для обладателей прав на земельные участки в случае, если последние ответственно выполняют обязанности по рациональному использованию и охране земель, повышению плодородия почв.
4. Закрепить возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почвы.
5. Ввести возможность заключения договоров об эффективном использовании сельскохозяйственных земельных участков, сторонами которых будут являться органы государственной власти и местного самоуправления, и землепользователи.

Научная дискуссия

Обязанность по использованию земельных участков в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вреда окружающей среде, в том числе земле как природному объекту, осуществлять мероприятия по охране земель, лесов, водных объектов, не допускать загрязнения, истощения, деградации земель, порчу, уничтожение земель и почв и иного негативного воздействия на земли и почвы предусмотрена земельным законодательством (ст. 42 ЗК РФ), и это в значительной степени относится именно к землям сельскохозяйственного назначения. Если же, в частности, анализировать российское законодательство, то какие же правовые меры оно предусматривает по обеспечению обязанности обладателей прав на земельные участки из

¹ Земельный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 05.12.2022 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 137–138.

состава земель сельскохозяйственного назначения эффективно их использовать и сохранять плодородие почв?

Учитывая комплексный характер регулирования земельно-имущественных отношений, подобные меры предусматривает и гражданское законодательство. Так, отсылку к нему в качестве установления оснований прекращения права собственности на земельные участки содержит ст. 44 ЗК РФ. В отношении собственников земельных участков ст. 284 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ) устанавливает возможность изъятия земельного участка у собственника, если участок предназначен для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства и не используется для соответствующей цели в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом. Ст. 285 ГК РФ закрепляет возможность изъятия земельного участка у собственника, если использование участка осуществляется с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в частности, если он используется не по целевому назначению или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения либо причинению вреда окружающей среде. Данные деяния в юридической науке и законодательстве включены в обобщающее понятие «ненадлежащее использование земельного участка»². В ст. 54.1 ЗК РФ предусматривает механизм прекращения права частной собственности на земельный участок в подобных случаях путем продажи земельного участка с публичных торгов.

Настоящая научная статья посвящена правовому регулированию использования и охраны использования земель сельскохозяйственного назначения, и поэтому мы оставим за ее рамками вопросы использования земельного участка для строительства, сосредоточившись на рассмотрении применения ст. 284 ГК РФ по отношению к земельным участкам из состава земель сельскохозяйственного назначения.

В последних научных работах, опубликованных по данной тематике, авторы обращают внимание на тот факт, что часто собственники используют лишь часть земельного участка на протяжении трехлетнего срока, но этот весь земельный участок не используется.

Так, Д.А. Тоточенко отмечает: «Анализ судебно-арбитражной практики показал, что при использовании хотя бы малой части земельного участка суды не выносят постановлений об изъятии земельных участков. В этом случае считается, что земельный участок используется. Вместе с тем подобное положение дел зачастую ведет к ситуации, когда правообладатель земельного участка намеренно уклоняется от его использования, «пуская пыль в глаза», используя лишь небольшую часть земельного участка с целью уклонения от его изъятия и привлечения к административной ответственности. В настоящее время в законодательстве отсутствуют правовые нормы, направленные на недопущение подобного поведения со стороны правообладателей земельных участков. В этой связи полагаем, что в нормативных правовых актах, регулирующих отношения по изъятию земельных участков, должны содержаться положения, направленные на пресечение подобных действий» [5].

Представляется убедительным предложение Д.А. Тоточенко о дополнении ст. 284 ГК РФ указанием на то, что изъятие земельного участка возможно в случае, если не используется до пятидесяти процентов от общей площади земельного участка. Это что будет обеспечению рационального использования земельных участков, в том числе из состава земель сельскохозяйственного назначения [5].

Кроме того, ряд ученых сомневается и в целесообразности применения трехлетнего срока неиспользования земельного участка. Так, С.Г. Хусяйнова, М.Ю. Кагамлык полагают, что в целях повышения эффективности использования земельных участков необходимо сократить существующий срок, по истечении которого земельный участок может быть изъят, до двух лет [6, с. 29–31]. Данную рекомендацию также считаем обоснованной.

Рассматривая зарубежный опыт правового регулирования земельных и экологических отношений, следует отметить, что в законодательстве ряда зарубежных государств (Италии, Франции, Германии, Швеции, Швейцарии, Австрии) земля также воспринимается в качестве

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) 1994 г. (ред. от 16.04.2022 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Крассов О.И., Петрова Т.В., Тарло Е.Г. Толковый словарь земельного права. СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс»; 2004. С. 179–180.

национального достояния, и на правообладателей возлагается обязанность использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением. Устанавливаются определенные виды деятельности, в соответствии с которыми может использоваться земельный участок, во многих случаях такое использование осуществляется только на основании специального разрешения [8, с. 24].

Кроме того, проблема деградации почв актуальна и для европейских государств – членов ЕС. В настоящее время там подвержено деградации около 16 % почв [10, с. 10]. О.И. Крассов отмечает, что, несмотря на этот факт, лишь немногие страны имеют специальное законодательство об охране почв. Объясняется это дорогостоящими дополнительными затратами, которые должны нести собственники земель по охране почв, ограничениями и обременениями их прав, вызванными запретом применять агрохимикаты и пестициды, что вызывает возражения собственников и арендаторов земельных участков сельскохозяйственного назначения. Так, в ФРГ действует Закон «Об охране почв» 1998 г., в Нидерландах – Закон «Об охране почв» 1996 г., в Дании – Закон «О загрязнении почв» 2009 г., на Мальте – Закон «О сохранении плодородия почв» 1973 г. Все перечисленные законодательные акты предусматривают обязанности собственников и других правообладателей земельных участков рационально использовать и охранять почву, восстановить ее качество в случае загрязнения, предотвращать вредное воздействие на почву [3, с. 357–360].

Например, Е.С. Пышьева обращает внимание на то, что Закон ФРГ «Об охране почв» 1998 г. (абз. 1 § 4) устанавливает общую обязанность землепользователей по защите земельных участков от угрожающих вредных изменений почв, но не приводит перечень конкретных восстановительных мероприятий, в том числе мелиоративных [4, с. 135]. К сравнению, в российском законодательстве предусмотрен конкретный перечень мероприятий по охране земель [1, с. 298–316]. Но, в отличие от отечественного законодательства, в ФРГ на землепользователей возлагается обязанность провести восстановление почв таким образом, чтобы длительное время не возникало опасности, существенного вреда или существенного обременения. Также по отношению к использованию сельскохозяйственных земель предусматриваются принципы хорошей профессиональной практики: продолжительное сохранение почвенного плодородия и обеспечение производительности земли как природного ресурса [4, с. 136]. Указанные правовые нормы, несомненно, являются преимуществом германского законодательства перед российским.

Законодательство Нидерландов, в частности, возлагает ответственность за состояние почвы на бывшего собственника земельного участка при переходе прав на него к другому лицу. Собственник загрязненного земельного участка должен восстановить в подобном случае качество почвы [3, с. 360]. Аналогичное положение закреплено в законодательстве ФРГ: обязанность по восстановлению старых загрязнений почв ложится не только на самих причинителей вреда, а также на лиц, к которым перешел круг прав и обязанностей на данные земельные участки¹ [3, с. 712].

Кроме того, в законодательстве ФРГ (Законом о корпоративном налоге 1976 г., Законом о налоге на энергоносители 2006 г.) предусмотрены такие методы экономического стимулирования землепользователей, как налоговые льготы в виде освобождения от уплаты налогов для некоторых видов корпораций (промысловых и хозяйственных товариществ, объединений), выполняющих мелиоративные работы [5, с. 139].

Представляется, что внесение подобных новелл в российское земельное, экологическое и налоговое законодательство будет полезным и повысит эффективность использования и охраны земель, в том числе сельскохозяйственного назначения.

Добавим, что во Франции имеется следующий полезный опыт правового регулирования аграрных отношений: там между местными органами власти (департаментами сельского хозяйства) и землевладельцами заключаются территориальные контракты об эффективной эксплуатации земель (le contrat territorial Sexploitation) в целях повышения эффективности хозяйствования и обеспечения комплексного использования территорий [9, с. 269–285; 11].

В отечественной научной доктрине ранее высказывались предложения о перенесении такого правового опыта на российскую почву. В частности, В.Е. Лукьяненко в своей докторской

¹ Дубовик О.Л., Кремер Л., Люббс-Вольф Г. Экологическое право: учебник / отв. ред. О.Л. Дубовик. Москва: Изд-во Эксмо; 2005. С. 712.

диссертации рекомендует внести в российское законодательство изменения, которые позволят заключать подобные договоры в будущем¹.

Думается, что будет полезным предусмотреть в российском земельном законодательстве также возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почв в качестве экономического стимула для землепользователей выполнять обязанности по рациональному использованию и охране земель.

Правовые меры по стимулированию рационального использования и охраны земель применяются и в США. Исследователи отмечают, что в США земельные отношения регулируются целым рядом законов, а практическую реализацию их положений осуществляют государственные программы, как федеральные, так и программы штатов. Несмотря на сопротивление крупных земельных собственников, система земельных отношений постепенно трансформируется в сторону сохранения земли как природного ресурса и эффективности ее использования. Так, в США используется сельскохозяйственное зонирование в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности, что выражается в установлении особых зон землепользования на территории административной единицы, введении в их пределах особого целевого земельно-правового режима и осуществлении государственного контроля за его соблюдением. Землепользователи должны соблюдать нормы зонирования. Определенная территория объявляется сельскохозяйственным районом, все землепользователи в ее пределах обязаны использовать сельскохозяйственные земельные участки в соответствии с их целевым назначением, именно для производства сельскохозяйственной продукции [2, с. 38].

Остановимся более подробно на законодательном примере штата Массачусетс, предусматривающем правовые меры стимулирования рационального использования и охраны свободных государственных земель. Так, Правила землепользования штата Массачусетс устанавливают, что свободные, то есть никем не занятые государственные земли могут быть предоставлены гражданам в пользование для ведения сельскохозяйственного производства. Специально уполномоченным государственным органом по предоставлению земельных участков является Департамент сельскохозяйственных ресурсов (далее – Департамент). Департамент заключает с фермерами контракты о предоставлении земельных участков в пользование. Лица, желающие стать фермерами, подают заявки в Департамент, который предоставляет им лицензии на право осуществления деятельности по производству сельскохозяйственной продукции. Особо подчеркнем, что указанные граждане вместе с заявкой должны представить подробный план землепользования, возлагающий на них обязанности поддерживать в надлежащем состоянии плодородие почв. Если землепользователь не исполняет данные обязанности, Департамент имеет право прекратить действие лицензии. Несомненно, действие подобных правовых норм способствует эффективности использования и охраны сельскохозяйственных земель в США.

Интересная правовая норма содержится в законодательстве Мальты: она запрещает другому лицу хранить плодородный слой почвы или оставлять его в состоянии, непригодном для использования в сельском хозяйстве [7, с. 280]. Полагаем, что нарушение данного запрета должно сопровождаться последствиями в виде применения мер юридической ответственности, иначе он лишится смысла.

В завершение резюмируем: российские и зарубежные модели правового регулирования земельных отношений предусматривают обязанности собственников и других правообладателей земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения использовать земельные участки по целевому назначению, сохранять плодородие почвы, проводить мероприятия по охране земель, восстанавливать качество почвы в случае ее загрязнения, предотвращать вредное воздействие на почву. В России, как и зарубежных государствах, права и обязанности обладателей прав на земельные участки, а также меры по стимулированию эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения регулируются, в основном, не гражданским, а земельным и аграрным законодательством. При исследовании зарубежного законодательства и зарубежной юридической литературы не удалось обнаружить такого вида юридической ответственности, как изъятие земельного участка у правообладателя в случае его ненадлежащего использования, аналогичного российскому.

¹ Лукьяненко Е.В. Теоретические проблемы совершенствования правового регулирования договоров сельскохозяйственных товаропроизводителей в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. С. 269–285.

Особо подчеркнем, что зарубежное законодательство о землепользовании, несмотря на противодействие частных собственников, отходит в сторону от понимания права частной собственности как абсолютного, все больше проникаясь концепцией отношения к земле и другим природным ресурсам как к общенародному достоянию и общему благу, важной части окружающей среды, основе благополучия человечества, предусматривая множество специальных правовых норм экологического характера по их рациональному использованию и охране, и это можно оценить только положительно.

Думается, что будет полезным внесение в российское законодательство ряда новелл, учитывающих также позитивный зарубежный правовой опыт регулирования земельных отношений в данной сфере: установить двухлетний срок, по истечении которого сельскохозяйственный земельный участок может быть изъят у правообладателя при его ненадлежащем использовании; ввести обязанность бывшего собственника, виновного в загрязнении сельскохозяйственного земельного участка, за свой счет провести восстановление качества земель, плодородия почвы при отчуждении земельного участка другому лицу; предусмотреть налоговые и иные льготы для обладателей прав на земельные участки в случае, если последние выполняют обязанности по рациональному использованию и охране земель, повышению плодородия почв; закрепить возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почвы; вести возможность заключения договоров об эффективном использовании сельскохозяйственных земельных участков, сторонами которых будут являться органы государственной власти и местного самоуправления, и землепользователи.

Список использованной литературы:

1. Аграрное законодательство зарубежных стран и России: монография / отв. ред. Е.Л. Минина. Москва: Юстицинформ; 2011.
2. Басаев И.Б., Иналов Б.-А.М. Регулирование земельных отношений в зарубежных странах и возможности использования их опыта в России. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007;5(4–5):36–39.
3. Крассов О.И. Право собственности на землю в странах Европы: монография. Москва: Норма; 2014.
4. Пышьева Е.С. Правовое регулирование мелиорации земель в Германии. *Журнал зарубежного права и сравнительного правоведения*. 2015;(1):134–140.
5. Тоточенко Д.А. Изъятие не используемых по целевому назначению земельных участков. *Нотариус*. 2021;(3):31–33. DOI: 10.18572/1813-1204-2021-3-31-33.
6. Хусьяйнова С.Г., Кагамлык М.Ю. Типичные нарушения законов в области оборота сельскохозяйственных земель. *Законность*. 2017;(11(997)):29–31.
7. Borg S., Farrugia L. *Environmental Law in Malta*. Kluwer Law International; 2016.
8. Hodson S. *Land and Water – the Rights Interface*. Rome; 2004.
9. Manteau L. *Les contrats en agriculture. Analyser, rediger, pratique*. Parise: Editions: "Franse Agricole"; 2002.
10. *Soul Protection Law in the EU*. Bodenschutzrecht in Der EU / ed. By S. Mitschang Peter Lang GmbH; 2008.
11. Pitaud Ch. Le Contrat territorial d'exploitation constitue la principale innovation de la loi d'orientation agricole. *Semanic Juridique*. 1999;(36).

References:

1. [Agrarian legislation of foreign countries and Russia] / ed. by E.L. Minin. Moscow: Justicinform; 2011. (In Russ.)]
2. Basaev I.B., Inalov B.-A.M. [The regulation of land relations in foreign countries and the possibility of using their experience in Russia]. *Ehkonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Journal of Rostov State University*. 2007;5(4–5):36–39. (In Russ.)]
3. Krassov O.I. [Land ownership in European countries]. Moscow: Norma; 2014. (In Russ.)]
4. Pysh'eva E.S. [Legal regulation of land reclamation in Germany]. *Zhurnal zarubezhnogo prava i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Law and Comparative Law*. 2015;(1):134–140. (In Russ.)]
5. Totochenko D.A. [Seizure of land plots that are not used for their intended purpose]. *Notarius = Notary Public*. 2021;(3):31–33. DOI: 10.18572/1813-1204-2021-3-31-33. (In Russ.)]
6. Khusyainova S.G., Kagamlyk M.Yu. [Typical violations of laws in the area of agricultural land turnover]. *Zakonnost' = Legality*. 2017;(11(997)):29–31. (In Russ.)]
7. Borg S., Farrugia L. *Environmental Law in Malta*. Kluwer Law International; 2016.
8. Hodson S. *Land and Water – the Rights Interface*. Rome; 2004.
9. Manteau L. *Les contrats en agriculture. Analyser, rediger, pratique*. Parise: Editions: "Franse Agricole"; 2002.
10. *Soul Protection Law in the EU*. Bodenschutzrecht in Der EU / ed. By S. Mitschang Peter Lang GmbH; 2008.
11. Pitaud Ch. Le Contrat territorial d'exploitation constitue la principale innovation de la loi d'orientation agricole. *Semanic Juridique*. 1999;(36).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Инга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6092-4489

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inga A. Eliseeva

Cand. Of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban
State University"
ORCID: 0000-0002-6092-4489

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-63-70>

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ДВИЖИМЫЕ И НЕДВИЖИМЫЕ ВЕЩИ

Столярова-Рубан М.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Столярова-Рубан М.В. Особенности и проблемы правового регулирования разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):63–70. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-63-70>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Столярова-Рубан Мария Вячеславовна, аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (962) 888-29-89

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 16.02.2023

Статья принята к печати: 16.03.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи. Описываются основные различия правового статуса движимого и недвижимого имущества, а также правовые последствия этих различий. В статье также подробно анализируются проблемы правового регулирования разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи, включая вопросы, связанные с определением стоимости имущества, его защитой, передачей права собственности и ответственностью за ущерб, также проводится сравнительно-правовой анализ статуса движимого и недвижимого имущества в законодательстве Российской Федерации и КНР. Таким образом, статья представляет интерес для юристов, специалистов в области гражданского права, а также для всех, кто интересуется вопросами правового регулирования имущественных отношений.

Цель исследования: на основе имеющихся теоретических положений науки гражданского права проанализировать проблемы разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи.

Задачи исследования: определить основные критерии разграничения движимого и недвижимого имущества; проанализировать юридическую концепцию и физическую концепцию разграничения вещей, выявить их достоинства и недостатки; исследовать способы правового регулирования движимого и недвижимого имущества; определить практическое значение разграничения движимого и недвижимого имущества для субъектов гражданского оборота.

Методы исследования: диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.

Выводы: в статье рассмотрены важные проблемы и особенности правового регулирования разграничения движимого и недвижимого имущества в современном гражданском праве. Отсутствие единого критерия для классификации недвижимости, не имеющего недостатков, приводит к широкому спектру научных дискуссий в данной области и возникновению спорных ситуаций. Автор пришла к выводу, что недвижимость по природе характеризуется особыми физическими свойствами,

а именно наличием относительно прочной связи с землей, не предполагающей под собой перемещения в пространстве в процессе эксплуатации. Также, некоторые материальные объекты, в силу своих особенностей, экономических и социальных, требуют закрепления правового статуса недвижимости для обеспечения их надлежащей эксплуатации и правовой охраны.

Ключевые слова: гражданское право, движимое имущество, недвижимое имущество, правовое регулирование, проблемы классификации имущества.

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIVISION OF OBJECTS OF CIVIL LAW INTO MOVABLE AND IMMOVABLE THINGS

Maria V. Stolyarova-Ruban
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Stolyarova-Ruban M.V. Peculiarities and problems of legal regulation of division of objects of civil law into movable and immovable things. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):63–70. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-63-70>

CONTACT INFORMATION:

Maria V. Stolyarova-Ruban, Postgraduate student in the Civil Law Department of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (962) 888-29-89

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 16.02.2023

The article has been accepted for publication: 16.03.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The article discusses the features of the legal regulation of the differentiation of objects of civil law for movable and immovable things. The main differences in the legal status of movable and immovable property are described, as well as the legal consequences of these differences. The article also analyzes in detail the problems of legal regulation of the differentiation of objects of civil law for movable and immovable things, including issues related to the determination of the value of property, its protection, transfer of ownership and liability for damage, as well as a comparative legal analysis of the status of movable and immovable property in the legislation of the Russian Federation and the PRC. Thus, the article is of Interest to lawyers, specialists In the field of civil law, as well as to anyone Interested In the legal regulation of property relations.

Research objectives: to determine the main criteria for the differentiation of movable and immovable property; to analyze the legal concept and the physical concept of the differentiation of things, to identify their advantages and disadvantages; to explore ways of legal regulation of movable and immovable property; to determine the practical significance of the differentiation of movable and immovable property for subjects of civil turnover.

Methods: dialectical, formal-logical and other general scientific research methods; special legal methods: formal-legal, comparative-legal.

Findings: the article considered important problems and features of the legal regulation of the differentiation of movable and immovable property in modern civil law. The absence of a single criterion for the classification of real estate, which has no drawbacks, leads to a wide range of scientific discussions in this area and the emergence of controversial situations. The authors came to the conclusion that real estate by nature is characterized by special physical properties, namely the presence of a relatively strong connection with the earth, which does not imply movement in space during operation. Also, some material objects, due

to their characteristics, economic and social, require the consolidation of the legal status of real estate to ensure their proper operation and legal protection.

Keywords: civil law, movable property, immovable property, legal regulation, problems of property classification.

Введение

В последние годы теория гражданского права стала активно изучать вопрос разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи. Существует несколько подходов к этому вопросу, каждый из которых основывается на различных факторах. Некоторые подходы учитывают физические характеристики имущества, в то время как другие ориентированы на функциональное и экономическое значение имущества для общества и индивидуума. В целях анализа и изучения подходов к разграничению объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи, данная статья предполагает рассмотрение различных аспектов правового статуса имущества, включая его формальную классификацию, функциональное и экономическое значение, а также судебную практику, связанную с разграничением прав на движимое и недвижимое имущество. Также, предполагается провести сравнительно-правовой анализ статуса движимого и недвижимого имущества в законодательстве Российской Федерации и КНР. В итоге, на основе проведенного анализа, предполагается разработать рекомендации по улучшению существующего правового регулирования в сфере разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи в Российской Федерации.

Методы исследования

При написании статьи использовались: диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования

В статье были рассмотрены важные проблемы и особенности правового регулирования разграничения движимого и недвижимого имущества в современном гражданском праве. Отсутствие единого критерия, для классификации недвижимости, не имеющего недостатков, приводит к широкому спектру научных дискуссий в данной области и возникновению спорных ситуаций. Автор пришла к выводу, что недвижимость по природе характеризуется особыми физическими свойствами, а именно наличием относительно прочной связи с землей, не предполагающей под собой перемещения в пространстве в процессе эксплуатации. Также, некоторые материальные объекты, в силу своих особенностей, экономических и социальных, требуют закрепления правового статуса недвижимости для обеспечения их надлежащей правовой охраны и эксплуатации. Проведенный сравнительно-правовой анализ статуса движимого и недвижимого имущества в законодательстве России и КНР выявил сходства и различия в правовом регулировании данного института гражданского права.

Сформулированные автором выводы, в результате проведенного исследования могут послужить прочной базой для дальнейших научных исследований вопросов разграничения движимого и недвижимого имущества в гражданском праве, а также способствуют более глубокому пониманию проблем данной тематики.

Научная дискуссия

На сегодняшний день вопрос разграничения недвижимого и движимого имущества регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации ¹ (далее – ГК РФ) и в иных законодательных актах. В соответствии с российским законодательством, недвижимые вещи могут быть определены либо по своей природе, либо в соответствии с явным указанием закона. Например, статья 130 ГК РФ устанавливает, что основным признаком недвижимой вещи является ее прочная связь с землей, которая делает невозможным ее перемещение без несоразмерного ущерба для ее хозяйственного назначения. Тем не менее, закон также относит к недвижимым вещам такие объекты, как воздушные и морские суда, жилые и нежилые помещения. Рассматривая позицию Высших судебных органов Российской Федерации, следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) 1994 г. (ред. от 16.04.2022 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ в котором указано, что вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств, либо в силу прямого указания закона, и что только такой объект подчиняется правовому режиму недвижимого имущества.

С движимым имуществом, все немного проще, к нему относятся все вещи, которые не являются недвижимыми, в том числе деньги и ценные бумаги (п. 2 ст. 130 ГК РФ). Движимые вещи не имеют прочной связи с землей, поэтому их можно перемещать без несоразмерного ущерба назначению. К примеру, почти все транспортные средства, оборудование – это движимое имущество. Иногда определить, является объект движимым или недвижимым, трудно. В таких случаях вопрос обычно решается в судебном порядке [9, с. 7]. При этом нередко назначается проведение экспертизы. Например, рекламные конструкции признаются движимым имуществом, несмотря на то что связаны с земельным участком. Такие конструкции устанавливаются на определенный срок и демонтируются (перемещаются) без несоразмерного ущерба назначению их как технических средств². А такие объекты, как ограждение (забор), колодец, инженерная инфраструктура, асфальтовые покрытия, суды часто вообще не признают ни движимыми, ни недвижимыми вещами. Эти объекты не имеют самостоятельного значения, поэтому их рассматривают как принадлежность вещи или как вспомогательную (составную) часть недвижимой вещи.

По своей сути, движимое имущество отличается от недвижимого тем, что оно [2, с. 111]:

- не имеет прочной связи с землей;
- не всегда индивидуально определено (зерно, стулья и т.д.). Недвижимость всегда определена четко (например, у здания есть в том числе адрес, кадастровый номер и технические характеристики – площадь, этажность и др.) [7, с. 224–230].

При решении вопроса о том, относится ли объект к недвижимости, суд в том числе выявляет его природные свойства.

От того, движим объект или нет, может зависеть, к примеру, необходимость согласия собственника на совершение сделки с ним, форма договора. Кроме того, от правильной квалификации объекта зависит то, какие нормы законодательства должны применяться к соответствующим отношениям.

Обобщая законодательное регулирование правового статуса движимого и недвижимого имущества, можно сделать следующие выводы:

- движимое имущество по общему правилу не требует государственной регистрации. Вещные права на недвижимость, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение нужно регистрировать (п. 1 ст. 131 ГК РФ);

- требования к форме сделок с движимым имуществом менее строгие. Обычно для них нужна простая письменная форма. В то же время для большинства сделок с недвижимостью обязательно составление договора в виде одного документа. Несоблюдение этого требования влечет недействительность договора. Например, это справедливо для купли-продажи или аренды недвижимого имущества (ст. 550, п. 1 ст. 651 ГК РФ);

- по местонахождению недвижимости, в отличие от движимого имущества, определяется место исполнения некоторых обязательств (п. 1 ст. 316 ГК РФ);

- залог движимого имущества регистрировать не нужно. Залог недвижимого имущества (ипотека) подлежит регистрации в ЕГРН (ст. 19 Закона об ипотеке);

- срок приобретательской давности для движимого имущества – 5 лет, а для недвижимости – 15 лет (п. 1 ст. 234 ГК РФ);

- споры о правах на недвижимость рассматривают суды по месту ее нахождения (исключительная подсудность) (ч. 1 ст. 38 АПК РФ, ч. 1 ст. 30 ГПК РФ).

В научном и правовом сообществе вопрос разграничения имущества на движимое и недвижимое, вызывает оживленные дискуссии. Их причина кроется в нескольких аспектах:

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Позиция ВАС РФ: Рекламные конструкции признаются движимым имуществом; Постановление Президиума ВАС РФ от 16.11.2010 № 8263/10 по делу № А33-13956/2009 и другие акты высших судов; Применимые нормы: п. 2 ст. 130 ГК РФ, ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, в нашей правовой реальности, отсутствует единое основание для классификации недвижимости. Недвижимость по природе характеризуется особыми физическими свойствами – это либо земля, либо предметы, которые неотделимы от нее. В свою очередь, при объявлении недвижимостью судов внутреннего плавания, морских и воздушных судов, а также космических объектов не учитываются их физические свойства, а скорее это обосновывается их относительно высокой стоимостью и большой социальной значимостью, то есть это социальные, а не физические признаки [10, с. 244].

Во-вторых, если недвижимость по природе характеризуется своими физическими свойствами, то должна быть установлена какая-то «граница подвижности», после превышения которой недвижимая вещь становится движимой. Определение недвижимости содержит две оценочные категории: «прочная связь с землей» и «несоразмерный ущерб назначению». В литературе указывается на необходимость учета уровня технологий и предназначения вещи при их оценке. Это означает, что «граница подвижности» довольно изменчива и определяется потребностями оборота. Это все наталкивает нас на вывод о том, что нормативная база для разделения объектов на движимые и недвижимые в нашем законодательстве имеет определённые недостатки, вследствие чего возникает необходимость обратиться к теоретическим изысканиям ученых-юристов, занимавшихся исследованием данного вопроса. В своих работах, профессор Д.Н. Егоров отмечал, что в современной науке гражданского права господствуют две основные концепции разграничения движимых и недвижимых вещей: юридическая и физическая [5, с. 24].

По мнению сторонников юридической концепции, «недвижимость (как и движимое имущество) представляет собой юридическую, а не физическую (техническую) категорию». «Недвижимость – категория юридическая, а не физическая, и главное ее свойство – не физическая «неотрывность» от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующей вещи (ст. 131 ГК РФ)» [1, с. 102]. «До момента государственной регистрации ... вновь создаваемые объекты не приобретают юридического режима недвижимости, следовательно, рассматриваются законом как движимости»¹.

Сторонники же противоположной (физической) концепции исходят из того, что «не право порождает недвижимую вещь, а недвижимость, признанная таковой в силу природных свойств ... требует регистрации права на нее» [11, с. 29]. Другими словами, если объект является недвижимостью, то он существует независимо от воли законодателя или судебного решения в силу своих естественных свойств, в частности, неразрывной связи с землей². Однако, отсутствие законодательного определения терминов «прочная связь с землей» и развитие современных технологий привело к возникновению вопроса о применении данного признака в судебной практике, особенно в случаях, связанных с защитой права собственности на недвижимость [8, с. 14–17]. В каждом отдельном случае суды принимают индивидуальные решения относительно прочности связи с землей того или иного объекта.

Юридическая концепция недвижимости весьма комфортна для ученых, поскольку предельно упрощает решение проблемы определения недвижимого имущества. Для этого достаточно заглянуть в закон и узнать, на какие вещи законодатель установил правовой режим недвижимого имущества. Однако эта концепция ставит в крайне затруднительное положение законодателя, которому необходимо без каких-либо ориентиров и критериев, выявленных цивилистической наукой, решать, какие вещи следует наделять юридическим признаком недвижимости. Вместе с тем сторонники юридической концепции при определении круга объектов недвижимости также ориентируются на природные свойства вещей, что значительно сближает позиции сторон в этом споре. Так, Е.А. Суханов допускает возможность использования природных свойств вещей для отнесения их к недвижимости: «... понятие и содержание категории «недвижимость» в решающей мере определяются правовым режимом соответствующих объектов, установленным тем или иным правопорядком, а вовсе или, во всяком случае, не только их природными, естественно-физическими характеристиками и свойствами» [6, с. 290].

¹ Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М.И. Брагинский и др. Москва: Фонд «Правовая культура»; 1995. С. 241.

² Дробышев П. Признаются – являются – и снова признаются: о понятии недвижимости в реформенном проекте поправок в Гражданский кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/12/11/priznayutsya_yavlyayutsya_i_snova_priznayutsya_o_ponyatii_nedvizhimosti_v_reformennom_proekte_popravok (дата обращения: 08.01.2023).

Подобное обращение к физическим, объективным свойствам вещей неизбежно, так как позволяет ответить на вопрос о том, на какие же вещи необходимо устанавливать правовой режим недвижимости. Поэтому следует поддержать разработчиков Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе в том, что нет оснований вводить в определение недвижимой вещи такой дополнительный признак, как обязательность (подверженность) ее государственной регистрации. Требование государственной регистрации недвижимости есть следствие объективно присущих этой категории вещей признаков, а не один из таких признаков [4, с. 8].

Г.С. Васильев для разграничения движимого и недвижимого имущества предлагает использовать критерий назначения вещей. «Недвижимыми должны считаться те объекты, которые предназначены для использования в строго определенном месте. Если назначение объекта предполагает его перемещение, вещь следует считать движимой» [3, с. 298]. При всей четкости и выверенности этого критерия его не всегда можно успешно применить. Например, морские суда, которые Г.С. Васильев относит к недвижимому имуществу, могут использоваться по назначению не только в строго определенном месте, но и в любой точке Мирового океана. Если же рассматривать Мировой океан как строго определенное место, то таким же строго определенным местом следует признать и всю земную поверхность, так как по площади она уступает Мировому океану. К тому же Г.С. Васильев при характеристике недвижимых вещей вынужден прибегать к дополнительным признакам: «... недвижимостью должны признаваться вещи, имеющие большую экономическую ценность и длительные сроки использования» [3, с. 299]. Последнее ведет к нарушению принципа единства классификационного критерия, лежащего в основе деления вещей на движимые и недвижимые.

Рассмотрев правовой статус движимого и недвижимого имущества в нашей стране, а также точки зрения представителей научного сообщества, предлагаем ознакомиться с зарубежным опытом правоприменения в данной области, в качестве объекта исследования возьмем КНР. Для начала следует отметить, правовое регулирование данных вопросов осуществляется Гражданским кодексом КНР от 28 марта 2020 года, до принятия которого существовал целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих гражданские правоотношения. Что примечательно, до даты принятия ГК КНР, ответы на интересующие нас вопросы содержались в Законе КНР «О вещных правах», ныне не имеющий юридической силы и представляющий интерес лишь в контексте исторического изучения эволюции гражданского законодательства Китая.

В результате сравнения отечественного и китайского законодательства можно прийти к следующим выводам:

1. Законодательство Российской Федерации и КНР имеет целый ряд схожих моментов, начиная от структуры правовых норм, регулирующих гражданский оборот, заканчивая их содержанием. Например, так же, как и в российском законодательстве, у наших китайских коллег для недвижимого имущества требуется специфическая процедура государственной регистрации, выражающаяся в форме занесения его в специализированный государственный реестр.

2. Исходя из содержания Законодательства КНР, недвижимое имущество, признается таковым, лишь после внесения его в реестр недвижимого имущества¹.

3. Говоря о правовом статусе движимого имущества, в законодательстве КНР, следует отметить, что возникновение или отчуждение вещного права на него вступает в силу с момента его фактической передачи, без процедуры государственной регистрации.

4. Крайне интересным представляется правовой статус воздушных и морских судов. Согласно китайскому законодательству, данные объекты следует относить к движимому имуществу. Тем самым в представлении наших коллег, к недвижимому имуществу можно относить лишь объекты, имеющие прочную связь с землей².

5. Согласно ст. 266 ГК КНР, частные лица обладают правом собственности на собственные законные доходы, недвижимость, предметы быта, средства производства, сырье и иное недвижимое и движимое имущество. Таким образом, право частной собственности на землю в КНР отсутствует.

¹ Гражданский кодекс Китая: Книга II Вещные права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-ii-real-rights-20200528> (дата обращения: 08.01.2023).

² Там же. Ст. 225.

Гражданину может принадлежать дом, расположенный на земле, но не сама земля. Данный факт, безусловно следует отнести к различиям в подходах нашего и китайского законодателей.

Подводя некий итог сказанному выше, хотелось бы отметить, что, делая акцент на географической привязке имущества к строго определенному месту, в вопросе классификации его на движимое и недвижимое, не совсем корректно. В эпоху стремительного развития строительных технологий и различных логистических механизмов, грань между движимым и недвижимым имуществом начинает постепенно стираться. Уже сейчас, появилась возможность перемещать в пространстве, обширные монолитные конструкции, без нанесения несоразмерного ущерба их назначению [9, с. 29]. В ходе осуществления хозяйственной деятельности необходимо учитывать практическую целесообразность отнесения определенных объектов гражданских правоотношений к движимому, либо недвижимому имуществу. В связи с этим возникает необходимость в разработке новых критериев, которые учитывали бы такие факторы, как возможность перемещения объекта и его конструктивные особенности. Такие критерии помогут более точно определить правовой статус объекта и обеспечить его надлежащую защиту в рамках гражданских правоотношений.

Однако, при этом важно избегать казуистического характера закрепления норм гражданского законодательства, содержащих перечень недвижимых вещей. Такой подход может привести к неоправданному усложнению правовых норм, а также, возникновению противоречий и неоднозначностей в их толковании и применении, что усложняет правоприменительную практику и создает дополнительные риски для государства и граждан. Вместо этого, следует стремиться к разработке более универсальных критериев, которые позволят более гибко регулировать гражданские правоотношения в отношении различных типов имущества. Это позволит обеспечить более эффективную защиту прав собственности граждан и стимулировать экономическое развитие в нашей стране.

Таким образом, проблема разграничения объектов гражданского права на движимые и недвижимые вещи является непростой темой для научных изысканий и требует тщательного изучения. С учетом изложенного имеются достаточные основания отнести к основным критериям разграничения движимого и недвижимого имущества, следующие:

1. Недвижимость по природе характеризуется особыми физическими свойствами – это либо земля, либо объекты на ней, перемещение которых в процессе эксплуатации не предполагается.
2. Требования к форме сделок с движимым имуществом менее строгие. Обычно для них нужна простая письменная форма. В то же время для большинства сделок с недвижимостью обязательно составление договора.
3. Место исполнения некоторых обязательств определяется по местонахождению недвижимости, в отличие от движимого имущества (п. 1 ст. 316 ГК РФ).
4. Срок приобретательской давности для движимого имущества – 5 лет, а для недвижимости – 15 лет (п. 1 ст. 234 ГК РФ).
5. Споры о правах на недвижимость рассматривают суды по месту ее нахождения (исключительная подсудность) (ч. 1 ст. 38 АПК РФ, ч. 1 ст. 30 ГПК РФ).
6. Движимое имущество по общему правилу не требует государственной регистрации.
7. Предоставление правового статуса недвижимого имущества для судов внутреннего плавания, морских и воздушных судов, а также космических объектов обуславливается не физическими свойствами, а их относительно высокой стоимостью и большой социальной значимостью.

Список использованной литературы:

1. Алексеев В.А. Основания возникновения прав на вновь создаваемый объект и государственная регистрация прав на недвижимость. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008;(4):101–104.
2. Баринова А.Г. Понятие и виды недвижимого имущества. *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2016;(18):110–112.
3. Васильев Г.С. Движимые вещи. *Объекты гражданского оборота: сборник статей. Сер. «Анализ современного права»*. Москва: Издательство: ООО «Издательство «СТАТУТ»; 2007.

References:

1. Alekseev V.A. [Grounds for the emergence of rights to the newly created object and the state registration of rights to real estate]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2008;(4):101–104. (In Russ.)]
2. Barinova A.G. [The concept and types of immovable property]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2016;(18):110–112. (In Russ.)]
3. Vasil'ev G.S. [Movables]. *Ob"ekty grazhdanskogo oborota: sbornik statei. Ser. «Analiz sovremennogo prava» = Objects of civil turnover: collection of articles. Ser. "Analysis of modern law"*. Moscow: Publishing

4. Витрянский В.В. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (монография) / Под общ. ред.: Витрянский В.В., Козырь О.М., Маковская А.А. М.: Статут; 2004.
5. Егоров Н.Д. Проблемы разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве. *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*. 2012;(7):4–29.
6. Козырь О.М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России. *Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник статей памяти С.А. Хохлова*. М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. Развития; 1998.
7. Мустафина З.К. Об объектах недвижимого имущества и некоторых его видах. *Мари́йский юридический вестник*. 2012;(9):225–232.
8. Потапенко Н.С. Способы защиты права собственности на недвижимую вещь. *Российская юстиция*. 2010;(5):14–18.
9. Рубан М.В. К вопросу о едином объекте недвижимости. *Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал*. 2022;(1(13)).
10. Собенина М.А. Морские суда и суда внутреннего водного плавания в системе объектов гражданских прав. *Транспортное дело России*. 2012;(6–2):244–246.
11. Степанов С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве: монография. М., 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Столярова-Рубан Мария Вячеславовна
аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

House: LLC "Publishing House "STATUTE"; 2007. (In Russ.)]

4. Vitryanskii V.V. [*The concept of development of civil legislation on immovable property*]. Under the general ed.: Vitryansky V.V., Kozyr O.M., Makovskaya A.A. M.: Statute; 2004. (In Russ.)]
5. Egorov N.D. [Problems of differentiation of movable and immovable things in civil law]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012;(7):4–29. (In Russ.)]
6. Kozyr' O.M. [Real estate in the new Russian Civil Code]. *Grazhdanskii kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika: Sbornik statei pamyati S.A. Khokhlova = The Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice: Collection of articles in memory of S.A. Khokhlov*. Moscow: International Publishing House the center of finance and economy. Development; 1998. (In Russ.)]
7. Mustafina Z.K. [On the objects of immovable property and some types of immovable property]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2012;(9):225–232. (In Russ.)]
8. Potapenko N.S. [Ways of protecting the right of ownership of an immovable thing]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2010;(5):14–18. (In Russ.)]
9. Ruban M.V. [To the question of a single object of real estate]. *Kubanskoe agentstvo sudebnoi informatsii Pro-Sud-123.ru: Yuridicheskii setevoi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal = Kuban Judicial Information Agency Pro-Sud-123.ru: Legal online electronic scientific Journal*. 2022;(1(13)). (In Russ.)]
10. Sobenina M.A. [Seagoing ships and inland waterway vessels in the system of objects of civil rights]. *Transportnoe delo Rossii = Transport business of Russia*. 2012;(6–2):244–246. (In Russ.)]
11. Stepanov S.A. [*Immovable property in civil law*]. M., 2004. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Stolyarova-Ruban
Postgraduate student in the Civil Law Department of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-71-80>

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ОХРАНЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ

Калужина М.А.*¹, Калужин И.В.²

¹ ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² Прокуратура Краснодарского края
(Советская ул., д. 39, г. Краснодар, Россия, 350063)

Ссылка для цитирования: Калужина М.А., Калужин И.В. Правовые и организационные аспекты информационной защиты охраняемых объектов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):71–80. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-71-80>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Калужина Марина Анатольевна*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.12.2022

Статья принята к печати: 30.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В статье на основе анализа современных тенденций и процессов, присущих цифровой среде, состояния потенциальной опасности криминальных информационных воздействий на охраняемые объекты анализируются имеющиеся стратегические подходы в сфере информационной безопасности. Констатируется значимость системы нормативного правового регулирования, методического, научно-технического обеспечения в решении вопросов информационной защиты охраняемых объектов. Авторами определяется сущность базовых категорий в рамках исследуемой проблематики с акцентом на сегодняшние социально-правовые и криминологические оценки, таких как понятие информационной защиты, средства ее обеспечения, криминологическая безопасность охраняемых объектов. Основываясь на синергетическом подходе, исходя из ряда факторов, данных статистики, свидетельствующих о неблагоприятных прогнозах преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий в ближайшей и отдаленной перспективе, анализа существующих уровней нормативного правового регулирования делается вывод о необходимости решения глобальных задач по построению в киберпространстве цифрового суверенитета на программной основе, государственном стратегическом планировании, надлежащем уровне информационного законодательства. Авторами подчеркивается важность создания отдельных правовых институтов, направленных на решение комплексных задач стимулирования и поддержки отечественных решений по вопросам информационной защиты при этом акцентируется внимание на мерах организационного характера.

Опираясь на результаты проводимых исследований, рассматривается возможность создания единого координационного центра, констатируется необходимость взаимодействия заинтересованных ведомств на его основе. Делается вывод о том, что деятельность государственных органов, наделенных компетенцией обеспечения информационной безопасности охраняемых объектов, должна рассматриваться с позиции системного подхода. Анализируются возможности

отличительных характеристик цифровой среды в решении задач предупреждения противоправных проявлений. Подчеркивается важность информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, криминологического прогнозирования, достижений в области науки криминалистики, обладающих существенным прикладным потенциалом для решения насущных задач.

Ключевые слова: информационная защита, меры по реализации информационной защиты, охраняемый объект, нормативное правовое регулирование.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS INFORMATION PROTECTION OF PROTECTED OBJECTS

Marina A. Kaluzhina^{*1}, Ilya V. Kaluzhin²

¹ FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

² Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory
(Sovetskaya str., 39, Krasnodar, Russia, 350063)

Link for citation: Kaluzhina M.A., Kaluzhin I.V. Legal and organizational aspects information protection of protected objects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):71–80. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-71-80>

CONTACT INFORMATION:

Marina A. Kaluzhina*, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University", Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.12.2022

The article has been accepted for publication: 30.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: Based on the analysis of current trends and processes inherent in the digital environment, the state of the potential danger of criminal information impacts on protected objects, the article analyzes the existing strategic approaches in the field of information security. The importance of the system of normative legal regulation, methodological, scientific and technical support in solving the issues of information protection of protected objects is stated. The authors define the essence of the basic categories within the framework of the issues under study with an emphasis on today's socio-legal and criminological assessments, such as the concept of information security, means of its provision, criminological security of protected objects. Based on a synergistic approach, based on a number of factors, statistical data indicating unfavorable forecasts of crime in the field of information and communication technologies in the near and long term, an analysis of the existing levels of legal regulation, it is concluded that it is necessary to solve global problems of building digital sovereignty in cyberspace on program basis, state strategic planning, appropriate level of information legislation. The authors emphasize the importance of creating separate legal institutions aimed at solving complex problems of stimulating and supporting domestic solutions on information security issues, while focusing on organizational measures.

Based on the results of ongoing research, the possibility of creating a single coordination center is considered, the need for interaction between interested departments on its basis is stated. It is concluded that the activities of state bodies endowed with the competence to ensure the information security of protected objects should be considered from the standpoint of a systematic approach. The possibilities of the distinctive characteristics of the digital environment in solving the problems of preventing illegal manifestations are analyzed. The importance of information and analytical support for operational-search

activities, criminological forecasting, achievements in the field of forensic science, which have significant applied potential for solving urgent problems, is emphasized.

Keywords: information protection, measures for the implementation of information protection, protected object, regulatory legal regulation.

Введение

Выявление, устранение, нейтрализация угроз в сфере информационно-коммуникационных технологий (*ИТ*, *IT*) выступает первостепенной задачей государства и органов государственной власти. Глобальность проблемы появления новых вызовов и угроз безопасности личности, общества и государства, наблюдаемая в настоящее время, позволяет в полной мере осознать необходимость защиты информации в государственной, частной и бизнес-сферах, исключение фактов нарушения ее целостности и искажения, равно как и неприемлемость негативных последствий фатальной утраты [2, с. 11].

Регулярно появляющиеся в СМИ сообщения о резонансных деструктивных воздействиях на российские информационные системы органов государственной власти, банки, корпоративные информационные системы не могут не вызывать озабоченности. Так, в 2022 г. по независимым оценкам специалистов российского сервиса разведки утечек данных и мониторинга даркнета DLBI (*Data Leakage & Breach Intelligence*) в сети Интернет найдены персональные данные трех четвертей граждан России¹.

В последнее время отмечается беспрецедентное количество целенаправленных кибератак на российскую *ИТ*-инфраструктуру. По данным центра мониторинга и реагирования на инциденты информационной безопасности *Jet CSIRT*, число целевых кибератак выросло примерно вдвое, в полтора раза увеличилось число инцидентов с участием вирусов-шифровальщиков, количество *DDoS*-атак² на официальные сайты организаций выросло на порядок, а *Deface*-атаки³, при которых изменяется содержание веб-сайтов, случаются теперь в три-четыре раза чаще⁴. Существенным образом изменились цели. Если раньше мы наблюдали кибератаки, осуществляемые с такими целями как нарушение конфиденциальности (хищение) информации, нарушение ее целостности и доступности, то сегодняшняя цель – безвозвратное уничтожение информации, увеличение распределенных атак, направленных на отказ в обслуживании сервисов и систем. Сегодняшним кибератакам присущ целенаправленный характер, деятельность хакерских группировок высокопрофессионально координируется из-за рубежа посредством специально разрабатываемых инструкций по применению хакерских, шпионских и боевых программ⁵.

В соответствии с ч. 4. ст. 6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁶ обладатель информации обязан принимать меры по ее защите. К числу таких мер относятся правовые, организационные, оперативно-розыскные, научно-технические, информационно-аналитические, кадровые, экономические и др. Уровень потенциальной опасности криминального воздействия, что заложен в высокотехнологичной преступности, обуславливает комплексную реализацию существующих в современном обществе технологий по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз [6]. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что изучение внутренних и внешних

¹ Эксперты DLBI сообщили об утечке в сеть данных 75 % россиян в 2022 году [сайт]. Интерфакс; 2022 [процитировано 04 декабря 2022]. Доступно: <https://www.interfax.ru/russia/881264>.

² *DDoS*-атаки – основной вид применяемых атак, целями которых является нарушение и прекращения функционирования объектов критической информационной инфраструктуры, создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации.

³ *Deface*-атаки – замена содержимого взломанного информационного ресурса, размещение на нем сообщений с целью причинения ущерба деловой репутации владельцу сайта.

⁴ «Киберинтернационал» объявил России войну [сайт]. Сnews; 2022 [процитировано 09 декабря 2022]. Доступно: https://www.cnews.ru/reviews/security2022/articles/uzhe_v_2023_grossijskij_rynok_ib_nachnet.

⁵ Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М; 2018. С. 66.

⁶ Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

угроз информационной безопасности России, целесообразность разработки комплексной защиты информации в условиях рисков информационных угроз – важная составляющая ученых и практиков¹.

Вполне очевидно, что определение новых векторов обеспечения информационной безопасности в условиях нарастающей с новой силой кибервойны, массового ухода зарубежных вендоров (свою деятельность прекратили Acronis, Cisco System Inc, ESET, Fortinet, IBM, McAfee, Microsoft, PaloAlto, Symantec, Veeam и т.д.), связанных с этим рисков, как следствие, освобождения рынка для отечественных производителей, обусловили рассмотрение целого ряда вопросов, в числе которых необходимость кратного увеличения числа отечественных разработок в предельно сжатые сроки, удовлетворяющих требованиям информационной безопасности (ИБ) [10, с. 134], построение системы защиты охраняемых объектов с учетом существующих изменений в импортозамещении. При этом одной из важнейших задач оптимального построения комплексной защиты информации на охраняемых объектах является выбор ИБ-продуктов из существующих на рынке кибербезопасности, который позволит обеспечить нейтрализацию всех потенциально возможных внутренних и внешних угроз информационной безопасности с учетом оптимизации возможно затрачиваемых материальных ресурсов.

Названными обстоятельствами обусловлена необходимость разработки вопросов организации, принципов и направлений повышения эффективности информационной защиты охраняемых объектов, прежде всего на основе надлежащей системы нормативного правового регулирования, методического, научно-технического обеспечения национальных интересов в информационной сфере.

Методы исследования

При проведении исследования авторами использованы теоретические методы исследования, основанные на теории информации, теории вероятностей, случайных процессов, теории оптимизации, а также системно-структурный, формально-логический методы, сравнительно-правовой анализ, метод толкования правовых норм, наблюдение, статистический, контент-анализ материалов СМИ.

Общеизвестно, что просчеты в выборе комплекса средств информационной защиты охраняемых объектов на этапе разработки ведут к неоправданному увеличению ущерба от различного рода деструктивных воздействий. В процессе исследования данной проблематики мы пришли к выводу, что наименее обеспеченными в методическом плане являются этапы оценки эффективности и выбора оптимального варианта решения с учетом трудозатрат: поиск источников финансирования, уточнение критериев импортозамещения, тестирование ИБ-продуктов, подтверждение производства и сроки поставки, внесение сведений о продукции в специализированные реестры, оценки экспертными организациями и т.п.

В совокупности указанные методы позволили комплексно исследовать рассматриваемый феномен, учесть целый ряд факторов как правового. Организационного, так и научно-технического свойства.

Литературный обзор

Прежде чем перейти к предметному анализу, полагаем необходимым обозначить несколько принципиальных положений, определяющих теоретико-методологические предпосылки изучения вопроса информационной защиты охраняемых объектов. Одним из важных аспектов следует назвать определение сущности базовых категорий с акцентом на сегодняшние социально-правовые и криминологические оценки.

Анализ специальной литературы (А.А. Внуков «Защита информации», 2023; его же «Защита информации в банковских системах», 2023; А.В. Зенков «Информационная безопасность и защита информации», 2023; Т.А. Полякова, А.А. Стрельцов «Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности», 2023; А.Ю. Щеглов, К.А. Щеглов «Защита информации: основы теории», 2023; Н.Н. Ковалева «Информационное право», 2023; А.В. Щербак «Информационная безопасность», 2023 и др.) позволяет сформулировать понятие информационной защиты.

Информационную защиту можно определить как многокомпонентную деятельность, осуществляемую посредством проведения совокупности мероприятий, принятия мер, направленных на обеспечение состояния защищенности от противоправных посягательств, неправомерного

¹ Внуков А.А. Защита информации: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М: Издательство Юрайт; 2023. С. 11.

доступа, уничтожения, блокирования, копирования, предоставления, распространения, равно как иных несанкционированных воздействий заинтересованных субъектов, угрожающих целостности информационных систем, их эксплуатации и содержащейся в них информации.

Необходимость рассмотрения средств обеспечения информационной защиты продиктована пониманием их в качестве объективных детерминантов преступных посягательств. Средства обеспечения информационной защиты объектов защиты могут быть как классические – антивирусы, межсетевые экраны и т.п., так и кадровый состав, организационно-административное обеспечение информационной защиты ИТ-инфраструктуры, под которыми понимается участие специалистов в разработке, создании, практическом внедрении на основе единых принципов и подходов научно-технических, математических моделей в целях готовности к противодействию информационным угрозам) [4, с. 217].

По оценкам исследователей стремительно меняющаяся архитектура цифрового мира, генерирует все новые риски и угрозы (В.С. Овчинский, Е.С. Ларина «Метавойна. Все против всех: новейшие концепции боевых действий англосаксов», 2015; П.Н. Фещенко «Социальная напряженность: проблемы криминологического воздействия», 2019; Т.В. Пинкевич, О.А. Зубалова «Современные угрозы криминологической безопасности России», 2021; С.Я. Лебедев, В.Ф. Джафарли «Перспективы развития уголовно-правовых инноваций в системе обеспечения криминологической кибербезопасности», 2021; Е.А. Русскевич «Уголовное право и цифровая преступность: проблемы и решения», 2022; Д.А. Конев «Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий, 2022 и др.). Новая (цифровая) преступность успешно развивается. Терроризм, трансграничный криминал все чаще в качестве поля боя выбирают киберпространство, активно используя уязвимости критической инфраструктуры государственных, корпоративных и частных сетей.

Закономерности, тенденции, состояние преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий красноречиво свидетельствуют о далеко не радужных перспективах в ближайшей и отдаленной перспективах. Действительно, большинство кибератак прошлого года, несмотря на их беспрецедентное количество, были массовыми и легко выявляемыми. Вероятно, это была разведка боем перед проведением разрушительных прицельных кибернападений, в том числе на охраняемые объекты, с целью осуществления деструктивных действий. В этой связи нельзя обойти вниманием вопросы криминологической кибербезопасности охраняемых объектов. Взяв за основу определение криминологической безопасности, данное В.Ф. Джафарли, как объективное состояние защищенности жизненно важных и других существенных интересов личности, общества и государства от криминальных посягательств и угроз такого рода посягательств, что порождается различного рода криминогенными факторами (явлениями, процессами), а также в осознании людьми такой своей защищенности [1, с. 31], рассмотрим ее сущность применительно к охраняемым объектам.

Правовые нормы, закрепленные в статье 1 Федерального закона «О государственной охране»¹, а также в статье 8 Федерального закона «О ведомственной охране»² носят дефинитивный характер, формулируют ключевое содержание охраняемых объектов. Под охраняемыми объектами понимаются здания, строения, сооружения (в том числе отдельные помещения), прилегающие к ним земельные участки, защита которых осуществляется органами государственной охраны в целях обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С учетом таких критериев как социальная, политическая, экономическая, экологическая значимость, а также значимость объекта для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка понятие охраняемых объектов применительно к нашему исследованию носит собирательный характер, обладает рядом характеристик, в том числе в части телекоммуникационного оборудования, систем защиты (межсетевые экраны, средства обнаружения (предупреждения) вторжений, анализа сетевого трафика, средств защиты на хостах, систем сбора и обработки логов, а также обеспечения проактивной защиты требует непрерывного мониторинга и реагирования в

¹ О государственной охране: Федеральный закон от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О ведомственной охране: Федеральный закон от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

режиме 24/7; управления изменениями на объекте в процессе его жизненного цикла, а также поддержания в актуальном состоянии информации об ИТ-активах.

Результаты исследования

В Российской Федерации вопросы применения цифровых технологий для обеспечения информационной защиты не имеют комплексного, системного нормативного правового регулирования, отсутствует единообразие правоприменительной практики, реализация мер организационного характера (финансирование проектов, изменение архитектуры подсистем безопасности, разработки нового прикладного программного обеспечения, проектирование, кадровый дефицит и т.п.) существенно затруднена правовой неопределенностью, наличием лакунов в законодательстве¹ [9, с. 31].

Как одна из составляющих национальной безопасности Российской Федерации, информационная защита является одним из базовых институтов, призванных к обеспечению нормального функционирования демократического государства. Учитывая тесную связь информационной безопасности с законодательной системой, в Российской Федерации принимаются правовые нормы, вносятся соответствующие поправки в федеральное законодательство Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, основанное на Конституции Российской Федерации, общепризнанных международных договорах Российской Федерации, прежде всего некриминальное, гражданского-правовое и административно-правовое.

Значимым направлением совершенствования нормативного правового регулирования в условиях сегодняшних реалий является информационная защита государственных интересов от иностранного вмешательства. В условиях непростого контекста международных отношений, кризиса международных институтов, как следствие, отказа Российской Федерации от участия в ряде международных межправительственных и неправительственных организаций (Совет Европы, Совет по правам человека ООН, Европейский суд по правам человека, Human Rights Watch, Международная ассоциация прокуроров и др.) с очевидной ясностью проявляется расхождение государств в подходах по целому ряду вопросов. Не последнюю очередь здесь занимают вопросы обеспечения кибербезопасности, противодействия цифровой преступности. В то же время нельзя не отметить появившуюся новую возможность реформирования принятых стратегий по укреплению национального суверенитета, в том числе формирования нормативной правовой базы для выработки мер доверия, инструментов международного характера по взаимодействию с заинтересованными сторонами, принятия единых правил по вопросам информационной защиты.

На федеральном уровне нормативного правового регулирования с учетом криминологических прогнозов совершения преступлений как в отношении ИТ-технологий, так и с использованием ИТ-технологий требует внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. К примеру, в Польше в законодательстве отсутствуют какие-либо требования по обеспечению защиты персональных данных, но предусмотрена уголовная ответственность за их утечку в отношении руководителя организации на срок от двух до четырех лет лишения свободы.

В настоящее время вопросы импортозамещения отнесены к числу приоритетных задач государственной политики российского государства, а цифровая трансформация отнесена к национальным целям и стратегическим задачам². Указом Президента РФ «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»³ введены существенные ограничения на использование зарубежного программного оборудования на значимых объектах критической информационной инфраструктуры. Так, с 01 января 2025 года с целью снижения криминологических и экономических рисков на подзаконном уровне нормативного регулирования установлен запрет на его использование органам государственной власти. Это означает в том числе необходимость пересмотра настроек безопасности

¹ Конев Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий: дис. канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 75.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 марта 2022 года № 166 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ОС, ПО, СЗИ, сетевого оборудования. Отечественным поставщикам ИБ-решений следует пользоваться открывшимся окном возможностей для расширения клиентской базы, сбора обратной связи, масштабирования бизнеса с учетом налоговых преференций и ажиотажного спроса на информационную защиту.

Современная система информационной защиты охраняемых объектов – сложный комплекс программных и программно-аппаратных решений, конкурентно способных на мировом рынке продуктов. Как составная часть правовой системы, ведомственный уровень правового регулирования, детально и подробно раскрывающий содержание исходных нормативных положений, наглядно иллюстрирует непрерывный процесс упорядочивания мер по построению системы информационной защиты¹.

Вопросы применения государством способов и инструментов финансово-правового стимулирования, осуществления государственной аккредитации, условий и видов налоговых льгот, создания благоприятных условий налогообложения для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в сфере информационных технологий востребованы участниками гражданско-правовых отношений, в то же время несовершенство нормативного правового регулирования, правовая неопределенность понятий, отсутствие четких критериев, неоднозначность толкования отдельных нормативных установлений, приводит к возникновению спорных ситуаций, решить которые возможно посредством корректного изложения терминологического содержания. Это направление – прикладной потенциал юридической техники [9, с. 17].

Таким образом перед правовой системой стоит программная задача осмысления цифровых реалий и создание на этой основе принципиально нового уровня правовых средств регулирования общественных отношений, обеспечения информационной защиты охраняемых объектов на основе благоприятного правового режима [5, с. 75].

Научная дискуссия

Очевидно, что противодействие новым вызовам цифровой эпохи по информационной защите охраняемых объектов требует решения глобальных задач по построению в киберпространстве цифрового суверенитета, должно носить программный комплексный характер, основываться на государственном стратегическом планировании, обеспечиваться соответствующим уровнем информационного законодательства. Названные цели носят долгосрочный характер и рассчитаны на длительную перспективу. Реализовать их возможно путем создания отдельных правовых институтов, направленных на решение комплексных задач стимулирования и поддержки отечественных решений по вопросам информационной защиты.

В этой связи следует отметить зарубежный опыт Великобритании по созданию в 2017 г. Национального центра кибербезопасности (*National Cyber Security Centre, NCSC*), на базе которого происходит изучение и обмен передовым опытом по устранению системных уязвимостей охраняемых объектов, решение ключевых вопросов национальной кибербезопасности. Создание такого центра привело к оптимизации отдельных государственных структур, изменило подходы и способность Великобритании реагировать на киберинциденты, инициировало внедрение инновационных цифровых сервисов². Центр на постоянной основе:

- проводит технические экспертизы необходимых инструментов и оборудования по обеспечению кибербезопасности; осуществляет мониторинг текущих и потенциальных киберугроз;
- имеет возможность сотрудничества в рамках взаимодействия со всеми органами национальной безопасности страны для целей кибербезопасности;

¹ См., напр.: Об утверждении инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 ноября 2021 года № 701 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Требований к оценке вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных в случае нарушения Федерального закона «О персональных данных»: Приказ Роскомнадзора от 27 октября 2022 года № 178 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, с использованием шифровальных (криптографических) средств: Приказ ФСБ России от 24 октября 2022 года № 524 (вступает в силу 23.11.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; и др.

² [сайт]. Официальный сайт Национального центра кибербезопасности; 2022 [протитировано 20 декабря 2022]. Доступно: <https://www.ncsc.gov.uk/>.

– обеспечен прямым доступом к сообществам по кибербезопасности и научным организациям, промышленному сектору в том числе на международном уровне;

– обладает криптографическими возможностями и оказывает услуги, имеющие решающее значение для обеспечения информационной защиты объектов, обеспечения национальной безопасности Великобритании.

Основные компетенции центра закреплены директивными положениями принятой в 2022 году новой редакции Национальной киберстратегии Великобритании¹ и заключаются в принятии непосредственных мер по минимизации потенциального вреда посредством предоставления масштабируемых услуг информационной защиты (например, активная киберзащита), стимулирования инновационных изменений используемых технологий, управления реагированием на национально значимые киберинциденты. Взаимодействие с Национальными киберсилами Великобритании (*National Cyber Force, NCF*) позволяет эффективно противодействовать киберпреступности. По всей Великобритании создана разветвленная правоохранительная сеть киберподразделений, и наряду с этим в рамках реализации проекта Cyber Protect оказывается помощь пострадавшим гражданам, поддержка малого и среднего бизнеса, осуществляется консультирование рекомендательного характера по улучшению киберустойчивости.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что залогом успеха в рассматриваемом вопросе может стать активная совместная деятельность технических специалистов, должностных лиц (производителей, интеграторов, заказчиков) и государства. Работу в партнерстве по созданию комплексных систем информационной защиты можно экстраполировать до задачи создания целостной российской экосистемы, включающей отечественное аппаратное обеспечение российского производства, программные компоненты и интегрируемые кроссплатформенные ИБ-решения для обеспечения киберустойчивости объектов информационной защиты.

В первую очередь необходимо использовать комплексный подход к обеспечению информационной безопасности и не забывать о том, что объекты критической информационной инфраструктуры очень сложно защитить. Сегодня вполне очевиден, круг проблем, обусловленный чрезмерной узостью поля зрения отдельных составляющих [7, с. 76], тогда как очевидно, что рассмотрение столь сложного феномена как информационная защита охраняемых объектов, лишь с точки зрения гражданско-правовых отношений в современных условиях тактически неверна и чревата недолжным реагированием на существующие угрозы.

Современные формируемые национальные стратегии по кибербезопасности зарубежных стран (Германия, Италия, Япония) нацелены на упреждающее выявление угроз путем комплекса мероприятий², которые могут быть определены следующим образом:

– непрерывный мониторинг событий, происходящих в защищаемой информационной системе;

– внедрение современных решений для противодействия целенаправленным кибератакам;

– ведение контрразведки в Даркнете³;

– использование ловушек и приманок с уязвимыми сервисами для изучения действий нарушителей и выявления атак на самых ранних стадиях (ловушки технологии *Deception*)⁴;

– постоянное повышение осведомленности пользователей о новых угрозах;

– информационное обеспечение принятия управленческих решений по контролю за иностранными хакерами, уже совершавшими попытки кибератак на национальные информационные ресурсы, нанесение превентивных ударов с целью противодействия и управления инцидентами.

Превентивные меры оперативной профилактики в зависимости от ее стадии (этапа) значительно дифференцируются по субъектам, объектам, содержанию, тактике и стратегии их

¹ HM Government. National Cyber Strategy 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1053023/national-cyber-strategy-amend.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

² Япония готовит новую стратегию кибербезопасности, подразумевающую превентивные меры [сайт]. Коммерсантъ; 2022 [процитировано 23 декабря 2022]. Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/5719070>.

³ Даркнет – скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, с использованием нестандартных протоколов и портов.

⁴ *Deception* (создание ложных целей, расстановка ловушек) – действенная технология корпоративной информационной безопасности. Используется для обнаружения злоумышленников и предотвращения атак на ранних этапах.

реализации. Анализируя многоаспектную деятельность компетентных органов зарубежных стран в содержании направленности информационной защиты охраняемых объектов, следует отметить, что она в основном осуществляется путем криминологической профилактики [3, с. 77], т.е. представляет собой комплекс мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний в сфере высоких технологий, в целях последующего воздействия компетентными органами исполнительной власти.

По нашему мнению, оперативно-розыскная деятельность с присущими ей поисковым потенциалом с применением специфических средств и методов, возможностями оперативной аналитики в информационном пространстве [8, с. 16], криминалистика, заключающая в себе комплекс необходимых, присущих лишь ей, специфических, эффективных и действенных инструментов обнаружения, собирания, исследования и оценки электронных следов¹ – важнейшие компоненты обеспечения информационной защиты охраняемых объектов. При этом надо учитывать, что объективное и всестороннее выявление, изучение причин и условий – наиболее сложная и весомая часть работы по противодействию информационным угрозам, слабо регламентированная законодательно и недостаточно изученная наукой.

Список использованной литературы:

1. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 1. Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы (монография) / под ред. С.Я. Лебедева. М.: Проспект; 2021.
2. Клименко И.С. Информационная безопасность и защита информации: модели и методы управления: монография. М.: ИНФРА-М; 2021.
3. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение: монография / под ред. К.К. Горяинова. М.: ИНФРА-М; 2008.
4. Майстренко В.А. и др. Современные радиоэлектронные средства и технологии информационной безопасности: монография / В.А. Майстренко, А.А. Соловьев, М.Ю. Пляскин, А.И. Тихонов. Омск: Омский государственный технический университет (ОмГТУ); 2017.
5. Максуров А.А. Использование специальных знаний при доказывании по делам о преступлениях и правонарушениях в сети Интернет: монография. М.: ИНФРА-М; 2023.
6. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала: монография. М.: Книжный мир; 2017.
7. Овчинский В.С. Кибермафия: мировые тенденции и международное противодействие: монография. М., 2022.
8. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография М.: ИНФРА-М; 2020.
9. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании: монография / под ред. А.Н. Кокотова, И.П. Малиновой. М.: ИНФРА-М; 2022.
10. Шубин В.В. Информационная безопасность волоконно-оптических систем: монография. Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ»; 2015.

References:

1. Dzharfarli V.F. Criminology of Cybersecurity: In 5 vols. T. 1. [Criminological Cybersecurity: Theoretical, Legal, and Technological Foundations] / ed. by S.Ya. Lebedev. Moscow: Prospect; 2021. (In Russ.)]
2. Klimenko I.S. [Information security and information protection: models and management methods]. Moscow: INFRA-M; 2021. (In Russ.)]
3. Kondratyuk L.V., Ovchinskii V.S. [Criminological dimension]. edited by K.K. Goryainova. M.: INFRA-M; 2008. (In Russ.)]
4. Maistrenko V.A. i dr. [Modern electronic means and technologies of information security]. / V.A. Maistrenko, A.A. Soloviev, M.Y. Plyaskin, A.I. Tikhonov. Omsk: Omsk State Technical University (OmSTU); 2017. (In Russ.)]
5. Maksurov A.A. [The use of special knowledge in proving cases of crimes and offenses on the Internet]. M.: INFRA-M; 2023. (In Russ.)]
6. Ovchinskii V.S. [Technologies of the future against crime]. M.: Book World; 2017. (In Russ.)]
7. Ovchinskii V.S. [Cybermafia: Global Trends and International Counteraction]. Moscow, 2022. (In Russ.)]
8. Ovchinskii S.S. [Operational search information]. M.: INFRA-M; 2020. (In Russ.)]
9. Ovchinskii V.S. [Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and socio-legal regulation]. Edited by A.N. Kokotov, I.P. Malinova. M.: INFRA-M; 2022. (In Russ.)]
10. Shubin V.V. [Information security of fiber-optic systems]. Sarov: FSUE "RFNC-VNIIEF"; 2015. (In Russ.)]

¹ Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калужина Марина Анатольевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

ORCID: 0000-0003-4603-4129

Researcher ID: X-5005-2019

Author ID: 733419

Калужин Илья Викторович

главный специалист отдела организационно-методического обеспечения и информационных технологий управления правовой статистики, информационных технологий и защиты информации прокуратуры Краснодарского края

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Kaluzhina

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"; Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ORCID: 0000-0003-4603-4129

Researcher ID: X-5005-2019

Author ID: 733419

Ilya V. Kaluzhin

Chief Specialist of the Department of Organizational and Methodological Support and Information Technologies of the Department of Legal Statistics, Information Technologies and Information Protection of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПОРЯДКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Лучинкин Ф.М.

Ижевский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

(Заречное шоссе, д. 23, г. Ижевск, Россия, 426052)

Ссылка для цитирования: Лучинкин Ф.М. К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):81–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лучинкин Федор Михайлович, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Адрес: Заречное шоссе, д. 23, г. Ижевск, Россия, 426052

Тел.: +7 (912) 456-50-50

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.01.2023

Статья принята к печати: 20.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В государственно-правовом развитии России наступила новая эпоха. Определена уголовно-правовая политика, основные положения которой убеждают в утверждении таких векторов развития уголовного судопроизводства, как обеспечение прав личности, ограждение личности от вторжения в сферу ее интересов государственных органов без значимых причин. Эти положения обуславливают потребность в выработке новых подходов к регулированию всего спектра правоограничивающих средств, что особенно актуализирует проблему соответствующего развития оперативно-розыскной деятельности, результаты которой могут рассматриваться как доказательства и использоваться в ходе не только досудебного производства, но и в судебном следствии.

Судебное доказывание является основой для установления значимых обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела. От степени достоверности фактов, уровня убедительности их совокупности зависит итоговое судебное решение. Одним из возможных источников сведений о значимых обстоятельствах выступают результаты оперативно-розыскной деятельности. Их использование в доказывании представляется важным сегментом уголовно-процессуальной деятельности, начиная от процессуальных способов их представления суду, до оценки результатов их исследования в условиях состязательного судебного следствия. Весь этот процессуальный путь сопровождают многочисленные проблемы, одной из которых выступает порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании. Оптимизация этого порядка представляется важным направлением современной уголовно-процессуальной науки и значимым аспектом правоприменения.

Целью исследования является разработка нового подхода к разрешению институциональной проблемы использования в судебном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. В задачи исследования вошли: формулирование проблемной ситуации в новом политико-

идеологическом контексте, связанной с определением порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании; определение теоретико-правового способа ее решения; разработка конкретных авторских предложений по изменению порядка использования в судебном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.

Исследование проведено на основе традиционных *методов*: различные виды анализа (структурно-системный, системно-функциональный), обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результатами исследования стали авторские предложения, направленные на оптимизацию процессуальной формы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в условиях судебного следствия, включая дифференцированный подход к использованию в судебном следствии личных и вещественных результатов оперативно-розыскных мероприятий, формулировка правовых стандартов представления и исследования в судебном следствии материалов дел оперативного учета, допросов оперуполномоченных, а также засекреченных свидетелей обвинения, которые участвовали в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, судебное следствие, процессуальный порядок, использование.

ON THE ISSUE OF OPTIMIZING THE ORDER OF USE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN JUDICIAL EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Fedor M. Luchinkin

Izhevsk Institute (branch)

FGBOU VO "All-Russian State University of Justice"

(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

(Zarechnoye shosse, 23, Izhevsk, Russia, 426052)

Link for citation: Luchinkin F.M. On the issue of optimizing the order of use results of operational and investigative activities in judicial evidence in a criminal case. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):81–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

CONTACT INFORMATION:

Fedor M. Luchinkin, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Izhevsk Institute (branch)
FGBOU VO "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Address: Zarechnoe highway, 23, Izhevsk, Russia, 426052

Tel.: +7 (912) 456-50-50

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.01.2023

The article has been accepted for publication: 20.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: A new era has come in the state and legal development of Russia. A criminal law policy has been defined, the main provisions of which convince of the approval of such vectors of the development of criminal proceedings as ensuring the rights of the individual, protecting the individual from intrusion into the sphere of its interests by state bodies without significant reasons. These provisions make it necessary to develop new approaches to regulating the entire range of law-limiting means, which especially actualizes the problem of the corresponding development of operational investigative activities, the results of which can be considered as evidence and used during not only pre-trial proceedings, but also in judicial investigation.

Judicial evidence is the basis for establishing significant circumstances necessary for the resolution of a criminal case. The final court decision depends on the degree of reliability of the facts, the level of

persuasiveness of their totality. One of the possible sources of information about significant circumstances are the results of operational investigative activities. Their use in evidence seems to be an important segment of criminal procedural activity, starting from the procedural ways of presenting them to the court, to evaluating the results of their research in the conditions of an adversarial judicial investigation. This whole procedural path is accompanied by numerous problems, one of which is the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence. Optimization of this procedure seems to be an important direction of modern criminal procedure science and a significant aspect of law enforcement.

The purpose of the study is to develop a new approach to solving the institutional problem of using the results of operational investigative activities in judicial evidence. The objectives of the study included: the formulation of a problematic situation in a new political and ideological context related to the definition of the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence; the definition of a theoretical and legal way to solve it; the development of specific author's proposals to change the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence.

The study was conducted on the basis of traditional methods: various types of analysis (structural-system, system-functional), generalization, formal-legal, comparative-legal.

The results of the study were the author's proposals aimed at optimizing the procedural form of using the results of operational investigative activities in the context of a judicial investigation, including a differentiated approach to the use of personal and material results of operational investigative measures in the judicial investigation, the formulation of legal standards for the presentation and research in the judicial investigation of the materials of operational records, interrogations of operatives, as well as classified witnesses charges that participated in the conduct of operational search activities.

Keywords: criminal proceedings, evidence, evidence, results of operational investigative activities, judicial investigation, procedural procedure, use.

Введение

Проблему использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) надо признать одной из наиболее актуальных в современной уголовно-процессуальной теории. Она возникла после выделения оперативно-розыскной деятельности из иной деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений. Точкой отсчета можно считать момент принятия первого закона об оперативно-розыскной деятельности¹ в 1992 году и официального признания ее как самостоятельного правового феномена по отношению к уголовно-процессуальной деятельности в целом, и доказыванию, в частности.

Несмотря на то, что проблемы использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании длительное время являются предметом исследований в рамках различных научных отраслей, такой ее аспект, как использование результатов ОРД именно в судебном следствии изучен мало.

В числе основных проблем, которые привлекают внимание ученых, можно отметить:

- ограниченность возможностей государственного обвинителя в использовании результатов ОРД в судебном доказывании [16];
- непосредственное (прямое) использование результатов ОРД и данный вопрос имеет общепроцессуальное значение, давно находится в поле зрения ученых [13], но до настоящего времени не решен законодателем;
- правовая основа представления результатов ОРД, в том числе в рамках судебного разбирательства, и ее явная недостаточность [7].

В то же время многие вопросы остаются без надлежащего научного раскрытия, в числе которых следует назвать:

- наличие потребности в дифференциации процессуального порядка использования результатов ОРД в зависимости от способа их получения;
- законодательное регулирование порядка использования результатов ОРД в судебном следствии;
- вовлечение в судебное доказывание новых способов получения информации, основанных на оперативно-розыскных методах и др.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 года № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 892.

Методы исследования

Автором для достижения цели и решения задач исследования использованы различные виды анализа (структурно-системный, системно-функциональный), обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой. Посредством аналитической работы были выявлены специфичные признаки судебного доказывания при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности. Методом обобщения выведены закономерности проявления особенностей доказывания при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности.

Формально-юридический и сравнительно-правовой методы дали возможность получить знания о регулировании доказывания в досудебном и судебном следствии и выявить пробелы в законодательном пространстве, сужающие возможности участников судебного следствия по исследованию и оценке результатов оперативно-розыскной деятельности.

Результаты исследования

На межотраслевом уровне осуществлена комплексная разработка теоретических и прикладных аспектов представления и исследования в судебном следствии по уголовным делам доказательств, содержащих информационные и вещественные результаты оперативно-розыскной деятельности.

Автором обновлена парадигма судебного доказывания по уголовному делу на основании творческого развития основных положений, составляющих ее содержание. Так, предлагается дополнить парадигму доказывания дифференциацией порядка использования в судебном доказывании личных и вещественных результатов ОРД, а также гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

При этом поддерживаются идеи о неизменности исторически сложившейся структуры досудебного и судебного доказывания, о различиях в правовых режимах использования результатов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

В работе представлен авторский проект модернизации процедур представления суду государственным обвинителем доказательств, образованных с использованием информационных и вещественных результатов оперативно-розыскной деятельности.

Впервые сформулированы правовые стандарты представления и исследования в судебном следствии материалов дел оперативного учета, допросов оперуполномоченных, а также засекреченных свидетелей обвинения, которые участвовали в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Научная дискуссия

Длительное время имеет место правовая неопределенность в оценке доказательственного значения результатов таких оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), как оперативный эксперимент, проверочная закупка, гласное обследование различных объектов, в том числе при проведении судебного следствия и использовании их в судебном доказывании.

Отдельные аспекты проблематики использования в судебном доказывании результатов ОРД затрагивались рядом ученых¹ [8]. При этом некоторые из них допускают явный перекося в сторону манипулятивных речевых технологий [1, с. 19–23], искажающих отечественную модель уголовно-процессуального доказывания.

Появились публикации, предлагающие «радикально» простые способы решения обозначенной проблемы. Суть их сводится к тому, чтобы разрешить непосредственное представление в ходе судебного разбирательства информации и материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, без их предварительной легализации в досудебных стадиях уголовного процесса². Появление таких концепций не случайно, если иметь в виду «доктрины», чуждые нашей правовой традиции [4, с. 20–25].

Важно правильно понять главную причину анализируемой проблемы, которая, как и всякая серьезная проблема, имеет идеологический характер [11, с. 43–47; 18, с. 24–31]. Особенность превращения результатов одного из видов досудебной деятельности правоохранительных органов (ОРД) в судебное доказательство кроется в типовой самобытности российского процесса.

¹ Машовец А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

² См., например: Уткин В.В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 17, 18.

В отечественной уголовно-процессуальной науке издавна идет острое идеологическое противостояние между либеральным, прозападным направлением, и отечественной правовой традицией, исторически проникнутой следственной идеологией. Новый виток в этом противостоянии наступил с современной эпохой в историческом развитии России. Отныне обеспечение «преимущества в развитии Российского государства» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации¹) должно составлять парадигму российской юридической науки, включая науки по специальности 5.1.4.

В современную эпоху методологически важно занять правильную идеологическую, политическую, духовно-нравственную позицию, в полном соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Таким образом, первым теоретико-методологическим ходом в наших построениях будет констатация того, что институты уголовно-процессуального права, включая доказывание, а равно и вся поставленная нами проблематика должны пониматься в свете российской исторической правовой традиции стремления к истине и справедливости, сильного государства.

Мы исходим из того, что одним из проявлений уникальности современного российского уголовного процесса является феномен оперативно-розыскной деятельности и использование в доказывании ее результатов. На очередном этапе правового развития требуется осмыслить закрепленную в позитивном праве (ст. 89 УПК РФ, ст. 11 ФЗ Об ОРД³), воплощенную в доктрине и подвергаемую критике модель использования в доказывании результатов ОРД.

Наряду с идеологическим, политическим факторами актуализирует тему исследования фактор «технологический». Стремительное развитие цифровых технологий, постоянно совершенствующиеся способы совершения преступлений, бросают правовой системе противодействия преступности новые вызовы, которые требует освещения в теоретическом и прикладном планах. «Областями применения цифровых технологий, – пишет В.А. Семенцов, – стали практически все сферы жизни современного общества, включая деятельность уголовно-процессуальную, связанную с решением социальной задачи защиты от преступлений процессуальными средствами» [15, с. 101].

Считаем, что происходящая цифровизация общества, государства, правосудия порождает соблазн подменить правовое решение правовой проблемы техническим.

С.И. Кувычков предлагает заменить критерий допустимости технической проверкой аутентичности цифровой информации, представляемой суду сторонами в качестве своих доказательств, в том числе, представляемой государственным обвинителем цифровой информации, полученной в ходе ОРД [5, с. 76–81].

С нашей точки зрения, цифровые технологии не изменят существа уголовно-процессуальных явлений и не смогут отменить уголовно-процессуальной следственной формы легализации, то есть проверки ее и фиксации в протоколах следственных действий и иных процессуальных документах. Неприемлемыми являются выводы о якобы большей допустимости цифровой информации, представленной в электронном виде, по сравнению со сведениями в традиционных источниках.

Современный этап научных исследований немислим без междотраслевого подхода к пониманию сложных уголовно-процессуальных явлений, каковым является процесс трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-судебное доказательство, чему способствует введение новой научной специальности 5.1.4. Поэтому наряду с общими методами научного исследования особое значение приобрел комплексный метод.

Мы исходим из того, что отечественный уголовный процесс в своей установке на объективную истину сохраняет на протяжении нескольких веков двухэтапную организацию с разграничением досудебного и судебного производств. А это, в свою очередь, делает неприемлемой

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года, с учетом поправок по сост. на 04 октября 2022 года) // Российская газета. 1993. 25 дек. (первоначальный текст).

² [сайт]. Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации; 2022 [обновлено 09 ноября 2022; процитировано 12 ноября 2022]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

для отечественного правосудия модель судебного следствия / доказывания в ее англосаксонском виде¹.

Институт судебного следствия в уголовном процессе смешанного (поискового) типа – это величина неизменная, исторически сложившаяся структура. Судебное следствие не может заменить следствие предварительное или выступить равнозначной альтернативой ему. Предварительное расследование обязательно должно предшествовать следствию судебному, чтобы была обеспечена надлежащая гарантия полноты, объективности и всесторонности установления фактических обстоятельств дела [6, с. 162–165].

В настоящее время переход к состязательной уголовно-процессуальной модели доказывания в судебном следствии по объективным причинам невозможен. Проблема оптимизации использования в уголовном процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности подлежит решению только в контексте сохранения существующей, то есть следственной уголовно-процессуальной модели, в которой доминирует следственный правовой стандарт формирования доказательства. В основе этого стандарта лежит протокол следственного действия, соответствующий требованиям статей 166, 167 УПК РФ.

Концептуальная модель использования в судебном следствии результатов ОРД должна включать в себя, с одной стороны, аксиоматическое положение о разделении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и изобличению лиц их совершивших, а с другой стороны, постулат о единстве досудебного и судебного уголовно-процессуального доказывания, равно как и предварительного и судебного следствий.

Аксиологическая посылка (о дифференциации форм досудебной активности органов государства по раскрытию преступления) вытекает из признания необходимости сохранения существующей модели досудебного производства и, соответственно, исключительности следственной технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств.

Сложившаяся дифференциация правовых форм оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности обусловлено исторически сложившейся, единственно возможной следственной гарантией прав личности: она предполагает двойную проверку допустимости в качестве средства доказывания полученных при проведении ОРМ сведений, материалов и фактов.

Концепция объективной истины является идеологическим стержнем отечественного уголовного судопроизводства и концептуальной основой понимания сущности основных уголовно-процессуальных явлений и институтов: судебного доказывания и судебного следствия.

Исходные положения общего характера, развитые выше, мы можем конкретизировать в нижеследующих тезисах.

Запрет, предусмотренный ст. 89 УПК РФ, сохраняет институциональное значение для уголовно-процессуальной формы доказывания. Вместе с тем мы выступаем за смягчение формулировки, содержащей в ст. 89 УПК РФ в виде категорического запрета, в котором заложена негативное отношение к результатам ОРД. Предлагается отказаться от определения возможности использования в доказывании результатов ОРД через «запрет» и следующую редакцию ст. 89 УПК РФ: «Результаты оперативно-розыскной деятельности в виде материалов и информации, полученные в соответствии с действующим законодательством, гарантирующим права человека, а также их верифицируемость и аутентичность, могут использоваться после проверки органом предварительного расследования в судебном следствии в качестве доказательств».

Единственный правовой способ представления в судебном следствии фактических данных и их носителей, полученных в ходе ОРД, допустим только через их легализацию в ходе предварительного расследования, а затем представление гособвинителем суду в виде первоначальных и производных источников обвинительных доказательств.

В настоящее время в правоприменении имеет место тенденция к унификации правового стандарта проведения некоторых, например, гласных ОРМ, приближенных к форме производства следственных действий [2, с. 101–119; 3, с. 48–52;]. Критерий допустимости уголовно-процессуальных доказательств может быть модернизирован в сторону унификации правовых стандартов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

¹ См.: Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 11–14.

Признание правового аспекта в оперативно-розыскной деятельности и ее результатах открывает возможность для создания межотраслевого правового стандарта допустимости представления, равно как и исследования в суде в качестве доказательств результатов оперативно-розыскных мероприятий в виде сведений и их источников. Его должны составлять различные по своей отраслевой принадлежности, но единые по смыслу правила документирования хода и результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые гарантируют законность, обоснованность и обеспечение прав личности, а также достоверность полученных таким путем сведений.

Мы предлагаем следующую классификацию уголовно-процессуальных доказательств обвинения, порожденных ОРД: (1) событие преступления, зафиксированное в материалах ОРД; (2) предметы и документы со следами преступления, полученные в ходе ОРМ; (3) личные доказательства, сформированные в результате проведения ОРД. Отсюда различия в процессуальной технологии и тактике представления каждого из них.

На наш взгляд, с учетом позиции других авторов [9, с. 241–245; 10, с. 107–111; 12, с. 36–41], можно выделить следующие процессуальные технологии представления в судебном следствии доказательств из результатов ОРД: (1) оглашении государственным обвинителем письменных документов, зафиксировавших в ходе проведения ОРМ и следственных действий, указывающих на следы преступления; (2) судебные допросы гособвинителем сотрудников оперативных аппаратов и лиц, участвовавших в проведении ОРМ, в том числе представителей общественности; (3) предъявление гособвинителем и осмотр судом предметов и документов, изъятых в ходе ОРМ и получивших статус вещественных доказательств, что может сопровождаться применением специальных познаний при их исследовании, включая производство экспертиз; (4) представление в суде служебно-оперативных документов, воспроизведение видео-записи, в которых зафиксировано событие преступления по результатам проведения ОРМ (оперативный эксперимент, проверочная закупка и др.).

Доказательственное значение результатов проверочной закупки, оперативного эксперимента, наблюдения можно определить с учетом того, что преступление контролируется правоохранительными органами и происходит тайное документирование контролируемого события преступления. Результаты этих ОРМ, будучи представленными в виде обвинительных доказательств, либо принимаются судом за факты, либо отвергаются как результат подстрекательства или провокации. Поэтому доминирующей технологией их представления является снятие сомнений в провокационности действий оперуполномоченных.

В литературе справедливо утверждается, что «оперативно-розыскные мероприятия могут содержать элементы провоцирующего поведения (проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент и др.), но действия их участников по активизации поведения объекта мероприятия, обнаружившего преступные замыслы, направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение, не образуют провокации преступления и соучастия в нем» [14, с. 52].

Так, в жалобе защитника утверждалось, что в отношении подзащитного – осужденного Ш. со стороны сотрудников УФСБ была провокация. В судебном заседании допрошен оперуполномоченный С., который дал показания относительно проведения в отношении Ш. оперативного эксперимента Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что ОРМ проведено в соответствии с требованиями закона и обоснованно признано следователем, а затем и судом допустимым доказательством¹.

Правовой стандарт, используемый в судебном следствии для оценки допустимости результатов этих ОРМ, имеет две составляющие: (а) материально-правовую – обеспечивающую снятие сомнений в отсутствии провокационности (подстрекательства), (б) формальную – образуемую совокупностью требований законодательства к проведению и оформлению этих ОРМ, а также проверке их в уголовном процессе. В правовой стандарт допустимости результатов оперативного эксперимента, проверочной закупки, входит обоснованность проведения этих ОРМ.

К критериям допустимости доказательств, сформированных из результатов этих ОРМ, отнести следующие: 1) обоснованность проведения ОРМ, 2) объективность подозрения; 3) отсутствие провокационности в поведении сотрудников правоохранительных органов и лиц, с ними

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (Краснодарский край) от 14 августа 2020 года по делу № 1-9/2020 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/d1lyNZUiBQml/>.

сотрудничающих; 4) верифицируемость, в том числе с помощью применения технических средств, результатов ОРМ как в ходе предварительного расследования, так и судебного следствия.

Отдельным пунктом нашей позиции является вопрос о допустимости представления в судебном следствии дела оперативного учета (ДОУ). На практике вопрос о представлении ДОУ в судебном следствии решается неоднозначно. Чаще всего ссылки на дела оперативного учета делают допрашиваемые в судебном следствии оперуполномоченные, участвовавшие в проведении этих ОРМ¹. Однако, иногда документы из ДОУ непосредственно представляются в судебном следствии государственным обвинителем по удовлетворенному судом ходатайству защитника².

Вопрос о представлении суду ДОУ относится к сфере правовой неопределенности. Мы считаем, что закон должен включать четкие требования к закреплению информации о предшествующей криминальной деятельности «объекта» в материалах, полученных при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки. Прежде всего это касается надлежащего наполнения и оформления материалов дел оперативного учета, как гарантия обоснованности проведения этих ОРМ, которая может быть проверена в судебном следствии. Надо сформулировать положение о том, что дела оперативного учета по решению суда должны представляться для исследования суда и сторон в случае возникновения разумных сомнений в обоснованности проведения оперативного эксперимента и проверочной закупки, включая обоснованность подозрения. При этом к проведению наблюдения данное требование не относится.

Вещественные доказательства из результатов предметных ОРМ представляют собой материальные объекты со следами преступления в правовой оболочке из документов (актов, протоколов) и приложений, составленных субъектами ОРД и уголовно-процессуальной деятельности для фиксации обстоятельств обнаружения и изъятия этих объектов.

Информационным ядром вещественного доказательства является след преступления, отразившийся на материальном объекте. Форма вещественного доказательства – это есть задокументированное или зафиксированное техническим способом подтверждение субъектом оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной деятельности наличия связи предмета-объекты с событием преступления и способности его связь подтвердить, прежде всего в судебном следствии – решающем этапе проверки и оценке доказательства.

Наша позиция относительно представления суду предметов, документов со следами преступной деятельности, полученных в ходе ОРД, такова. Оперативно-розыскная деятельность выступает решающим средством перевода объектов из естественного состояния элементов объективного мира в сферу уголовно-процессуального доказывания. Обнаружение и собирание (изъятие) такого предмета как потенциального «средства доказывания» уже состоялось в результате проведения соответствующего (предметного) ОРМ. Служебно-оперативные документы становятся частью формы вещественного доказательства, которое представляется государственным обвинителем суду.

В этой связи нами предлагается новая формулировка ст. 284 УПК РФ: «Предъявление и осмотр вещественных и иных доказательств», а ее содержание предлагается изложить следующим образом: «1. Предъявление и осмотр доказательств проводится в любой момент судебного следствия по ходатайству сторон. Лица, которые предъявляют и которым предъявлены доказательства, вправе

¹ Приговор Партизанского городского суда (Приморский край) от 12 ноября 2020 года по делу № 1-95/2020 в отношении Гапонова Е.П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/OaBJw3qIAwx3/?regular-txt=>; Приговор Шпаковский районный суд (Ставропольский край) от 07 июля 2021 года по делу № 1-141/2021 в отношении Петросяна С.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/nOtLn7aif4dn/?page=3®ular-court=>; Приговор Шпаковского районного суда (Ставропольский край) от 16 сентября 2020 года по делу № 1-134/2020 в отношении Ковяка В.Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 228 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/SMYyYa7Tof59/?regular-txt=>.

² Приговор Заводоуковского районного суда (Тюменская область) от 30 июля 2020 года по делу № 1-7/2020 в отношении (ФИО), обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/OIf87VOwoYbm/?regular-txt=>.

обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. 2. При предъявлении доказательств допускается применение технических устройств. С разрешения председательствующего допускается демонстрация содержимого электронных накопителей информации, Интернет-сайтов, воспроизведение видеозаписей на экранах мониторов в зале судебного заседания. 3. При предъявлении доказательств подсудимому, потерпевшему, свидетелю, специалисту и эксперту могут быть заданы вопросы. 4. При предъявлении и осмотре вещественных доказательств могут оглашены протоколы следственных действий, документы ОРМ, зафиксировавшие их обнаружение и изъятие».

Что касается вопроса представления и исследования личных доказательств в судебном следствии, в основе которых лежат фактические данные, полученные от лиц при проведении гласных или негласных ОРМ, то здесь надо подчеркнуть следующее. Именно в технологии формирования личных доказательств должен быть положен предел уступчивости в заимствовании западных (состязательных) технологий формирования: манипуляционный момент, оттирание судьи на второй план, отказ от стандарта объективной истины в пользу игрового момента, уход в формализм, что проявляется в передаче прав на ведение судебных допросов исключительно сторонам.

По-нашему мнению, личное доказательство имеет следующую структуру, во-первых, это лицо, которое дает показания, во-вторых, это показания, то есть его устные сообщения, речь, в-третьих, сведения, информация, содержащаяся в сообщениях лица, в-четвертых, это документы, в которых зафиксированы сведения, включая оперативно-служебные документы.

Разделение ОРД и уголовно-процессуальной деятельности, включающее запрет, установленный ст. 89 УПК РФ, ведет к признанию невозможности отказаться от технологии формирования личных судебных доказательств путем представления суду в виде производных, письменных источников сведений, полученных как от ранее допрошенных лиц (свидетелей), но так же иных устных сообщений лиц (явка с повинной, объяснение, опрос и пр.), которые оглашаются в порядке, предусмотренном ст. ст. 281, 285 УПК РФ.

Допросы засекреченных свидетелей, включая лиц, участвовавших в проведении ОРМ¹, могут проводиться по усмотрению суда только в исключительных случаях: когда есть веские основания для подозрения во лжесвидетельстве или совершения другого преступления против правосудия, с соблюдением мер обеспечения их безопасности и засекречиванием персональных данных. Мы поддерживаем уже ранее сделанные предложения такого рода по изменению редакции статей 277, 278, 281 УПК РФ² [17, с. 53–59].

Таким нам видится проект модернизации порядка представления в суд обвинительных доказательств, содержащих результаты ОРД, сформированных в ходе предварительного расследования.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Перекрестный допрос в суде как средство формирования показаний. *Допустимость показаний в уголовном процессе: материалы Всероссийского круглого стола*. Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; 2021.
2. Балакшин В.С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам. *Российский юридический журнал*. 2021;(4(139)):91–101. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_91.
3. Григорьев В.Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2018;(2):48–52.

References:

1. Aleksandrov A.S. [Cross-examination in court as a means of forming testimony]. *Dopustimost' pokazanii v ugovolnom protsesse: materialy Vserossiiskogo kruglogo stola = The admissibility of testimony in criminal proceedings: materials of the All-Russian Round table*. Saint Petersburg: North-Western Branch of the Russian State University of Justice; 2021. (In Russ.)
2. Balakshin V.S. [The use of materials of administrative activities and the results of operational investigative measures in proving criminal cases]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 2021;(4(139)):91–101. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_91. (In Russ.)
3. Grigor'ev V.N. [Some judgments about the results of operational investigative activities]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial power and criminal*

¹ Мельникова Е.Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым принимаются меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 9–11.

² Мельникова Е.Ф. Указ. соч. С. 13–15, 267–269.

4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней (монография) / А.С. Александров и др. Москва: Юрлитинформ; 2015.
5. Кувычков С.И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015;(2(30)):76–81.
6. Левченко О.В., Хайдаров А.А. Судебное следствие как институт уголовно-процессуального права. *Вестник Московского университета МВД России*. 2018;(1):162–165.
7. Михайловская О.В. Результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. *Российская юстиция*. 2019;(1):45–46.
8. Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. Москва: Проспект; 2019.
9. Муравьев М.В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021;(1(53)):241–245. DOI: 10.36511/2078-5356-2021-1-241-245.
10. Назаров М.В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2021;(4(60)):107–111.
11. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства. *Труды Академии управления МВД России*. 2018;(1(45)):43–47.
12. Россинский С.Б. Судебные действия познавательного характера как объекты уголовно-процессуального регулирования. *Российский судья*. 2014;(10):36–41.
13. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения. *Lex Russica (Русский закон)*. 2018;(10):70–84.
14. Семенцов В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности. *Союз криминалистов и криминологов*. 2020;(4):45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53.
15. Семенцов В.А. Цифровые технологии в
4. [The doctrinal model of the Criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it] / A.S. Alexandrov et al. Moscow: Yurlitinform; 2015. (In Russ.)]
5. Kuvychkov S.I. [On the issue of the use of electronic information in criminal procedural proof: theoretical and applied aspect]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(2(30)):76–81. (In Russ.)]
6. Levchenko O.V., Khaidarov A.A. [Judicial investigation as an institution of criminal procedural law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):162–165. (In Russ.)]
7. Mikhailovskaya O.V. [The results of operational investigative activities in proving criminal cases]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2019;(1):45–46. (In Russ.)]
8. Murav'ev K.V. [Optimization of the procedural form of application of the criminal law]. Moscow: Prospect; 2019. (In Russ.)]
9. Murav'ev M.V. [On the issue of the legal phenomenon of public operational search measures as an element of the formation of criminal procedural evidence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(1(53)):241–245. DOI: 10.36511/2078-5356-2021-1-241-245. (In Russ.)]
10. Nazarov M.V. [Prospects for using the results of operational investigative activities in criminal proceedings]. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2021;(4(60)):107–111. (In Russ.)]
11. Polyakov M.P. [Ideological approach and criminal procedural conceptology as tools of cognition of the essence of domestic criminal proceedings]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1(45)):43–47. (In Russ.)]
12. Rossinskii S.B. [Judicial actions of a cognitive nature as objects of criminal procedural regulation]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2014;(10):36–41. (In Russ.)]
13. Rossinskii S.B. [The problem of using the results of operational investigative activities in the criminal process requires final resolution]. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. 2018;(10):70–84. (In Russ.)]
14. Sementsov V.A. [Provocation of a crime in operational investigative activities]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*. 2020;(4):45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. (In Russ.)]
15. Sementsov V.A. [Digital technologies in domestic

отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(4):97–105. DOI: 10.31429/20785836-14-4-97-105.

16. Спирин А.В. Использование государственным обвинителем результатов оперативно-розыскной деятельности. *Законность*. 2018;(3(1001)):18–22.

17. Холопов А.В. Исследование вещественных доказательств в судебном следствии с помощью технических средств. *Криминалист*. 2014;(1(14)):53–59.

18. Шадрин В.С. Доказательственная деятельность государственного обвинителя. *Криминалист*. 2013;(1(12)):24–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинкин Федор Михайлович

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ORCID: 0000-0001-8184-769X

criminal proceedings]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(4):97–105. DOI: 10.31429/20785836-14-4-97-105. (In Russ.)]

16. Spirin A.V. [The use by the public prosecutor of the results of operational investigative activities]. *Zakonnost'* = *Legality*. 2018;(3(1001)):18–22. (In Russ.)]

17. Kholopov A.V. [Examination of material evidence in a judicial investigation with the help of technical means]. *Kriminalist*" = *Criminologist*. 2014;(1(14)):53–59. (In Russ.)]

18. Shadrin V.S. [Evidentiary activity of the public prosecutor]. *Kriminalist*" = *Criminologist*. 2013;(1(12)):24–31. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor M. Luchinkin

Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Izhevsk Institute (branch) FGBOU VO "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

ORCID: 0000-0001-8184-769X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-92-100>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОБЖАЛОВАНИИ

Рудакова С.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Рудакова С.В. Проблемные вопросы участия прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):92–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-92-100>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Рудакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 433-91-66

E-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.12.2022

Статья принята к печати: 26.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Реализация уголовно-процессуального обжалования непосредственно определяется объектом, предметом, границами, а также теми правилами, которые устанавливают процедуру деятельности участвующих субъектов. Обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений может происходить исключительно в уголовно-процессуальном поле. Однако правоприменительная практика и наука демонстрируют неоднозначные подходы к полномочиям и порядку деятельности прокурора и руководителя следственного органа в сфере обжалования. При этом только прокурор самостоятельно может подавать представления (по сути – жалобы) на судебные решения [5], постановленные в досудебном производстве.

Цель исследования – выявление проблемных аспектов процессуального регулирования статуса прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании в досудебном производстве и формирование авторского видения путей их решения.

Задачами исследования стали: изучение и анализ отдельных положений уголовно-процессуального закона, определяющего цель, процессуальные задачи и совокупность полномочий прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании в досудебных стадиях; исследование и обобщение правоприменительной практики в части определения наиболее сложных вопросов, не имеющих до настоящего времени объективного разрешения; формулирование предложений по совершенствованию законодательства и практики участия прокурора и руководителя следственного органа в уголовно-процессуальном обжаловании.

Методами исследования стали традиционные способы получения, изучения и оценки информации теоретического, законодательного и практического характера: диалектика, анализ (функциональный, системный, логический), синтез, обобщение, моделирование, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: совокупность новых знаний о сущности и содержании процессуального положения прокурора и руководителя следственного органа в рамках уголовно-

процессуального обжалования, авторские предложения и рекомендации, направленные на совершенствование уголовно-процессуального закона, оптимизацию правоприменительной практики.

Ключевые слова: прокурор, руководитель следственного органа, досудебное производство, обжалование, проблемы.

PROBLEMATIC ISSUES OF PARTICIPATION THE PROSECUTOR AND THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY IN THE CRIMINAL PROCEDURE APPEAL

Svetlana V. Rudakova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Rudakova S.V. Problematic issues of participation the prosecutor and the head of the investigative body in the criminal procedure appeal. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):92–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-92-100>

CONTACT INFORMATION:

Svetlana V. Rudakova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 433-91-66

E-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.12.2022

The article has been accepted for publication: 26.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The implementation of the criminal procedure appeal is directly determined by the object, subject, boundaries, as well as those rules that establish the procedure for the activities of the participating entities. The appeal of procedural actions (inaction) and decisions can take place exclusively in the criminal procedural field. However, law enforcement practice and science demonstrate ambiguous approaches to the powers and procedure of the prosecutor and the head of the investigative body in the field of appeal. At the same time, only the prosecutor can independently submit submissions (in fact, complaints) against court decisions [5], decided in pretrial proceedings.

The purpose of the study is to identify problematic aspects of the procedural regulation of the status of the prosecutor and the head of the investigative body in the criminal procedure appeal in pretrial proceedings and the formation of the author's vision of ways to solve them.

The objectives of the study were: the study and analysis of individual provisions of the criminal procedure law defining the purpose, procedural tasks and the totality of the powers of the prosecutor and the head of the investigative body in the criminal procedure appeal in the pre-trial stages; research and generalization of law enforcement practice in terms of determining the most complex issues that do not have an objective authorizations; formulation of proposals to improve legislation and practice of participation of the prosecutor and the head of the investigative body in the criminal procedure appeal.

The methods of research are traditional methods of obtaining, studying and evaluating information of a theoretical, legislative and practical nature: dialectics, analysis (functional, systemic, logical), synthesis, generalization, modeling, comparative law.

The results of the study: a set of new knowledge about the essence and content of the procedural position of the prosecutor and the head of the investigative body in the framework of criminal procedural appeal, author's proposals and recommendations aimed at improving the criminal procedural law, optimizing law enforcement practice.

Keywords: prosecutor, head of the investigative body, pre-trial proceedings, appeal, problems.

Введение

Исследование уголовно-процессуального обжалования показало, что его содержание неоднородно и демонстрирует различные закономерности, позволяющие провести разграничение всей сферы уголовно-процессуального обжалования на две отдельные формы: досудебную и судебную, о чем мы писали ранее [10; 12].

В досудебной форме обжалования роль прокурора и руководителя следственного органа трудно переоценить, поскольку их деятельность направлена на решение сразу двух важнейших задач: обеспечение законности процессуальной деятельности следователя и дознавателя и охрана прав участников уголовного судопроизводства, их защита от незаконного и необоснованного ограничения либо нарушения. В этой сфере для прокурора и руководителя следственного органа предусмотрено не так много полномочий. Отметим и то обстоятельство, что ряд полномочий, закрепленных в законе, определяющих их процессуальный статус (ст. 37, 39 УПК РФ), имеют самое общее содержание в части обжалования.

Немаловажное значение для прокурора, руководителя следственного органа и их полномочий в сфере досудебного обжалования имеет процессуальное регулирование деятельности следователя и дознавателя, с привлечением граждан-участников уголовного судопроизводства. Системная взаимосвязь законодательных положений накладывает свой отпечаток на деятельность должностных лиц досудебного производства, требует четкой корреляции полномочий, а пробелы в законодательном регулировании нередко оказывают негативное влияние на реализацию права на обжалования. Особенно важным представляется выявление проблем взаимодействия между прокурором и руководителем следственного органа в ходе осуществления обжалования. Отметим, что ст. 124 УПК РФ предусматривает для указанных должностных лиц одинаковый объем процессуальных полномочий, что при разнице в процессуальном положении (прокурор – орган надзора, а руководитель следственного органа осуществляет процессуальный (ведомственный) контроль, само по себе представляется проблематичным.

По вопросу обжалования учеными высказываются многочисленные мнения, тем или иным образом затрагивающие положение прокурора и руководителя следственного органа [4; 14]. Широко обсуждается вопрос о предмете и объекте процессуального обжалования, подлежащих отнесению к компетенции прокурора. Причем такого рода дискуссии ведутся не только в рамках уголовно-процессуальной, но и иных отраслей юридической науки.

Так, Е.Ф. Новиков отмечает важность прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе тех, которые требуют судебного решения [8]. В рамках административного производства высказывается мнение о необходимости соблюдения законности органом, издавшим нормативный правовой акт, с возможным применением мер прокурорского реагирования [13].

Есть мнение, что «в досудебных стадиях уголовного судопроизводства процедура судебного обжалования связана со специальным его предметом, отличающимся от предмета обжалования прокурору и руководителю следственного органа. К нему относятся жалобы ... , которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства; иные решения и действия (бездействие), которые способны затруднить доступ граждан к правосудию» [1, с. 27; 7, с. 87].

Выделяются и такие проблемы, как конкуренция процессуальной компетенции между должностными лицами, призванными рассматривать и разрешать жалобы, что, по мнению С.С. Бурынина, надлежит исключить, «обеспечив надлежащее взаимодействие для выполнения задач уголовного судопроизводства» [3, с. 28].

Еще одна проблема, о которой пишут ученые – это недостаточность полномочий должностных лиц предварительного расследования в сфере обжалования [15, с. 46].

По-прежнему дискуссионны вопросы о функции прокурора и руководителя следственного органа, их содержание, о взаимоотношениях между ними и другими должностных лиц [6], о полномочиях руководителя следственного органа в отношении обжалования судебных решений [2], о перераспределении полномочий между прокурором и руководителем следственного органа по обжалованию [11, с. 141–144] и др.

Существует даже предложение заменить указания руководителя следственного органа «предложениями к рассмотрению следователя», которые носили бы рекомендательный характер и не

были бы обязательны для исполнения¹, либо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве правило, согласно которому исполнение любых указаний руководителя приостанавливается в случае их обжалования следователем [9, с. 91].

Указанные и иные направления научной дискуссии свидетельствуют в целом о наличии многочисленных проблем в сфере обжалования и непосредственном их взаимосвязи с процессуальным положением прокурора и руководителя следственного органа.

Методы исследования

Основной метод научного исследования – материалистическая диалектика, результатом применения которой стали новые знания о содержании процессуального положения прокурора и руководителя следственного органа в сфере досудебного обжалования, полученные в силу выявления объективных противоречий между целями и задачами этих должностных лиц в сфере обжалования и наличием доступных им полномочий, а также между имеющимся законодательным регулированием отдельных полномочий и практикой применения закона.

Аналитический метод в функциональном и системном контексте исследования процессуального положения прокурора и руководителя следственного органа сделал возможным выявление отдельных деталей законодательного регулирования процедуры обжалования и особенно ее правоприменительного поля, затрагивающего основополагающие идеи обжалования и создающего трудно преодолимые для заявителей препятствия при подаче и принятии жалобы прокурором и руководителем следственного органа. Логический анализ позволил применить совокупность методов формальной логики, посредством которых определены пробелы в наиболее важных в законодательном отношении сферах досудебного обжалования, выявлены недостающие элементы регулирования процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа.

Посредством синтеза полученных данных была создана обобщенная картина реальной ситуации, сложившаяся на настоящий момент в сфере досудебного обжалования, что позволило, как определить наиболее актуальные направления для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, так и выработать перспективные предложения по разрешению критически важных аспектов в реализации процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа при подаче и принятии жалоб в досудебном производстве.

Обобщение было тесно связано с такими эмпирическими методами исследования, как статистический, математический, социологический методы. Их результаты использовались для обоснования рабочих гипотез, подтверждения теоретических выводов, иллюстраций выдвинутых предложений.

Моделирование привело к формированию целостного механизма правового регулирования порядка подачи, оформления и принятия жалоб прокурором и руководителем следственного органа и выработке на этой основе предложений по поправкам в уголовно-процессуальном законодательстве ст. 123, 124 УПК РФ.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления как законодательных положений, касающихся процедуры обжалования, так и в части полномочий прокурора и руководителя следственного органа. На этой основе было выделено несомненно значимое в законодательном отношении сходство отдельных полномочий этих должностных лиц, что сделало возможным сформулировать авторскую позицию о возможности их специализации, т.е. отхода от тождественности их процессуального положения в сфере досудебного обжалования.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

1. В обобщенном виде правила принятия жалоб в досудебном производстве при обжаловании прокурору или руководителю следственного органа следующие структурные элементы:

1) любые жалобы, поступающие от участников уголовно-процессуальных отношений, подлежат принятию по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, а иной порядок принятия жалоб означает нарушение требований УПК РФ и подлежит самостоятельному обжалованию, как ограничивающий право на обжалование действий и решений прокурора или руководителя следственного органа должностных лиц (ст. 125 УПК РФ);

¹ Мешков М.В. Процессуальное положение начальника следственного отдела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7.

2) процедура принятия жалобы должна включать уведомление заявителя о поступлении жалобы, что особенно актуально для тех жалоб, которые направляются по почте (включая электронную);

3) принятие жалобы должно осуществляться незамедлительно после ее поступления и ознакомления с содержанием. О факте принятия жалобы свидетельствует уведомление, в котором отмечается: приемлемость жалобы, дата ее принятия, должностное лицо, принявшее жалобу. От этого момента исчисляется срок, отводимый на рассмотрение и разрешение жалобы (3 суток). Приемлемость жалобы означает, что жалоба составлена в соответствии с требованиями УПК РФ (о них будет сказано немного ниже), исходит от участника уголовно-процессуальных отношений, относится к уголовному делу, находящемуся в производстве поднадзорного прокурору или подконтрольного руководителю следственного органа уголовного дела, касается процессуального действия (бездействия) и (или) решения, способного оказать негативное воздействие на права участника уголовно-процессуальных отношений.

2. Считаю возможным изложить ст. 124 УПК РФ в новой редакции:

«1. Прокурор, руководитель следственного органа незамедлительно принимают поступившую жалобу к своему производству и уведомляют об этом заявителя. Жалоба, составленная с нарушением установленных настоящим Кодексом требований, возвращается заявителю для пересоставления, о чем издается постановление с указанием конкретных нарушений. Копия постановления незамедлительно направляется заявителю. Для внесения изменений в содержание или оформление жалобы устанавливается срок. Непредоставление жалобы в указанный срок означает отказ заявителя от обжалования. Постановление о возвращении жалобы для ее пересоставления может быть обжаловано вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа в течение 24 часов после получения заявителем копии постановления.

2. Жалоба рассматривается в течение 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель.

3. При рассмотрении жалобы прокурор, руководитель следственного органа уполномочены принимать меры по получению фактических данных, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по существу жалобы. По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении.

4. В случае удовлетворения жалобы, поданной в соответствии с частью второй статьи 123 настоящего Кодекса, в постановлении должны быть указаны процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления.

5. Заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, которое может быть обжаловано вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа в течение 24 часов после получения копии решения».

Научная дискуссия

Подача заявителем и принятие жалобы прокурором или руководителем следственного органа непосредственно зависит от определения круга процессуальных действий, подлежащих обжалованию. Сам процесс подачи и принятия жалобы имеет уголовно-процессуальную природу, но при этом никак не регулируется уголовно-процессуальным законодательством. Особенно наглядно различие в подходах законодателя выявляется при сравнительном исследовании положений ч. 1 ст. 124 УПК РФ и ч. 2 ст. 125 УПК РФ, где в первом случае не определяется порядок подачи жалобы, а во втором – предусматривается подача жалобы непосредственно в суд либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания.

Обратим также внимание на проблемы правоприменения, обусловленные отсутствием требований к содержанию и оформлению жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ. Отсутствие в законе возможности вынесения решения об отказе в принятии жалобы, возвращения ее для пересоставления (из-за недостатков в содержании или оформлении) на практике восполняется принятием не установленных в УПК РФ видов решений. Руководитель следственного органа, прокурор при рассмотрении жалобы, в которой отсутствует, например, указание на обжалуемое действие, допущенное нарушение субъективного права, не рассматривают и не разрешают ее по в порядке ст. 124 УПК РФ, а рассматривают обращение как ходатайство по правилам гл. 15 УПК РФ. Также могут отказать в ее (жалобы) удовлетворении, мотивируя, в том числе процессуальной

самостоятельностью следователя, не информируя заявителя о совокупности требований, предъявляемых к жалобе, по той причине, что их в законе просто нет.

Отмеченные обстоятельства можно проиллюстрировать некоторыми примерами.

Заместитель руководителя следственного органа по Центральному округу г. Краснодара З. в числе оснований для отказа в удовлетворении жалобы (которую в тексте постановления называет «жалоба адвоката о несогласии с уголовным преследованием Ч., а также ходом и результатами расследования уголовного дела № 1...5») указал, что следователь в соответствии со ст. 38 УПК РФ вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, а в части доводов о нарушении ч. 4 ст. 7, ч. 2 и 3 ст. 14, ч. 2 ст. 21 УПК РФ, разъяснил, что в рамках расследования уголовного дела, следователем, в соответствии с требованиями ст. 73, 87, 88, 171 УПК РФ принимаются необходимые меры, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, к установлению всех обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, к доказыванию виновности лиц, совершивших преступление, проверке их алиби, получению доказательств¹.

По другой жалобе защитника обвиняемого, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ, стоит отметить, что, *во-первых*, заместитель руководителя следственного органа во вводной части постановления об отказе в ее удовлетворении называет ее «жалобой адвоката К. в интересах Г. по уголовному делу № 1...6», а в резолютивной уже «жалобой о несогласии с действиями следователя». *Во-вторых*, отказ мотивируется также общими указаниями на полномочия следователя, установленные ст. 38 УПК РФ, и «необоснованность и не соответствие действительности» доводов защитника о незаконных действиях следователя К. в ходе допроса обвиняемого Г.²

Причина такого разрешения жалобы, на наш взгляд, состоит в отсутствии указаний в тексте жалобы на причиненный действиями следователя ущерб правам и требования об обязательном указании в тексте жалобы на допущенное нарушение (ограничение) прав.

Как первый, так и второй эпизод правоприменительной практики подтверждает нашу неудовлетворительную оценку ситуации, сложившейся в части отсутствия законодательных правил оформления жалобы и порядка ее принятия.

Отсутствие необходимых и четко определенных требований в законе создает трудно преодолимые препятствия для заявителей на пути реализации права на обжалование, которое необходимо для защиты материальных и процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе необходимо сформулировать требования к содержанию жалобы и с этой целью предлагается дополнить ст. 123 УПК РФ частью 2.1:

«2.1. Жалоба заявителя должна содержать:

- 1) указание должности и фамилии лица, которому подается жалоба;
- 2) данные о лице, подавшем жалобу, с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения;
- 3) указание на обжалуемое действие (бездействие), решение;
- 4) указание на допущенное нарушение (ограничение) права;
- 5) доводы заявителя;
- 6) перечень прилагаемых к жалобе материалов;
- 7) подпись лица, подавшего жалобу».

В ст. 124 УПК РФ не регулируется порядок приема жалоб, хотя эти действия имеют значение юридического факта, влекут правовые последствия. Пробелы в законе позволяют органам досудебного производства и прокурорам принимать процессуальные жалобы участников уголовно-процессуальных отношений в порядке, определяемым федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и регистрировать обращения по правилам, определяемым делопроизводством и соответствующими ведомственными инструкциями³.

¹ Постановление об отказе в удовлетворении жалобы. Уголовное дело № 1...5 // Архив Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю за 2021 год.

² Постановление об отказе в удовлетворении жалобы. Уголовное дело № 1...6 // Архив Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю за 2022 год.

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Результатом становится не процессуальное постановление, как это требуется в соответствии с ч. 2 ст. 124 УПК РФ, а «ответ на обращение».

О произвольности приема и в дальнейшем рассмотрения жалоб, изначально поданных в соответствии со ст. 124 УПК РФ, свидетельствуют, в том числе, данные статистических отчетов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации.

На официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации указано общее количество обращений (с учетом жалоб), разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ, то есть в отчетах нет отдельной строки ни о приеме, ни о разрешении жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ. Согласно справке о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2021 г., всего в следственных органах Следственного комитета в 2021 г. рассмотрено 611 621 обращение (с учетом жалоб, разрешенных в порядке статьи 124 УПК РФ), за аналогичный период 2020 г. – 582 195. Следственными органами в 2021 г. по существу разрешено 278 809 (45,6 %) обращений (за аналогичный период 2020 г. – 269 728 или 46,3 %), из них по вопросам приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, не требовавших принятия решения в порядке ст. 124 УПК РФ – 127 316 (за аналогичный период 2020 г. – 128 570), а также по вопросам предварительного следствия, не требовавшим принятия решения в порядке ст. 124 УПК РФ – 86 365 (за аналогичный период 2020 г. – 83 267)¹.

Указанные статистические данные свидетельствуют о том, что при приеме и рассмотрении жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ руководитель следственного органа самостоятельно определяет порядок их разрешения, а прием таких жалоб осуществляет по правилам внепроцессуальных обращений.

Вновь обратимся к примеру из следственной практики, который ранее мы уже использовали, когда рассматривали вопрос об отсутствии законодательных правил оформления жалобы. Заместитель руководителя следственного отдела по Западному округу г. Краснодара З. отказал в удовлетворении жалобы, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ заявителем Ф. в форме «ответа на обращение» и указал, что тот не является заинтересованной стороной, так как в отношении него не принимались процессуальные решения. Вместе с тем предметом проверки был факт совершения противоправных действий секретарем суда А., выразившихся в получении денежных средств от Ф. (заявителя). Ф., в жалобе указал, что принятое следователем К. устное решение об отказе в ознакомлении Ф. с материалами проверки нарушает его права (одновременно руководитель следственного органа отметил, что в случае несогласия заявитель вправе обжаловать решение вышестоящему руководителю следственного органа, прокурору либо в суд)².

При детальном изучении форм отчета прокуратуры о результатах работы по рассмотрению обращений, утвержденных приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 08 июля 2020 года № 362 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений»», можно сделать вывод, что прием и последующее рассмотрение и разрешение жалоб в досудебном уголовном производстве осуществляется, как, поданных в порядке ст. 124 УПК РФ, так и в иных порядках, учитываемых в разных строках отчета. Так, в органы прокуратуры Российской Федерации в 2021 г. на нарушения закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях (строка 29 отчета) разрешено 436 925 обращений, из них удовлетворено 78 297 (17,9 %); на нарушения закона при производстве предварительного следствия и дознания (строка 32 отчета) разрешено 235 850 обращений, из них удовлетворено 26 677 (11,3 %); в порядке ст. 124 УПК РФ (строка 47 отчета) поступило 339 076 жалоб, из них, удовлетворено 64 751 (19 %)³.

Формы отчетов прокуратуры о результатах работы по надзору за исполнением законов в досудебных стадиях уголовного процесса, утвержденных приказом Генерального прокурора

¹ Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2021 год [сайт]. Официальный сайт Следственного Комитета Российской Федерации; 2022 [процитировано 16 декабря 2022]. Доступно: <https://sledcom.ru/about>.

² Ответ на обращение, поступившее 14 сентября 2022 года по материалу проверки КРСП № 281пр-21 // Архив Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю за 2022 год.

³ Отчет о работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений: приложение № 1 к приказу Генерального прокурора РФ от 08 июля 2020 года № 362 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений по форме ОЖ» и Инструкции по его формированию» // Архив прокуратуры Краснодарского края за 2022 год.

Российской Федерации от 12 декабря 2019 года № 866 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства по форме НСиД» и Инструкции по его формированию»¹, вообще не содержат отдельной строки по рассмотрению жалоб по правилам ст. 124 УПК РФ, что свидетельствует об отсутствии четких правил приема и разрешения жалоб в досудебном производстве, обязательности их рассмотрения в порядке ст. 124 УПК РФ.

На основании проведенного исследования считаем целесообразным сформулировать свои предложения по урегулированию правил подачи и принятия жалоб прокурором и руководителем следственного органа.

Список использованной литературы

1. Безруких Е.С., Сидоров В.В. К вопросу о предмете обжалования на досудебном производстве по уголовным делам. *Вестник Калининградского юридического института МВД России*. 2008;(2(16.)):26–30.
2. Бекетов А.О. Руководитель следственного органа – субъект обжалования судебного решения в досудебном производстве. *Актуальные проблемы российского права*. 2016;(11(72)):152–162.
3. Бурнин С.С. Конкуренция процессуального контроля и прокурорского надзора за деятельностью следственных органов. *Российский следователь*. 2020;(4):25–28. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-4-25-28.
4. Горак Н.В. Прокурор и руководитель следственного органа как субъекты рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и их должностных лиц. *Библиотека криминалиста*. 2015;(6(23)):46–50.
5. Горюнов В.Е., Беленков В.Н. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2021;3(30):119–124.
6. Гринюк Е.Н. Функциональная направленность деятельности прокурора на стадии предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2016;(1(36)):84–89.
7. Ерохина О.С. Предмет судебного обжалования действий (бездействия), решений следователя. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2012;(3(22)):80–87.
8. Новиков Е.Ф. Нормативно-правовая основа соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018;(12):49–52.

References:

1. Bezrukh E.S., Sidorov V.V. [On the issue of the subject of appeal in pretrial proceedings in criminal cases]. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008;(2(16.)):26–30. (In Russ.)]
2. Beketov A.O. [The head of the investigative body is the subject of appeal of a court decision in pre-trial proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2016;(11(72)):152–162. (In Russ.)]
3. Buryin S.S. [Competition of procedural control and prosecutorial supervision over the activities of investigative bodies]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2020;(4):25–28. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-4-25-28. (In Russ.)]
4. Gorak N.V. [The Prosecutor and the head of the investigative body as subjects of consideration of complaints about actions (inaction) and decisions of the preliminary investigation bodies and their officials]. *Biblioteka kriminalista = Criminologist's library*. 2015;(6(23)):46–50. (In Russ.)]
5. Goryunov V.E., Belenkov V.N. [The role of the prosecutor in the pre-trial stages of the criminal process]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2021;3(30):119–124. (In Russ.)]
6. Grinyuk E.N. [Functional orientation of prosecutor's activity at the stage of preliminary investigation: issues of theory and normative regulation]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(1(36)):84–89. (In Russ.)]
7. Erokhina O.S. [The subject of judicial appeal against actions (inaction), decisions of the investigator]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(3(22)):80–87. (In Russ.)]
8. Novikov E.F. [The regulatory and legal basis for the observance of human and civil rights and freedoms in the implementation of operational investigative activities]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2018;(12):49–52. (In Russ.)]

¹ «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства по форме НСиД» и Инструкции по его формированию»: Приказ Генерального прокурора РФ от 12 декабря 2019 года № 866 // Законность. 2020. № 1.

9. Победин А.В., Новиков Е.А. Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты): монография. Москва: Юрлитинформ; 2010.
9. Pobedkin A.V., Novikov E.A. [Head of the investigative body (procedural and organizational aspects)]. Moscow: Yurlitinform; 2010. (In Russ.)]
10. Рудакова С.В. Проблемы определения предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021;(10):212–216.
10. Rudakova S.V. [Problems of determining the subject of appeal in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* = Humanities, socio-economic and social sciences. 2021;(10):212–216. (In Russ.)]
11. Рябоконева С.И. Причины наделения руководителя следственного органа функцией рассмотрения и разрешения ходатайств и жалоб. *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXIV Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.); 2019.*
11. Ryabokoneva S.I. [Reasons for vesting the head of an investigative body with the function of reviewing and resolving petitions and complaints]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. XXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. = Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations: sat. art. XXIV International Scientific and Practical Conference: at 3 h. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.); 2019. (In Russ.)]*
12. Семенов В.А., Рудакова С.В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(2):33–42.
12. Sementsov V.A., Rudakova S.V. [Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021;(2):33–42. (In Russ.)]
13. Стуканов А.П., Соловьева А.К. Предмет публично-правового спора по делам об оспаривании прокурором нормативных правовых актов в порядке КАС РФ. *Законность*. 2017;(7):25–28.
13. Stukanov A.P., Solov'eva A.K. [The subject of a public-law dispute in cases of contestation by the prosecutor of normative legal acts in the order of the CAS of the RF]. *Zakonost' = Legality*. 2017;(7):25–28. (In Russ.)]
14. Туркиев Р.М., Сефикурбанов К.С. Прокурор в апелляционной инстанции. *Закон и право*. 2020;(4):124–126. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10180.
14. Turkiev R.M., Sefikurbanov K.S. [Prosecutor in the appellate institution]. *Zakon i pravo* = Law and law. 2021;(2):42–48. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-2-42-48. (In Russ.)]
15. Шаповал А.Б. О некоторых проблемах на стадии предварительного расследования. *Адвокатская практика*. 2021;(2):42–48. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-2-42-48.
15. Shapoval A.B. [About some problems at the preliminary investigation stage]. *Advokatskaya praktika* = Law practice. 2021;(2):42–48. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-2-42-48. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудакова Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9448-8355>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Rudakova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9448-8355>

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>

ПОДОЗРЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):101–108. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.12.2022

Статья принята к печати: 23.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В статье исследуется в историческом и современном аспектах правовая регламентация институт подозрения в отечественном уголовном судопроизводстве, с изложением авторского подхода к учению о подозрении.

Цель настоящего исследования – осмысление процессуальной формулировки «подозрение», при отсутствии его легального понятия в УПК РФ (в отличие от обвинения). **Задачи** исследования: провести анализ истории становления отечественного учения о подозрении, обобщить предписания действующего уголовно-процессуального закона в части использования термина «подозрение», на основе анализа различных точек зрения определить признаки, характеризующие подозрение, сформулировать авторское понятие процессуального подозрения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, подозрение, предположение, достаточные данные.

SUSPICION OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Suspicion of domestic criminal proceedings: history and modernity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):101–108. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.12.2022

The article has been accepted for publication: 23.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The article examines in historical and modern aspects the legal regulation of the institution of suspicion in domestic criminal proceedings, outlining the author's approach to the doctrine of suspicion.

The purpose of this study is to comprehend the procedural formulation of "suspicion", in the absence of its legal concept in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (as opposed to the prosecution). Research objectives: to analyze the history of the formation of the national doctrine of suspicion, to summarize the provisions of the current criminal procedure law regarding the use of the term "suspicion", based on the analysis of various points of view to determine the signs characterizing suspicion, to formulate the author's concept of procedural suspicion.

Keywords: criminal proceedings, criminal prosecution, suspicion, assumption, sufficient data.

Введение

В отечественной науке уголовного процесса учению о подозрении не уделяется должного внимания, хотя в литературе под подозрением традиционно понимается «тезис о причастности определенного лица к совершению преступления, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования, притом носящий, в отличие от утвердительного тезиса обвинения, предположительный характер и меньшую степень обоснованности» [12, с. 1106].

Подозрение в его процессуальном значении возникает в досудебном производстве, позволяя сделать предположительный вывод о причастности конкретного лица к совершению преступления. Однако легальное понятие подозрения (в отличии от обвинения) в УПК РФ отсутствует, что вызывает необходимость на основе объединяющих признаков сформулировать его процессуальное понятие, при отсутствии единства мнений по этому вопросу.

Методы исследования

Для определения правовой регламентации института подозрения и его места в системе досудебного производства использовались общенаучные методы (анализа и синтеза, дедукции и индукции, логический, историко-правовой) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, структурно-функциональный и др.), посредством которых осуществляется теоретическая интерпретация законодательного, научного и практического материала.

Результаты исследования

Основываясь на историческом опыте сделан вывод о том, что термин «подозрение» был впервые использован в отечественном законодательстве еще в далеком 1715 г., хотя легальная формулировка отсутствовала тогда и сегодня, при достаточно широком его использовании в тексте УПК РФ в связи с применением мер процессуального принуждения и определением статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию.

Утверждается, что несмотря на различие современных подходов, но с учетом объединяющих признаков процессуального понятия «подозрение», это форма уголовного преследования, с момента его начала и до предъявления обвинения, осуществляемая при наличии достаточных данных, позволяющих выдвинуть предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления, с возможным официальным признанием этого лица, подозреваемым по основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Законодатель не предъявляет обязательного требования основывать подозрение исключительно на доказательствах, поскольку на этапе его возникновения объективно отсутствует предварительно накопленная доказательственная база, как это имеет место при обвинении.

Этап легализации подозрения в виде процессуального акт из числа указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, ставящего гражданина в положение подозреваемого, следует сохранить в неизменном виде, с одновременной критической оценкой автором статьи предложения, высказанного

в литературе, о прямой постановке лица в процессуальное положение подозреваемого путем составления постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого (при наличии института обвинения).

Научная дискуссия

Термин «подозрение» используется законодателем в тексте УПК РФ в целом ряде случаев и чаще всего в связи с применением мер процессуального принуждения и определением статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию:

1) при формулировании понятий «задержание подозреваемого» (п. 11 ст. 5) и «содержание под стражей» (п. 42 ст. 5);

2) когда речь идет о гарантиях неприкосновенности личности (ч. 1 и 3 ст. 10), либо об основаниях признания подозреваемым и его праве давать объяснения и показания (п. 4 ч. 1 и п. 2 ч. 4 ст. 46);

3) при определении момента, с которого защитник участвует в уголовном деле (п. 3.1 ст. 49), изложении оснований задержания (ч. 1 ст. 91) или если не подтвердилось подозрение в совершении преступления (п. 1 ч. 1 ст. 94);

4) когда избирается мера пресечения в виде личного поручительства (ч. 3 ст. 103), наблюдения командования воинской части (ч. 3 ст. 104), присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ч. 2 ст. 105), залога (ч. 6 ст. 106);

5) при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 148);

6) если это связано с уведомлением лица в совершении им преступления (ч. 1–5 ст. 223.1), либо когда излагаются полномочия руководителя группы дознавателей по принятию решений (п. 4 ч. 4 ст. 223.2);

7) когда в законе излагается требование немедленно освободить задержанного из числа тех лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 449).

Еще один момент, связанный с термином «подозрение»: он используется не только в процессуальном его значении, но и рассматривается «в психологическом и в криминалистическом ... смыслах» [3, с. 24], что однако выходит за рамки нашего исследования.

В п. 22 ст. 5 УПК РФ дается понятие обвинения, а вот легальная формулировка подозрения в уголовно-процессуальном законе отсутствует, на что указывают и другие авторы [6, с. 40; 10, с. 15]. Скорее всего это обусловлено тем, что подозрение как правило скоротечно и не является обязательным этапом привлечения к уголовной ответственности, поскольку на практике вполне допустима процессуальная ситуация, когда органом уголовного преследования может быть собрано такое количество доказательств, которое предоставит возможность предъявить обоснованное обвинение лицу, без предварительного его вовлечения в дело в качестве подозреваемого. Объединяет подозрение и обвинение то обстоятельство, что они «выступают в качестве опорных пунктов уголовного преследования» [8, с. 47].

Если обратиться к истории вопроса, то впервые в отечественном законодательстве термин «подозрение» был использован в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» 1715 г., в главе, посвященной «расспросу с пристрастием», где обоснованное подозрение судьи о совершении лицом преступления являлось условием применения пытки при допросе¹.

В дальнейшем и до Судебной реформы 1864 г. подозрение, по сути, являлось единственной формой уголовного преследования лица в совершении преступления, а по «Своду законов Российской империи» 1832 г. даже могло завершать производство по уголовному делу в результате вынесения приговора, с формулировкой «об оставлении в подозрении», при недостатке доказательств против подсудимого, но наличии некоторых улик. По статистике Министерства юстиции при действии сводного законодательства того времени обвинительных приговоров выносилось 12,5 %, а остальные 87,5 % приходились на приговоры об оставлении в подозрении [16].

В «Основных положениях уголовного судопроизводства» от 29 сентября 1862 г. закреплялось положение, согласно которому приговор мог быть только осуждающий или оправдывающий подсудимого, а оставление в подозрении более не допускалось. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, действовавшему до 1917 г., правом выдвижения и формулирования подозрения

¹ Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 9.

обладали служащие полиции, следователи и даже заявители, если они в своей жалобе указывали на подозрение в отношении лица, совершившего преступное деяние.

В период становления советского уголовно-процессуального законодательства институт подозрения существовал в том виде, в каком он был изложен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., но с отказом от частного порядка выдвижения подозрения (по жалобе заявителя).

Прав А.В. Калинин, отмечая, что «в уголовно-процессуальной деятельности в 30-е гг. XX в. появилась общая тенденция – обязательное выдвижение подозрения вне зависимости от формы расследования уголовного дела ... без его четкого формулирования и наделения подозреваемого соответствующим процессуальным статусом», обусловленное одной целью – с наименьшими затратами сил и времени изобличить лицо в совершении преступления [9, с. 239–240].

Правовая регламентация институт подозрения существенно не изменилась и в постсоветском уголовно-процессуальном законодательстве, когда по-прежнему в ныне действующей редакции УПК РФ отсутствует понятие «подозрения», хотя наметилась тенденция расширения перечня обстоятельств, ставящих лицо в положение подозреваемого.

По этому поводу Е.А. Бравилова пишет: «отсутствие законодательного закрепления в нормах УПК РФ понятия подозрения и содержания данного этапа ведет к смешению в УПК РФ таких понятий, как подозреваемый и лицо, подозреваемое в совершении преступления» [1, с. 15], а также учитывая неоднозначную трактовку подозрения на практике, вызвало необходимость исследования этого феномена и изложения в литературе авторских подходов по вопросу о понятии «подозрение».

Еще в 1989 г. Н.А. Козловский определял подозрение как особую форму причастности лица к совершенному преступлению, выраженную «в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленного специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого»¹.

П.Г. Потапенко рассматривает подозрение как самостоятельный институт уголовного процесса, а также форму и этап уголовного преследования [13, с. 175].

А.А. Давлетов и В.Г. Войт понимают под процессуальной формой подозрения «не что иное, как процессуальное решение – постановление следователя о наделении лица статусом подозреваемого» [5, с. 24], а И.А. Пантелеев предлагает различать «фактическое подозрение (возникшее в сознании следователя на основе имеющихся по делу данных, отношение к лицу как к причастному к совершению преступления) и строго процессуальное, юридическое (в форме специального правового акта, в котором выражается подозрение)»².

«В процессуальном смысле, – утверждает А.А. Терегулова, – подозрение – это обоснованное предположение органа предварительного расследования о совершении преступления определенным лицом, основанное на совокупности собранных доказательств, позволяющее следователю или дознавателю произвести в отношении этого лица определенные действия, означающие начало его уголовного преследования, и принять соответствующее решение, которое должно быть сформулировано в конкретном процессуальном документе»³.

Ряд авторов предлагают закрепить понятие «подозрение» в ст. 5 УПК РФ.

Так, Ю.В. Церковному это понятие видится как «выраженное в специальном процессуальном акте решение субъекта уголовного преследования о привлечении заподозренного лица в качестве подозреваемого, основанное на содержащихся в материале уголовного дела доказательствах при одновременном отсутствии оснований для предъявления обвинения» [15, с. 168].

О необходимости изложения в ст. 5 УПК РФ понятия «подозрение» заявляет также И.С. Дикарев, как основанного на достаточных данных предположения о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутого в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством [7, с. 21].

«Подозрение – пишет И.М. Абазалиев, – процессуальная деятельность стороны обвинения, состоящая в установлении причастности лица к совершению деяния, содержащего признаки

¹ Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 10.

² Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 42.

³ Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 11.

преступления, а также последующее вынесение постановления о признании лица подозреваемым и его объявление (предлагается как текст п. 63 ст. 5 УПК РФ)»¹.

Несмотря на различие предлагаемых учеными подходов к формулированию понятия «подозрение» объединяющими их признаками служат следующие: 1) это предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления; 2) данное предположение основано на достаточных данных, либо доказательствах; 3) оно оформлено специальным процессуальным актом.

Если по поводу первого из указанных признаков (предположения о причастности к преступлению) наблюдается единство мнений, то относительно основания выдвижения подозрения и его оформления общего подхода уже не наблюдается, что вызывает необходимость изложения авторской позиции по этому поводу.

Начнем с основания подозрения, которое несмотря на предположительный свой характер, все же обосновывается (иначе говоря, подтверждается фактами, серьезными доводами²), в форме достаточных данных, либо доказательств.

Вполне определенно на основание выдвижения подозрения указывается в ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – получение достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления. Термин «достаточность данных» используется законодателем не только при уведомлении о подозрении в совершении преступления в случае производства предварительного расследования в форме дознания (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), но и при определении основания к применению мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), основания к возбуждению уголовного дела (ч. 2 и ч. 4 ст. 140, ч. 9 ст. 144 УПК РФ), основания производства обыска (ч. 1 ст. 182 УПК РФ).

Для нас очевидно, что наличие достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления может иметь место и в других процессуальных ситуациях, например, при процессуальном задержании и (или) избрании меры пресечения, когда производятся следственные действия с участием лица, еще не имеющего статуса подозреваемого. Причем требование достаточности данных включает в себя количественные и качественные критерии. Количественный показатель заключается в численном определении основания подозрения, а качественная характеристика позволяет оценить его (основания) содержание.

В результате можно констатировать, что основанием выдвижения обоснованного подозрения служит совокупность данных, имеющих в материалах проверки сообщения о преступлении или уголовном деле, оцениваемых следователем или дознавателем как достаточные для того, чтобы считать лицо причастным к совершенному преступлению.

Что же касается совокупности собранных доказательств (о чем пишут А.А. Терегулова, Ю.В. Церковный, да и другие авторы), как наиболее высокой степени достоверности подозрения, то здесь следует учитывать, что закон не связывает возникновение подозрения с обязательным наличием уголовно-процессуальных доказательств. Верным является утверждение о том, что фактическим основанием подозрения «могут быть, как доказательства причастности лица к совершенному преступлению, так и не процессуальная информация о преступной деятельности этого лица» [11, с. 15].

Дело в том, что в отличие от обвинения подозрение базируется как на доказательствах (при их наличии), так и на достаточных данных, в том числе полученных непроцессуальным путем, поскольку законодатель не предъявляет обязательного требования основывать подозрение исключительно на доказательствах, призванных достоверно устанавливать все обстоятельства преступления и изобличать виновного. Обусловлено это тем, что на этапе возникновения подозрения отсутствует предварительно накопленная доказательственная база.

Согласно правовой позиции Верховного суда Российской Федерации, изложенной в п. 2 постановления Пленума от 19 декабря 2013 года № 41³ обоснованное подозрение: 1) предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению; 2) проверка обоснованности подозрения не может сводиться к формальной ссылке на наличие достаточных

¹ Абазалиев И.М. Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 12.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ; 1994. С. 435.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 11.06.2020) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

данных о причастности к совершенному преступлению; 3) оставление без проверки и оценки обоснованности подозрения должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В п. 2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 года¹ отмечается, что «факты, обосновывающие подозрение ..., не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу».

«Без обоснованного подозрения, – утверждает В.В. Рудич, – невозможно уголовное преследование, выражающееся в мерах уголовно-процессуального принуждения» [14, с. 48], а в п. 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 года подчеркивается, что «необоснованное уголовное преследование – это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство»².

В судебной практике имеют место случаи формальной оценки обоснованности подозрения, либо когда вовсе не проверяется и не оценивается обоснованность подозрения. И это при том, что именно на этапе подозрения допускается значительная часть нарушений прав человека.

Проиллюстрируем это двумя примерами из судебной практики.

Как следует из материала судебного производства от 28 октября 2022 года по делу № 22к-2299/2022³, в своей жалобе защитник указал, что суд при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не проверил обоснованность подозрения в причастности М. к совершенному преступлению, а для обоснования своей позиции формально сослался лишь на тяжесть преступления.

Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 года⁴ отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению.

А теперь перейдем к вопросу об оформлении подозрения в виде соответствующего процессуального акта как третьего из названных ранее его признаков.

Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ процессуальной формальной реализации подозрения, в случае его подтверждения, служит специальный процессуальный акт, ставящий гражданина в положение подозреваемого (постановление о возбуждении уголовного дела против конкретного лица или о применении к нему меры пресечения, протокол задержания либо протокол уведомления о подозрении). Официальное объявление о подозрении происходит в случае ознакомления с каким-либо из указанных процессуальных актов.

Но поскольку уголовное преследование – это процессуальная деятельность, которая начинается с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 и 56 ст. 5 УПК РФ), то и начало реализации функции уголовного преследования необходимо связывать именно с этим моментом. Из этого следует, что подозрение, как обязательный элемент уголовного преследования, предшествует официальному признанию лица, избобличаемого в преступлении, подозреваемым по тем основаниям, что указаны в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Более того, при наличии достаточной совокупности доказательств

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 года № 330-0 (текст определения официально опубликован не был) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 года № 20-П // Российская газета. 2022. 3 июня.

³ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 28 октября 2022 года по делу № 22к-2299/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

подозрение перерастает сразу в обвинение, минуя этап процессуального признания заподозренного лица подозреваемым.

На наш взгляд, этап легализации подозрения в виде процессуального акт из числа указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, ставящего гражданина в положение подозреваемого, следует сохранить в неизменном виде, позволяя тем самым обеспечивать реализацию этим участником досудебного производства своих прав. «Подозреваемый, – как считает В.В. Велигодский, – может стать субъектом уголовно-процессуальной деятельности не иначе, как именно при наличии подозрения» [2, с. 278].

В то же время, критически оценивается предложение о прямой постановке лица в процессуальное положение подозреваемого путем составления постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого [4, с. 42–43], вопреки позиции законодателя, посчитавшего излишним вынесение специального процессуального решения о признании лица подозреваемым.

В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что оформление подозрения в виде специального процессуального решения является ничем иным, как дублированием уже совершенных уголовно-процессуальных действий¹. Не следует также забывать о том, что появлению процессуальной фигуры подозреваемого предшествует безотлагательное проведение следственных и иных процессуальных действий. В таких ситуациях неуместно составление постановления о признании лица подозреваемым до выполнения этих действий.

Список использованной литературы:

1. Бравилова Е.А. Об обвинении и его взаимосвязи с уголовным преследованием и подозрением: проблемы применения современного законодательства в практике. *Правовая защита: проблемы применения современного законодательства в практике. Межкафедральный сборник научных статей*. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России. 2004;(2):8–16.
2. Велигодский В.В. Судебная реформа и проблемы института подозрения в российском уголовном судопроизводстве. *Актуальные проблемы российского права*. 2008;(1):277–283.
3. Великопольская А.А. Институт подозрения: понятие и значение в уголовном процессе России. *Российский судья*. 2015;(8):23–27.
4. Великопольская А.А. Подозреваемый и способы легализации подозрения на досудебной стадии уголовного процесса России. *Российский судья*. 2016;(1):40–44.
5. Давлетов А., Войт В. Институт подозрения нуждается в совершенствовании. *Законность*. 1996;(7):23.
6. Деришев Ю.В., Земляничин Е.И. Онтология и аксиология подозрения в уголовном судопроизводстве. *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2013;3(50):39–42.
7. Дикарев И.С. Подозрение в уголовном процессе. *Законность*. 2013;8(946):20–22.
8. Иванов Д.В. Институт подозрения в уголовном судопроизводстве России. *Глаголь правосудия*.

References:

1. Bravilova E.A. [On the accusation and its relationship with criminal prosecution and suspicion: problems of application of modern legislation in practice]. *Pravovaya zashchita: problemy primeneniya sovremennogo zakonodatel'stva v praktike. Mezhhkafedral'nyi sbornik nauchnykh statei = Legal protection: problems of application of modern legislation in practice. Interdepartmental collection of scientific articles*. Yekaterinburg: Publishing house of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004;(2):8–16. (In Russ.)]
2. Veligodskii V.V. [Judicial reform and the problems of the institution of suspicion in Russian criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2008;(1):277–283. (In Russ.)]
3. Velikopol'skaya A.A. [The Institute of suspicion: the concept and meaning in the criminal process of Russia]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2015;(8):23–27. (In Russ.)]
4. Velikopol'skaya A.A. [The suspect and ways to legalize suspicion at the pre-trial stage of the criminal process in Russia]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2016;(1):40–44. (In Russ.)]
5. Davletov A., Voit V. [The institution of suspicion needs improvement]. *Zakonnost' = Legality*. 1996;(7):23. (In Russ.)]
6. Derishev Yu.V., Zemlyanitsin E.I. [Ontology and axiology of suspicion in criminal proceedings]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;3(50):39–42. (In Russ.)]
7. Dikarev I.S. [Suspicion in criminal proceedings]. *Zakonnost' = Legality*. 2013;8(946):20–22. (In Russ.)]
8. Ivanov D.V. [The Institute of Suspicion in the criminal Proceedings of Russia]. *GlagoL' pravosudiya = The verb*

¹ См.: Пивень А.В. Право подозреваемого на защиту в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 31–32; Клепов М.Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 51–52.

2011;1(2):47–48.

9. Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014;3(98):236–242.

10. Карцев А.В. К вопросу о необходимости использования материального основания для признания лица подозреваемым. *Уголовное судопроизводство*. 2007;(2):14–18.

11. Ляхов Ю.А., Чупилкин Ю.Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого? *Российская юстиция*. 2008;(12):14–16.

12. Майорова Л.В., Плошкина Я.М. Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии. *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Том 1*. Красноярск, 2020.

13. Потапенко П.Г. Подозрение как форма и этап уголовного преследования. *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2011;6(82):174–177.

14. Рудич В.В. Проверка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения в контексте постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 мая 2016 года. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016;3(37):45–50.

15. Церковный Ю.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. Об использовании терминов «подозрение» и «подозреваемый» в УПК. *Вестник Московского университета МВД России*. 2011;(1):167–169.

16. Шелягина О.А. Место и значение подозрения в уголовном процессе. *Молодой ученый*. 2017;18(152):257–261.

of justice. 2011;1(2):47–48. (In Russ.)]

9. Kalinkin A.V. [The essence and history of the formation of the institution of suspicion in Russia]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2014;3(98):236–242. (In Russ.)]

10. Kartsev A.V. [On the question of the need to use a material basis for recognizing a person as a suspect]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2007;(2):14–18. (In Russ.)]

11. Lyakhov Yu.A., Chupilkin Yu.B. [Is it reasonable for the Constitutional Court to expand the concept of a suspect?] *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2008;(12):14–16. (In Russ.)]

12. Maiorova L.V., Ploshkina Ya.M. [Correlation of the concepts of "detention" and "suspicion" in the criminal process of Russia and Germany]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh. Tom 1 = Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice. Materials of the XXIII International Scientific and practical conference: in 2 parts. Volume 1*. Красноярск, 2020. (In Russ.)]

13. Potapenko P.G. [Suspicion as a form and stage of criminal prosecution]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 2011;6(82):174–177. (In Russ.)]

14. Rudich V.V. [Verification of the validity of suspicion when the court makes a decision on the election of a preventive measure in the context of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2016;3(37):45–50. (In Russ.)]

15. Tserkovnyi Yu.V., Michurina O.V., Tutynin I.B. [On the use of the terms "suspicion" and "suspect" in the CPC]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011;(1):167–169. (In Russ.)]

16. Shelyagina O.A. [The place and significance of suspicion in criminal proceedings]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2017;18(152):257–261. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-109-118>

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕДУРНОГО ЗНАНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Степушов М.Ю.

Отдел экономической безопасности и противодействия коррупции
управления МВД России по городу Нижнему Новгороду
(Большая Печерская ул., д. 93, г. Нижний Новгород, Россия, 603005)

Ссылка для цитирования: Степушов М.Ю. Технология формирования в досудебном производстве процедурного знания о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):109–118. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-109-118>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Степушов Михаил Юрьевич, начальник отделения 11 Отдела экономической безопасности и противодействия коррупции управления МВД России по городу Нижнему Новгороду, адъюнкт заочной формы обучения Нижегородской академии МВД России

Адрес: Большая Печерская ул., д. 93, г. Нижний Новгород, Россия, 603005

Тел.: +7 (920) 007-93-06

E-mail: Stepuchsov2016@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.01.2023

Статья принята к печати: 13.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Уголовное судопроизводство по экономическим преступлениям занимает важное место в современной уголовно-правовой науке. Множество аспектов уже стали предметом научных исследований и получили свое раскрытие на страницах монографических работ, тезисов выступлений и др. Не стало исключением из этого ряда и уголовно-процессуальное доказывание по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью. Стоит отметить, что банковская деятельность представляет собой как важнейший сегмент для экономики страны, так и сферу повышенной криминогенности в силу наличия возможности совершения преступлений самой разной направленности. Совершение преступлений, предусмотренных диспозицией ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации негативно отражается на функционировании банковской системы в целом. Разнообразие и масштабность такого рода преступлений ставит перед наукой уголовного процесса актуальную задачу по выявлению общих закономерностей формирования правовых способов познания, используемых правоохранительными органами при выявлении, расследовании и раскрытии этих преступлений.

Проведение исследования проблем установления обстоятельств по уголовным делам о незаконной банковской деятельности привело к выдвижению гипотезы о необходимости использования двух известных в теории доказывания категорий – «процедурное знание» и «технология доказывания», которые пока не имеют устоявшегося как научного, так и практического применения. Предполагается, что использование этих понятий с наполнением их вполне определенным содержанием, способно придать новый стимул развитию учения о доказывании и доказательствах в уголовном судопроизводстве по делам указанной категории.

Цель исследования – определить сущность и продемонстрировать потенциал технологии доказывания и введение в правовое поле процедурного знания по уголовным делам о незаконной банковской деятельности.

Для достижения поставленной цели были установлены следующие *задачи*: исследовать сущность и дать определение категориям «технология доказывания», «процедурное знание»; изучить правовые основы технологии формирования процедурного знания; определить возможность интеграции технологии доказывания в правоприменительную деятельность.

Основными *методами* исследования стали: системно-функциональный анализ, семантический анализ, синтез, обобщение, моделирование, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результатом проведенного исследования стала совокупность новых знаний о правовых способах получения информации об обстоятельствах совершения преступлений в банковской сфере. В статье показаны какие оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, процессуальные действия и их комбинации используются на различных этапах формирования «процедурного знания», пригодного для принятия итогового решения по делу. Через категорию «технология доказывания» представляются различные аспекты деятельности органов предварительного следствия и оперативно-розыскных подразделений по формированию «процедурного знания».

В статье сделаны конкретные выводы об особенностях технологии выработки процедурного знания по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, незаконная банковская деятельность, процедурное знание, технология доказывания, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

TECHNOLOGY OF FORMATION OF PROCEDURAL KNOWLEDGE ABOUT CRIMES RELATED TO ILLEGAL BANKING ACTIVITIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Mikhail Yu. Stepushov

Department of Economic Security and Anti-Corruption
of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Nizhny Novgorod
(Bolshaya Pecherskaya str., 93, Nizhny Novgorod, Russia, 603005)

Link for citation: Stepushov M.Yu. Technology of formation of procedural knowledge about crimes related to illegal banking activities in pre-trial proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):109–118. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-109-118>

CONTACT INFORMATION:

Mikhail Yu. Stepushov, Head of Department 11 of the Economic Security and Anti-Corruption Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Nizhny Novgorod, Adjunct of correspondence studies at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Address: Bolshaya Pecherskaya str., 93, Nizhny Novgorod, Russia, 603005

Tel.: +7 (920) 007-93-06

E-mail: Stepuchsov2016@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.01.2023

The article has been accepted for publication: 13.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: Criminal proceedings on economic crimes occupy an important place in modern criminal law science. Many aspects have already become the subject of scientific research and have been revealed on the pages of monographic works, abstracts of speeches, etc. The criminal procedural proof in criminal cases of crimes related to illegal banking activities was no exception to this series. It is worth noting that banking is both an important segment for the country's economy and an area of increased criminogenicity due to the possibility of committing crimes of a very different orientation. The commission

of crimes provided for by the disposition of Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation negatively affects the functioning of the banking system as a whole. The variety and scale of such crimes poses an urgent task for the science of criminal procedure to identify common patterns of formation of legal methods of cognition used by law enforcement agencies in the identification, investigation and disclosure of these crimes.

Conducting a study of the problems of establishing circumstances in criminal cases of illegal banking activity led to the hypothesis of the need to use two categories known in the theory of proof – "procedural knowledge" and "technology of proof", which do not yet have a well-established scientific and practical application. It is assumed that the use of these concepts with filling them with a well-defined content can give a new impetus to the development of the doctrine of proof and evidence in criminal proceedings in cases of this category.

The purpose of the study is to determine the essence and demonstrate the potential of the technology of proof and the introduction into the legal field of procedural knowledge in criminal cases of illegal banking activities.

To achieve this goal, the following tasks were set: to investigate the essence and define the categories "technology of proof", "procedural knowledge"; to study the legal foundations of the technology of formation of procedural knowledge; to determine the possibility of integrating evidence technology into law enforcement activities.

The main research methods were: system-functional analysis, semantic analysis, synthesis, generalization, modeling, formal-legal, comparative-legal.

The result of the study was a set of new knowledge about the legal ways to obtain information about the circumstances of crimes committed in the banking sector. The article shows which operational investigative measures, investigative actions, procedural actions and their combinations are used at various stages of the formation of "procedural knowledge" suitable for making a final decision on the case. Through the category of "technology of proof", various aspects of the activities of the preliminary investigation bodies and operational search units for the formation of "procedural knowledge" are presented.

The article draws specific conclusions about the features of the technology of developing procedural knowledge in criminal cases of crimes related to illegal banking activities.

Keywords: criminal proceedings, illegal banking, procedural knowledge, technology of proof, investigative actions, operational investigative measures.

Введение

Противодействие преступлениям, связанным с незаконной банковской деятельностью, является важнейшей частью обеспечения экономической безопасности современной России. Следует разделить мнение ученых, считающих незаконную банковскую деятельность одним из наиболее опасных видов экономических преступлений [9, с. 65].

Процессуально-познавательный аспект данного противодействия, то есть сложившаяся на основе закона система правовых средств и способов выявления, расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, представляет собой значительный научный интерес. Учеными проведены исследования проблем доказывания по такой категории уголовных дел [13], в том числе применительно к отдельным стадиям уголовного судопроизводства [20, с. 18] квалификация и ограничение незаконной банковской деятельности от иных составов преступления [12] и др. Высказано достаточное количество предложений о совершенствовании процедуры отдельных процессуальных действий, не меняющих общий подход ни в законодательном регулировании, ни в правоприменительной деятельности.

Однако идей, касающихся принципиально новых форматов установления обстоятельств совершения преступления генерировано не было. Соответственно уровень установления значимых для раскрытия и расследования преступлений о незаконной банковской деятельности, обстоятельств остается постоянным, и не претерпевает каких-либо существенных изменений. На наш взгляд, данная ситуация должна быть изменена в положительную сторону путем внедрения в законодательное поле и правоприменительную практику технологии доказывания процедурного знания, позволяющего существенно изменить устоявшиеся подходы к выявлению судом искомых фактов, формирующих негативные тренды.

Методы исследования

Для достижения цели использовались диалектический метод познания, логико-теоретический метод, гипотетический метод, системный анализ, структурно-функциональный и семантический

анализ, обобщение. Особое значение для изучения выбранного объекта имели такие категории современной теории уголовно-процессуальных доказательств, как «технология доказывания» и «процедурное знание». При помощи указанных видов научного анализа были получены знания о признаках определяемых объектов, а методом синтеза сформулированы авторские определения этих категорий, показано их место в терминологическом аппарате уголовного судопроизводства.

Результаты исследования

Выявлены основные признаки понятий «технология доказывания», «процедурное знание» и показаны их возможности в применении к установлению обстоятельств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью.

Обязательным элементом содержания «технология доказывания» является использование субъектами доказывания, в чем производстве находится уголовное дело, результатов оперативно-розыскной деятельностью.

Процедурное знание, формирующееся поэтапно, различными субъектами выявления и раскрытия преступлениями, разными правовыми способами, приводит суд к принятию окончательного решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности. Важно знать и учитывать закономерности формирования процедурного знания.

Научная дискуссия

В науке и на практике вполне справедливо утвердилось мнение о том, что выявление и раскрытие преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, предусмотренных ст. 172 Уголовного кодекса РФ, происходит оперативно-розыскным путем [18, с. 46–49; 21, с. 277–286].

Однако, для характеристики правовой организации противодействия преступлениям, связанным с незаконной банковской деятельностью, не вполне достаточно классических понятий уголовной процессуалистики и теории доказательств. Поэтому мы считаем полезным расширить понятийный аппарат для объяснения специфики уголовно-процессуально-правового противодействия этим преступлениям, осуществляемого органами предварительного следствия и органами дознания, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Поясним нашу позицию относительно двух понятий, через которые мы попытаемся осветить специфику доказывания по делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью.

Опираясь на разработки коллег [3; 5; 6; 16, с. 16], под *технологией* уголовно-процессуального доказывания мы будем понимать совокупность правовых способов, то есть следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), тактических приемов, технических средств, используемых органами для получения процедурного знания, допускаемого судом в качестве основания привлечения к уголовной ответственности преступника. «Процедурное знание» в трактовке его создателей и пользователей [2; 4; 7, с. 22;] представляет собой итоговое знание о фактических обстоятельствах дела, которое представлено в его материалах и на основе которого суд уполномочен основывать свое решение по данному делу. В отличие от понятия «достаточная совокупность доказательств» понятие «процедурное знание» включает в себя не только сами доказательства, но всю информацию, которая имеет влияние на формирование внутреннего убеждения судьи. Кроме того, получение «процедурного знания» означает не только уголовно-процессуальное доказывание в его классическом понимании, но и использование, например, процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве [1, с. 20–37], «оперативного сопровождения» [8; 10, с. 97; 15] и пр.

К сказанному надо добавить и то, что «процедурное знание» может быть противопоставлено «альтер-процессуальному знанию» [17, с. 7], то есть знанию, полученному оперативно-розыскным путем, но не обретшим процессуальную форму, и тем не менее имеющего избирательное, ограниченное применение.

По нашему мнению, в понятии «технология доказывания» можно объединить процессуальный и криминалистический аспекты, но равно и оперативно-розыскной и уголовно-процессуальный, досудебный и судебный аспекты получения «процедурного знания», то есть полезного (допустимого, достоверного, относимого к предмету уголовно-правового спора) знания – знания пригодного для разрешения уголовно-правового спора. «Процедурность» – это приобретенное свойство знания о преступлении, полученное субъектами досудебного и судебного доказывания. Оно есть, прежде всего, результат следственных, процессуальных действий и решения следователя, но в

окончательном виде определяется судом с учетом всех установленных фактических обстоятельств дела в их контрастном освещении с позиции обеих сторон.

Передача полученного первичного («альтер-процессуального») знания в следственную, а затем в судебную инстанцию сопровождается приданием содержанию формы, что приводит к качественному преобразованию знания. Процедурное знание является результатом интерпретации смысла информации уполномоченными субъектами: (1) руководителем органа дознания, осуществляющим ОРД, (2) следователем, (3) прокурором, (4) судом, а также другими участниками доказывания, в том числе и со стороны защиты. В результате этого происходит преобразование знания «альтер-процессуального» в «процедурное» (судебное) знание.

Определившись с исходными понятиями, укажем главные, с нашей точки зрения, особенности получения, фиксации, обработки и передачи по процессуальным инстанциям процедурного знания в ходе выявления, расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью.

Первоначальный этап получения, накопления знания и содержащих его материалов, которое указывает на признаки незаконной банковской деятельности, происходит тайно, посредством проведения негласных ОРМ. Решение о выявлении и раскрытии преступления принимается начальника органа дознания, уполномоченного на проведение ОРД.

Знание (альтер-процессуальное) о преступлении существует на данном этапе в виде дела оперативного учета.

Как показывает нижегородский опыт, основными способами получения этого оперативно-розыскного или альтер-процессуального знания являются такие ОРМ, как наблюдение, прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи. При этом скрытое наблюдение оказывается более результативным. Так, например, по уголовному делу в качестве доказательства обвинения использовались результаты скрытого наблюдения, проведенного в офисе организации, служившей «обнальной площадкой»¹.

Первый этап преобразования «допроцедурного», «альтер-процессуального» знания о преступной банковской деятельности, связан с регистрацией в КУСП дежурной части ГУ МВД России в виде «повода», предусмотренного ст. 143 УПК РФ. Несмотря на то, что субъектом составления рапорта выступает оперуполномоченный, «коллективным субъектом» принятия данного решения являются начальник органа дознания, уполномоченный на осуществление ОРД, руководитель следственного органа на уровне субъекта Федерации, то есть решение принимается на уровне начальника ГУ МВД, руководителей УЭБиПК, ГСУ ГУ МВД по субъекту Федерации.

На этом этапе возможно также участие надзирающего (уполномоченного) прокурора, надзор которого за оперативно-розыскной деятельностью носит специфический характер и осуществляется при наличии к тому оснований, поскольку «сложность проверки уполномоченным прокурором законности проведения оперативно-розыскных мероприятий вызвана наличием специальной подготовки и практического опыта у оперативных сотрудников, действующих в основном конспиративно и негласно, а также отсутствием в законе правил проведения этих мероприятий» [19, с. 150–151].

В практике правоохранительных органов Нижегородской области нарабатана технология принятия совместного решения о начале реализации оперативных материалов по данной категории преступлений, предполагающая сотрудничество представителя следственной части ГСУ УМВД, специализирующегося на расследовании данной категории преступлений с сотрудниками ЭБиПК, высказывающим свое мнение о степени готовности материалов и содержащегося в них знания о преступлении, которое в дальнейшем будет предметом расследования.

Следующий этап связан с проверкой сообщения о преступлении и возбуждением уголовного дела по признакам ст. 172 УК РФ. Критерии оценки готовности определенными ведомственными нормативно-правовыми актами для служебного пользования², поэтому мы можем только констатировать то, что знание о преступлении начинается преобразовываться под правовой стандарт.

При этом сотрудниками Контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД, то есть

¹ Уголовное дело № 5... по обвинению С. и др. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

² Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел: Приказ МВД России от 29 апреля 2015 года № 495 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

контрольно-методического подразделения следственного органа МВД [11], проводится своего рода процессуально-правовая «экспертиза» материалов, оформляемая в виде соответствующего заключения, которое служит одним из подтверждений наличия основания для возбуждения уголовного дела следователем СЧ ГСУ ГУ МВД.

Необходимым условием для возбуждения уголовного дела является выявление элементов объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Особое значение придается установлению такого признака, как «извлечения дохода в крупном размере», а именно: более двух миллионов двести пятьдесят тысяч рублей. Для предварительного установления этого признака преступления привлекается специалист ЭКО ГУ МВД.

Элементы субъективной стороны также подлежат установлению на стадии возбуждения уголовного дела. Как правило круг лиц, причастных к незаконной банковской деятельности, на данном этапе познания объекта уже определен. Однако, уголовные дела возбуждаются по факту выявленных признаков незаконной банковской деятельности, а процедурное знание о субъектах преступления окончательно формируется уже на стадии предварительного расследования.

После возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 164 УПК РФ создается следственная группа, в которую включаются оперуполномоченные ЭБиПК. Планируется и готовится так называемая «реализация»¹ и дальнейшее расследование. На этом этапе формирования процедурного знания проводятся некоторые следственные, процессуальные действия, организационные мероприятия, направление на получение и подготовку к получению информации. Главное из них представляет собой представление результатов ОРД органу предварительного следствия в соответствии Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд². Рассекречивание материалов ОРД и предоставление их следователю позволяет последнему путем производства следственных действий перевести значительную часть альтер-процессуальной информации в процедурное знание, то есть доказательственную базу по делу.

Основным способом перевода альтер-процессуального знания в процедурное являются осмотры и приобщении к уголовному делу осмотренных объектов в качестве вещественных доказательств.

На указанном этапе доказывания приобретаются основания для проведения следственных действий, направленных на собирание новых доказательств и определение хода дальнейшего предварительного расследования.

«Реализация» как важнейшее событие в технологии формирования процедурного знания в практическом отношении представляет собой проведение комплекса запланированных следственных действий и ОРМ с участием лиц, подозреваемых в причастности к незаконной банковской деятельности и на месте совершения преступления. В идеале «реализация» должна зафиксировать незаконную банковскую деятельность в момент ее фактического совершения. В познавательном плане происходит качественное преобразование знания о преступлении и его виновниках, выход на новый уровень «процедурного знания» – доказательственного факта [14, с. 19–23].

Реализация результатов ОРД происходит в один день в составе следственно-оперативной группы, в которую входят следователи, сотрудники оперативных подразделений УЭБиПК ГУ МВД России субъекту Федерации, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений. К ее проведению обычно привлекаются сотрудники спецподразделения МВД «Гром» (реже – Росгвардии). Как показывает нижегородский опыт такая следственно-оперативная операция проводится по всем уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью.

Целью проводимых к ходе «реализации» следственных действий является установление элементов преступной схемы, в обязательном порядке, должны быть охвачены следственными действиями в рамках указанной операции. Главным способом собирания доказательств об этом

¹ Реализацию, то есть комплекс следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий и их комбинаций, проводимых одновременно и с одной целью членами следственной группы и включенными в нее оперуполномоченными, надо считать отдельным элементом технологии доказывания.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

являются обыски. В ходе обыска необходимо зафиксировать ведение преступной деятельности, обнаружить и изъять предметы и документы, скопировать информацию с электронных носителей, имеющую доказательственное значение. Кроме того, проводятся выемки. Выемке подлежат юридические (регистрационных) и финансовых дел фиктивных организаций в налоговом органе по месту учета налогоплательщика.

Получение доказательств происходит в ходе задержания подозреваемых, личного обыска и допросов задержанных по подозрению в незаконной банковской деятельности лиц.

С учетом того, что заключение под стражу в качестве меры пресечения к обвиняемым в совершении преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью лиц, не осуществляется¹, постольку именно первые допросы подозреваемых и очные ставки между ними, с представлением изобличающих доказательств, позволяют получить критически важные сведения, определяющие ход дальнейшего расследования. Поэтому важно исключить любые сомнения в законности проведения этих допросов, обеспечить реальную возможность подозреваемым права на защиту в виде участия защитника, применить технические средства аудио – или видеофиксации показаний.

Зафиксированные в протоколах допросов и приложениях к протоколам сведения будут оглашены гособвинителем в порядке ст. 276 УПК РФ и таким образом послужить формированию процедурного знания в судебной инстанции. Указанная техника формирования личных показаний обвиняемых доказала свою эффективность по целому ряду уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью, которые находились в производстве следователей СЧ ГСУ ГУ МВД по Нижегородской области².

Одним из компонентов технологии доказывания является использование института досудебного соглашения о сотрудничестве для формирования процедурного знания³. Как правило этому предшествует подведение участников незаконной банковской деятельности под ст. 210 УК РФ – через формулирование и выдвижение соответствующего обвинения.

Посредством заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с одним из участников организованной преступной группы и реализации происходит формирования не только личных изобличающих показаний, но и собираются новые обвинительные доказательства и проверяются иные доказательства по делу. Создается «гарантия», фактическая основа для судебного доказывания обвинения.

Так, по уголовному делу № 1..., возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ в отношении 13 фигурантов, в ходе предварительного следствия с одним из обвиняемых – О., организатором преступной деятельности, было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Уголовное дело по обвинению О. было рассмотрено по существу в особом порядке. В дальнейшем О. в статусе, предусмотренном ст. 56.1 УПК РФ, дал изобличающие показания в отношении участников организованной незаконной банковской деятельности.

Элементом технологии доказывания по данной категории уголовных дел надо считать проведение следственных, процессуальных действий, а также ОРМ после первого (в порядке ст. 100 УПК РФ) предъявления обвинения⁴. Они призваны выявить позицию защиты относительно обвинения; закрепить, проверить ранее полученные доказательства обвинения, но также получить новые изобличающие обвиняемого доказательства, их источники. Тем самым, продолжает формироваться процедурное знание о предмете доказывания – объекте уголовно-правового отношения.

¹ И это косвенно влияет на технологию доказывания, точнее на технологию формирования личных доказательств по данной категории уголовных дел.

² Уголовное дело № 1...9 по обвинению Д. и других // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

³ В последние годы этот правовой инструмент используется почти по всем уголовным делам данной категории.

⁴ Наиболее важными из них являются осмотры уже ранее изъятых документов и электронных носителей информации, в том числе электронных документов, электронных носителей информации, а именно: учредительных документов формально-легитимных организаций, подконтрольных субъектам незаконной банковской деятельности; выписок по движению денежных средств по расчетным счетам формально-легитимных организаций и др. Кроме того, проводятся осмотры рассекреченных результатов ОРМ: прослушивания телефонных переговоров и пр.

Проведение судебно-бухгалтерской экспертизы служит обязательным элементом технологии доказывания и формирования процедурного знания. Такая экспертиза довольно часто является развитием и конкретизацией ранее полученного заключения специалиста на стадии возбуждения уголовного дела. Эти доказательства создаются экспертами подразделений экспертно-криминалистического центра ГУ МВД.

Завершающим элементом досудебного доказывания, на наш взгляд, надо считать формулирование окончательного обвинения и его предъявление в конце предварительного следствия, которое в дальнейшем входит в обвинительное заключение.

На практике в Нижегородской области установился стандарт предварительного согласования органом следствия с надзирающим прокурором формулы обвинения в совершении обвиняемым преступления, связанного с незаконной банковской деятельностью. В окончательном виде процедурное знание о предмете уголовно-правового спора в изложении стороны обвинения представлено в обвинительном заключении. В дальнейшем это процедурное знание подвергается судебной проверке с участием защиты и может претерпеть значительные изменения и даже подвергнуться разумному сомнению. Однако, разработка этой проблемы выходит за рамки статьи.

Впрочем, для иллюстрации того, насколько радикальным может быть расхождение в оценке процедурного знания со стороны органов обвинения, полученного с соблюдением неоднократно апробированной в судах технологии доказывания, и позиции суда, можно привести оправдательный приговор по обвинению 4 подсудимых в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ¹. В этом приговоре суд, проведя подробный анализ большой совокупности доказательств и признав подсудимых не виновными по всем пунктам предъявленного обвинения. При этом в приговоре было указано, что представленные стороной защиты доказательства не были опровергнуты надлежащим образом стороной обвинения.

Таким образом, процедурное знание, как и технология доказывания не могут быть признаны вполне состоявшимися без решающего участия суда, как субъекта доказывания и интерпретации, оценки этого знания.

Список использованной литературы:

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Москва: Юрлитинформ; 2012.
2. Александров А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве. *Российский ежегодник теории права*. 2008;(1):473–497.
3. Барцицкая А.А. Сущность технологического аспекта криминалистической тактики. *Российский юридический журнал*. 2011;(4(79)):157–161.
4. Боруленков Ю.П. Решение публичного субъекта юридического познания как интегрированный правовой продукт. *Российский следователь*. 2013;(16):7–10.
5. Боруленков Ю.П. Технологии юридического познания: понятие и содержание. *LEX RUSSICA*. 2015;(7):7–20.
6. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика): монография. Москва: Юрлитинформ; 2016.
7. Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Социальные технологии и юридическое познание: монография. Москва: Норма: Инфра-М; 2017.
8. Гаврилов Б.Я., Урбан В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное

References:

1. Abshilava G.V. [*Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation*]. Moscow: Yurlitinform; 2012. (In Russ.)]
2. Aleksandrov A.S. [Disposition of evidence and argumentation in criminal proceedings]. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava Russian Yearbook of the Theory of Law*. 2008;(1):473–497. (In Russ.)]
3. Bartsitskaya A.A. [The essence of the technological aspect of forensic tactics]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 2011;(4(79)):157–161. (In Russ.)]
4. Borulenkoy Yu.P. [The decision of the public subject of legal knowledge as an integrated legal product]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2013;(16):7–10. (In Russ.)]
5. Borulenkoy Yu.P. [Технологии юридического познания: понятие и содержание]. *LEX RUSSICA = LEX RUSSICA*. 2015;(7):7–20. (In Russ.)]
6. Borulenkoy Yu.P. [*Legal Knowledge, Evidence, and Proof (Methodology, Theory, and Practice)*]. Moscow: Yurlitinform; 2016. (In Russ.)]
7. Voskobitova L.A., Przhilenskii V.I. [Social technology and legal cognition]. Moscow: Norma: Infra-M; 2017. (In Russ.)]
8. Gavrilov B.Ya., Urban V.V. [Use of results of operative-investigative activity in criminal proceedings: legislative regulation and problems of law enforcement].

¹ Оправдательный приговор Канавинского районного суда от 25 июня 2020 года по уголовному делу № 1–9/2020 (УИД52RS0002-01-2017-000293-61) // Архив Канавинского районного суда г. Н. Новгорода.

- регулирование и проблемы правоприменения. *Труды Академии управления МВД России*. 2018;4(48):151–156.
9. Еремин С.Г. Выявление признаков экономических преступлений в бухгалтерском учете с использованием методов фактического контроля. *Законодательство и экономика*. 2006;(5):64–71.
10. Зуев С.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. *Уголовное право*. 2007;(3):94–97.
11. Ильяш А.В. Понятие, виды и содержание деятельности контрольно-методических подразделений следственных органов территориальных органов МВД России на региональном уровне. *Труды Академии управления МВД России*. 2014;(4(32)):106–109.
12. Комиссарова М.В., Райлян А.И., Степашкин С.В. Инкассация, перевозка, хранение денежных средств – что лицензируется? *Юридическая работа в кредитной организации*. 2014;(2):20–29.
13. Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты: монография. М.: Волтерс Клувер; 2010.
14. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России; 2009.
15. Муравьев М.В. О некоторых проблемах взаимодействия уголовно-процессуального доказывания с оперативно-розыскной деятельностью. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2018;(2):81–85.
16. Павличенко Н.В. Инновационные технологии в оперативно-розыскной деятельности: монография. Волгоград; 2014.
17. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия; 2001.
18. Рудов Д.Н. К вопросу о расследовании незаконной банковской деятельности (по материалам расследования незаконной деятельности пунктов приема платежей). *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2017;(3):46–49.
19. Семенцов В.А., Гладышева О.В. Надзор уполномоченного прокурора за исполнением закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий. *Прокуратура в России: 300 лет на защите прав и свобод: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н.П. Кирилловой, В.Д. Пристанкова, Н.А. Сидоровой, Н.Г. Стойко*. М., 2022.
20. Сычев П.Г. Стадия возбуждения уголовного дела об экономическом преступлении: тенденции развития. *Российский следователь*. 2012;(17):17–21.
21. Царева Ю.В., Летелкин Н.В. Схема осуществления
- Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018;4(48):151–156. (In Russ.)]
9. Eremin S.G. [Detection of signs of economic crimes in accounting using methods of actual control]. *Zakonodatel'stvo i ehkonomika = Legislation and Economics*. 2006;(5):64–71. (In Russ.)]
10. Zuev S.V. [The use of the results of operational-investigative activities as evidence]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2007;(3):94–97. (In Russ.)]
11. Il'yash A.V. [The concept, types and content of the activities of control and methodological subdivisions of investigative bodies of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2014;(4(32)):106–109. (In Russ.)]
12. Komissarova M.V., Railyan A.I., Stepashkin S.V. [Collection, transportation, storage of funds – what is licensed?] *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii = Legal work in a credit institution*. 2014;(2):20–29. (In Russ.)]
13. Kratenko M.V. [Abuse of freedom of contract: private law and public law aspects]. М.: Wolters Kluwer; 2010. (In Russ.)]
14. Kukhta A.A. [Proving the truth in criminal proceedings]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry; 2009. (In Russ.)]
15. Murav'ev M.V. [On Some Problems of Interaction of Criminal Procedure with Operative-Investigative Activity]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = The Judiciary and the Criminal Process*. 2018;(2):81–85. (In Russ.)]
16. Pavlichenko N.V. [Innovative technologies in operational and investigative activities]. Volgograd; 2014. (In Russ.)]
17. Polyakov M.P. [Criminal and procedural interpretation of the results of operational and investigative activities]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2001. (In Russ.)]
18. Rudov D.N. [On the investigation of illegal banking activities (based on materials from the investigation of illegal payment acceptance points)]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of law enforcement*. 2017;(3):46–49. (In Russ.)]
19. Sementsov V.A., Gladysheva O.V. [Oversight of the authorized prosecutor over the implementation of the law in carrying out operational and investigative activities]. *Prokuratura v Rossii: 300 let na zashchite prav i svobod: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. = Prosecutor's Office in Russia: 300 years for the Protection of Rights and Freedoms: collected materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by N.P. Kirillova, V.D. Pristanskov, N.A. Sidorova, N.G. Stoyko*. М., 2022. (In Russ.)]
20. Sychev P.G. [Stage of initiation of a criminal case on economic crime: trends in development]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2012;(17):17–21. (In Russ.)]
21. Tsareva Yu.V., Letelkin N.V. [Scheme of carrying out

незаконной банковской деятельности и особенности ее расследования. *Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 12 ноября 2020 года)*. 2021;(4):277–286.

illegal banking activities and peculiarities of its investigation]. *Diskussionnye aspekty razvitiya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva i ego primeneniya: sbornik statei po materialam vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (N. Novgorod, 12 noyabrya 2020 goda)*= *Discussion aspects of the development of criminal-procedural legislation and its application: collection of articles on the materials of the All-Russian scientific-practical conference (N. Novgorod, Nov. 12, 2020)*. 2021;(4):277–286. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степушов Михаил Юрьевич

начальник отделения 11 Отдела экономической безопасности и противодействия коррупции управления МВД России по городу Нижнему Новгороду, адъюнкт заочной формы обучения Нижегородской академии МВД России

ORCID: 0000-0002-5493-1180

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Stepushov

Head of Department 11 of the Economic Security and Anti-Corruption Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Nizhny Novgorod, Adjunct of correspondence studies at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ORCID: 0000-0002-5493-1180

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-119-126>

КОНФИСКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Халиков И.А.

Казанский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(Московская ул., д. 41, г. Казань, Россия, 420111)

Ссылка для цитирования: Халиков И.А. Конфискация элементов исторического и культурного наследия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):119–126. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-119-126>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Халиков Искандер Альфредович, кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

Адрес: Московская ул., д. 41, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7 (987) 297-12-20

E-mail: iskanderh@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.01.2023

Статья принята к печати: 20.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Статья посвящена проблемам сохранения памятников истории и культуры, подвергшихся повреждению в результате преступлений. Отмечено, что существующие в уголовном законе правовые средства воздействия на лиц, совершающих указанные преступные деяния, неспособны пресечь достижения виновным преступной цели – обеспечения возможности беспрепятственного распоряжения объектом охраны, земельным участком, им занимаемым. В этой связи автором обращено внимание на существующий в нормах позитивного права механизм конфискации земельного участка территории уничтоженного объекта культурного наследия, земельного участка на котором располагался памятник археологии, выявленный объект культурного наследия. Отечественный законодатель рассматривает приведенную меру в качестве санкции за совершение преступления или иного правонарушения, определяя востребованность внесения корреспондирующих изменений и, как следствие, расширения возможностей применения ст. 104¹ УК РФ.

Целью проводимого исследования является изучение места института конфискации в системе отечественного уголовного закона, исследование возможностей расширения его применения в отношении предметов материального мира, в том числе памятников истории и культуры, поврежденных (уничтоженных) в результате совершения преступления.

Для достижения поставленной цели следует решить следующие *задачи*: обобщить мнение ученых, рассматривающих институт конфискации в контексте решения уголовно-политических задач государства; исследовать зарубежный правоприменительный опыт, а также обратиться к источникам международного права, определяющим возможность применения института принудительного изъятия элементов наследия; определить условия применения конфискации, предопределяемые существующими в нормах позитивного права положениями.

Автором был использован диалектический *метод* исследования, в неразрывном единстве с методами анализа, синтеза. Кроме этого, использован дескриптивный, сравнительно-правовой методы, а также метод анкетирования.

Результатом исследования стали авторские предложения по дополнению содержания ст. 104¹ УК РФ пунктом «е», предусматривающим возможность конфискации земельного участка территории уничтоженного объекта культурного наследия, в том числе памятника археологии, выявленного объекта культурного наследия у собственника или иного законного владельца.

Ключевые слова: конфискация, историческое и культурное наследие, объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, культурные ценности, памятники истории и культуры.

CONFISCATION OF ELEMENTS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Iskander A. Khalikov

Kazan Law Institute (branch)

FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
(Moskovskaya str., 41, Kazan, Russia, 420111)

Link for citation: Khalikov I.A. Confiscation of elements of historical and cultural heritage. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):119–126. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-119-126>

CONTACT INFORMATION:

Iskander A. Khalikov, Cand. of Sci. (Law), Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in operational investigative Activities and participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) of the FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"

Address: Moskovskaya str., 41, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (987) 297-12-20

E-mail: iskanderh@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.01.2023

The article has been accepted for publication: 20.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The article is devoted to the problems of preserving historical and cultural monuments that have been damaged as a result of crimes. It is noted that the legal means of influence existing in the criminal law on persons committing these criminal acts are unable to prevent the guilty from achieving a criminal goal – ensuring the possibility of unhindered disposal of the object of protection, the land plot occupied by them. In this regard, the author draws attention to the mechanism of confiscation of the land plot of the territory of the destroyed object of cultural heritage, the land plot on which the archaeological monument was located, the identified object of cultural heritage existing in the norms of positive law. The domestic legislator considers the above measure as a sanction for the commission of a crime or other offense, determining the relevance of making corresponding changes and, as a result, expanding the possibilities of applying art. 104¹ of the Criminal code of the Russian Federation.

The purpose of the research is to study the place of the institution of confiscation in the system of domestic criminal law, to study the possibilities of expanding its application in relation to objects of the material world, including historical and cultural monuments damaged (destroyed) as a result of the commission of a crime. To achieve this goal, the following tasks should be solved: to summarize the opinion of scientists considering the institution of confiscation in the context of solving the criminal and political tasks of the state; to study foreign law enforcement experience, and also turn to sources of international law that determine the possibility of using the institute of compulsory seizure of heritage elements; to determine the conditions for the use of confiscation, predetermined by the provisions existing in the norms of positive law. The author used the dialectical method of research, in inseparable unity with the methods of analysis, synthesis. In addition, descriptive, comparative legal methods were used,

The result of the study was the author's proposals to supplement the content of art. 104¹ of the Criminal code of the Russian Federation with paragraph «е», providing for the possibility of confiscation of the land plot of the territory of the destroyed object of cultural heritage, including the archaeological monument, the identified object of cultural heritage from the owner or other legal owner.

Keywords: confiscation, historical and cultural heritage, objects of cultural heritage, identified objects of cultural heritage, cultural values, historical and cultural monuments.

Введение

Охрана материального и нематериального культурного наследия – одно из важных направлений деятельности государственных органов. Не случайно, 2022 год Указом Президента Российской Федерации был объявлен годом «Культурного наследия народов России»¹. В целях обеспечения реализации решения Главы государства, создания механизма сохранения нематериального наследия, принят Федеральный закон от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», велась работа по оптимизации положений Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ). В частности, скорректировано содержание норм, предусматривающих учет памятников истории и культуры, а также порядок обеспечения реализации государственных программ по их охране, а также должному современному использованию. Вместе с тем, механизм применения отдельных нормативных положений Федерального закона № 73-ФЗ, имеющих междисциплинарный характер, по-прежнему отсутствует.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 54 Федерального закона № 73-ФЗ предусмотрена процедура конфискации земельного участка территории объекта культурного наследия (объекта археологического наследия), разрушенного (уничтоженного) по вине собственника или иного законного владельца. В статье закона делается отсылка к механизму реализации правового предписания, приведенного в нормах иной отраслевой принадлежности. Отмечено, что конфискация, как форма прекращения права собственности – это санкция за совершение преступлений или иных правонарушений, предусмотренных законодательством Российской Федерации. К числу таковых следует отнести преступные деяния, предусмотренные ст. ст. 243, 243¹ УК РФ. В проводимом исследовании будет обращено внимание на возможность создания междисциплинарного правового механизма сохранения элементов исторического и культурного наследия в виде конфискации зданий, сооружений, отдельных предметов, имеющих историко-культурную ценность, подвергшихся повреждению в результате совершения преступления.

Методы исследования

В неразрывной связи с диалектическим методом исследования, автором были применены методы анализа, синтеза, дескриптивный, сравнительно-правовой, а также метод анкетирования. Диалектический метод позволил рассмотреть конфискацию элементов исторического и культурного наследия в контексте возможности ее применения в целях сохранения имеющих особое историко-культурное значение предметов. Методы анализа и синтеза были использованы при изучении элементов указанного правового института, оценки влияния, оказанного отдельными решениями законодателя, на возможность расширения условий его применения. Дескриптивный и сравнительно-правовой методы исследования позволили изучить зарубежный опыт применения конфискации культурных ценностей, а также обратиться к актам международного правотворчества в указанной сфере. Сделанные в проводимом исследовании выводы были подтверждены в ходе опроса сотрудников правоохранительных органов Приволжского и Уральского федеральных округов.

Результаты исследования

На уровне позитивного правового регулирования общественных отношений по обеспечению охраны историко-культурного наследия государства (ч. 3 ст. 54 Федерального закона № 73-ФЗ), сделана отсылка к механизму реализации правового предписания, имеющему иную отраслевую принадлежность и закрепленному в главе 15¹ УК РФ. Это следует признать юридическим источником уголовного закона, который определяет условия применения рассматриваемой меры уголовно-

¹ О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России: Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2021 года № 745 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правового характера¹. Вместе с тем в ст. 104¹ УК РФ не предусмотрено принудительное безвозмездное изъятие земельного участка, на котором ранее находился объект культурного наследия (памятник археологии). Изложенное обосновывает необходимость внесения корреспондирующих изменений в норму уголовного закона с целью обеспечения возможности реализации предписаний, закрепленных законодателем в нормах позитивного права. Так, ч. 1 ст. 104¹ УК РФ следует дополнить пунктом «е» следующего содержания: «земельного участка территории уничтоженного объекта культурного наследия, в том числе памятника археологии, выявленного объекта культурного наследия у собственника или иного законного владельца».

Таким образом, с учетом особенностей юридической техники и национальных правовых традиций, будет создан механизм реализации предписания, сформулированного в ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Научная дискуссия

В юридической литературе на протяжении длительного времени ведется дискуссия относительно исключения конфискации из числа мер уголовно-правового характера и обоснованности ее дальнейшего отнесения к числу уголовных наказаний, как было предусмотрено в исходной редакции отечественного уголовного закона. В проводимом исследовании мы приведем мнения ученых, высказанные об указанном институте в уголовно-политическом аспекте. Так, Н.А. Лопашенко считает, что конфискация, как самостоятельный вид наказания, нарушала принципы уголовной политики, прежде всего – принцип справедливости, поскольку «подобная мера карала не только лицо, совершившее преступление, но и его близких, незаслуженно претерпевающих материальные лишения» [4, с. 319–328]. Будучи применима к имуществу, приобретенному на законных основаниях конфискация, негативно воздействовала на исправление осужденного, а также на процесс его дальнейшей ресоциализации. Вместе с тем, настаивая на обоснованности отнесения конфискации к мерам уголовно-правового характера, Н.А. Лопашенко отмечает, что положения ныне существующего закона «не просто далеки от совершенства и по сути, и по законодательной технике, но и причиняют урон авторитету уголовного закона» [4, с. 319–328].

Иную, более близкую нам позицию, занял А.И. Коробеев, который считает, что с «отменой конфискации как вида уголовного наказания, во многом была утрачена превентивная функция уголовного закона. Современные экономические и должностные преступники боятся не привлечения к уголовной ответственности, не осуждения как такового, а конфискации имущества, оставляющей их лишь с «потребительской корзиной», как у большинства законопослушных граждан. Исключение в 2003 г. конфискации имущества из «лестницы наказаний» следует признать неприкрытым примером лоббирования интересов экономической преступности в уголовном законодательстве» [3, с. 283]. Схожее мнение высказано А.И. Алексеевым, В.С. Овчинским и Э.Ф. Побегайло, которые считают, что в условиях, когда корыстная мотивация преступной деятельности выходит на первый план, изъятие из УК РФ конфискации имущества, как самостоятельного вида наказания, была отрицательно воспринята юридической общественностью [1, с. 50].

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин считают, что исключение конфискации имущества из числа назначаемых наказаний следует признать явно неудачным, робким «опытом» со стороны законодателя в части декриминализации норм общей и особенной части уголовного закона [2, с. 55].

К допустимости безвозмездного изъятия (конфискации) культурных ценностей, как объективно востребованной меры уголовно-правового характера, обратился Л.Р. Клебанов. Им было отмечено, что следует предусмотреть возможность ее применения в отношении собственников (владельцев) памятников истории и культуры, в случае совершения ими преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Для этого ч. 1 ст. 104¹ УК РФ необходимо дополнить пунктом «д» следующего содержания: «недвижимых памятников истории и культуры у собственников, совершивших их повреждение»². Кроме этого, Л.Р. Клебановым сделаны выводы о невозможности применения рассматриваемой меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц, которые в соответствии с отечественным уголовным законодательством не могут быть субъектами преступной деятельности. Это оправдывает существующую в ч. 3 ст. 54

¹ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2014. С. 77.

² Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2012. С. 440–441.

Федерального закона № 73-ФЗ альтернативность выбора отраслевого механизма изъятия земельного участка – территории объекта культурного наследия (объекта археологического наследия), разрушенного (уничтоженного) по вине собственника или иного законного владельца, к числу которых могут быть отнесены как физические, так и юридические лица.

Обобщая приведенные мнения следует отметить, что конфискация как наказание и как мера уголовно-правового характера имели принципиальное отличие в характере безвозмездно «отбираемого» имущества. При исполнении наказания (в соответствии со ст. 52 УК РФ, утратившей силу с принятием Федерального закона от 08 декабря 2003 года № 162-ФЗ) могло быть изъято имущество, законность владения которым не оспаривалось. При применении конфискации в соответствии с главой 15¹ УК РФ отчуждению подлежало имущество, полученное преступным путем и (или) используемое для совершения преступления. Бесспорность приведенного суждения была подвергнута сомнению после дополнения ч. 1 ст. 104¹ УК РФ пунктом «д», в соответствии с которым стало возможным безвозмездное изъятие (конфискация) транспортного средства, которое принадлежало обвиняемому и использовалось им при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ¹.

Обращаясь к природе принятого законодателем решения следует отметить, что доминирующим элементом в конфискации выступает кара, которая, будучи инструментом государственной политики, при регулировании общественных отношений, способна продемонстрировать всю силу государственной власти [6]. В существующих правовых реалиях – отношений, императивно определенных ст. 104¹ УК РФ, по прекращению владения предметами, изъятыми из гражданского оборота, добытыми преступным путем, а также ставшими орудием или иными средствами совершения преступления. К числу последних законодателем отнесены предметы, принадлежащие обвиняемому. В современных реалиях приведенное уточнение стало основой для расширения условий применения конфискации. Так, в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 130391-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части усиления ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств водителями, лишенными права управления транспортными средствами» отмечено, что «конфискация транспортного средства может быть применена в качестве дополнительной меры пресекательного характера в отношении злостных правонарушителей, привлекаемых к уголовной ответственности»². В ходе дальнейшего обсуждения законопроекта была конкретизирована недопустимость применения конфискации в отношении транспортного средства, которым злоумышленник завладел незаконно. При этом законодателем не обсуждалось применение устанавливаемой меры уголовно-правового характера в отношении имущества законность приобретения, а также владения которым не оспаривается. Не получили должного толкования пределы допустимости ее «пресекательного» воздействия, а также критерии «злостности» действий, за которые она может быть предусмотрена. Это создало условия для расширения усмотрения правоприменителя – применения конфискации в отношении имущества, относимого к средствам совершения преступления с учетом законности его приобретения.

Исходя из содержания главы 15¹ УК РФ конфискация – это определенные материальным законом негативные последствия для лица, совершившего преступление. Изложенное предопределяет правовую природу исследуемого правового института – она имеет уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальный характер [5]. Выраженное Н.А. Лопашенко мнение позволяет дифференцировать изымаемое по расследуемому уголовному делу имущество. Так, в части виновно-совершенных деяний в отношении исторического и культурного наследия, в качестве уголовно-процессуальной меры, конфискация применима к лицам, вовлеченным в незаконный поиск археологических предметов с использованием специальных технических средств их обнаружения, перечень которых приведен в примечании к ст. 243² УК РФ. В результате, на основании судебного

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Законопроект № 130391-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2023 [прочитано 10 января 2023 года]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130391-8>.

решения по указанной категории уголовных дел должен быть решен вопрос о техническом оборудовании, как средстве совершения преступления (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Указанные предметы, изъятые и признанные в качестве вещественных доказательств, подлежат конфискации и последующему уничтожению. Бесспорно, это порой дорогостоящее оборудование, законность приобретения которого не оспаривается, поскольку их свободная продажа на территории Российской Федерации не ограничена. В этой части примечателен опыт зарубежных стран, в которых недопустима свободная реализация и использование специальных приборов поиска археологических предметов (Франция) [8], либо подобный вид деятельности строго ограничен выдаваемым разрешением (лицензией) (Испания) [7]. В свою очередь памятники истории и культуры, на которые были направлены преступные действия и которые сохранили на себе следы преступления, будучи признанными в качестве вещественных доказательств по уголовному делу, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, подлежат передаче законному владельцу, как правило собственнику поврежденного здания (сооружения). Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает конфискацию не всего имущества, признанного вещественным доказательством, а только полученного преступным путем, что делает невозможным применение указанной меры уголовно-процессуального воздействия в отношении предметов, уголовно-правовая охрана которых осуществляется в ст. ст. 243, 243¹ УК РФ.

Конфискация элементов исторического и культурного наследия ставших предметом хищения, незаконных раскопок, полученных в результате повреждения охраняемых государством зданий, сооружений, предусмотрена в качестве самостоятельной нормы в законодательстве зарубежных стран, обладающих наибольшим количеством находящихся под охраной государства памятников истории и культуры. К примеру, в Кодекс законодательства об охране древностей и культурного наследия Греческой Республики (Закон № 4858/2021 от 19 ноября 2021 года) ¹ включен раздел IX «Уголовные положения» (ст. ст. 53–72), в котором аккумулированы предусматривающие уголовную ответственность нормы закона. В частности, ст. 69 «Конфискация и финансовое наказание» предусматривает конфискацию предметов (культурных ценностей) незаконно ввозимых, вывозимых с территории Греческой Республики, а также предметов, полученных в результате проведения незаконных раскопок (археологических предметов), иных изысканий, технических средств совершения преступления. В случае невозможности их изъятия допустимо наложение финансового взыскания на виновного в размере до ½ от стоимости подлежащего конфискации имущества. Схожее нормативное предписание содержится в ст. 518 duodevices «Конфискация культурных ценностей» Уголовного кодекса Итальянской Республики. В норме закона предусмотрено, что, если отсутствует реальная возможность исполнения конфискации, допустимо наложение денежного взыскания на виновного, эквивалентного стоимости подлежащего изъятию имущества².

Возможность применения конфискации элементов исторического и культурного наследия предусмотрена в международных документах принятых под эгидой ЮНЕСКО. Так, в ст. 44 Рекомендаций «Об охране в национальном плане культурного и природного наследия» обращено внимание на востребованность создания в национальном законодательстве стран – членов ЮНЕСКО института конфискации памятников, архитектурных ансамблей, достопримечательных мест. Так, «... в случае возникновения потребности в сохранении объекта культурного наследия, национальные органы государственной власти могут реализовать делегированные им полномочия по конфискации и передачи памятника общественным органам в соответствии с условиями и положениями внутригосударственного законодательства»³.

В настоящее время возмездное изъятие памятников истории и культуры у собственников, неисполнивших требования по сохранению памятников истории и культуры от их разрушения

¹ Кодекс законодательства об охране древностей и культурного наследия: Закон от 19 ноября 2021 года № 4858/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kodiko.gr/nomothesia/document/759457> (дата обращения: 22.08.2022).

² Уголовный кодекс Итальянской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:codice.penale:1930-10-19> (дата обращения: 11.08.2022).

³ Об охране в национальном плане культурного и природного наследия: Рекомендация ЮНЕСКО (принята 16 ноября 1972 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901756973?section=status> (дата обращения: 15.10.2022).

возможно только в порядке гражданского судопроизводства. При этом вынесенные единичные решения, как правило, не исполняются. Так, 16 апреля 2015 года арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области был удовлетворен иск КГИОП Санкт-Петербурга к ОАО «Технопарк» о принудительном изъятии принадлежащего юридическому лицу выявленного объекта культурного наследия «Постоялый двор Ф.Н. Слепушкина»¹. Вынесенное решение до настоящего времени не исполнено².

В ходе проведенного нами анкетирования сотрудникам правоохранительных органов Приволжского и Уральского федеральных округов было предложено оценить возможность применения конфискации имущества к собственнику (иному законному владельцу), совершившему преступление в отношении принадлежащего ему памятника истории и культуры. 70,4 % респондентов высказалось за конфискацию памятников истории и культуры³. Это обосновывает необходимость обращения к указанной мере уголовно-правового характера, рассмотрения ее как одной из форм репрессивного воздействия на преступника от имени государства.

Подводя итог, следует отметить, что в связи со сложностью и многогранностью правотворческой деятельности, отдельные нормы уголовного закона могут недостаточно полно отражать нужды общества в уголовно-правовом регулировании. Это ведет к увеличению их внутренней рассогласованности, чрезмерной, либо недостаточной урегулированности общественных отношений. Как следствие, со временем возникает потребность в ревизии их содержания, вызванной отсутствием необходимой четкости, определенности, а также устойчивости уголовно-правовых предписаний во времени. Практическое преодоление этого возможно через оптимизацию норм уголовного закона, то есть обращение к их содержанию с целью корректировки и повышения эффективности применения. Изложенное делает обоснованным дополнение ст. 104¹ УК РФ положением о возможности конфискации элементов исторического и культурного наследия ставших предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 243, 243¹ УК РФ.

Список использованной литературы:

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса: монография. Москва: Норма; 2006.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. Москва: Юрлитинформ; 2020.
3. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. Москва: Юрлитинформ; 2019.
4. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика: авторский курс: монография. Москва: Юрлитинформ; 2019.
5. Лопашенко Н.А. Уголовное наказание в России: состояние и проблемы закона, практики и уголовной политики. *Российский криминологический взгляд*. 2011;(2):255–285.
6. Михайлов В.И. Законодательное закрепление конфискации имущества: позитивный анализ. *Уголовное право*. 2008;(2):54–59.
7. Romeo F. La regulacion del uso detectores de metales en la Comunidad Autonoma de Aragon: Uso de detectores de metals y arqueologia: sanciones administrativas y penales. Tirant lo Blanch. Valencia, 2018.
8. Delestre X. Le détectorisme en France: quelle situation

References:

1. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo Eh.F. [Russian criminal policy: Overcoming the crisis]. Moscow: Norma; 2006. (In Russ.)]
2. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. [Russian criminal policy of the XXI century]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]
3. Korobeev A.I. [Criminal Law Policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow: Yurlitinform; 2019. (In Russ.)]
4. Lopashenko N.A. [Reflections on criminal law. Criminal law. Criminal liability. Criminal policy: author's course]. Moscow: Yurlitinform; 2019. (In Russ.)]
5. Lopashenko N.A. [Criminal punishment in Russia: the state and problems of law, practice and criminal policy]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian criminological view*. 2011;(2):255–285. (In Russ.)]
6. Mikhailov V.I. [Legislative consolidation of confiscation of property: positive analysis]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2008;(2):54–59. (In Russ.)]
7. Romeo F. La regulacion del uso detectores de metales en la Comunidad Autonoma de Aragon: Uso de detectores de metals y arqueologia: sanciones administrativas y penales. Tirant lo Blanch. Valencia, 2018.
8. Delestre X. Le détectorisme en France: quelle situation

¹ Арбитражное дело № А56-81542/2014 // Архив Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 2015 год.

² Изъятые пять лет ждут [сайт] Хранители наследия; 2022 [процитировано 20 марта 2022]. Доступно: https://hraniteli-nasledia.com/articles/pod-ugrozoy/izyatogo-pyat-let-zhdut/?sphrase_id=123115.

³ В ходе проведения исследования было опрошено 250 респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов (органов прокуратуры, Следственного комитета РФ, МВД РФ).

et quelle politique publique? *Canadian Journal of Bioethics*. 2019;2(3):158–165.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Искандер Альфредович

кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
ORCID: 0000-0002-1642-0283

et quelle politique publique? *Canadian Journal of Bioethics*. 2019;2(3):158–165.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iskander A. Khalikov

Cand. of Sci. (Law), Professor of the Department of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in operational investigative Activities and participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) of the FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
ORCID: 0000-0002-1642-0283

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-127-135>

ИНСТИТУТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Эртель Л.А.*¹, Стрижев В.А.², Решетняк О.А.³

¹ ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² ГБУЗ «СКПБ № 1» Министерства здравоохранения Краснодарского края
(Красная ул., д. 1, г. Краснодар, Россия, 350087)

³ Судебный участок № 39 Карасунского внутригородского округа г. Краснодара
(Уральская ул., д. 186, г. Краснодар, Россия, 350088)

Ссылка для цитирования: Эртель Л.А., Стрижев В.А., Решетняк О.А. Институт специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):127–135. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-127-135>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Эртель Людмила Александровна*, доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 637-52-55

E-mail: reshetnyak.oksana98@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.12.2022

Статья принята к печати: 30.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: Целью данной научной работы является анализ вопросов использования специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в судопроизводстве. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть различия данных специальных знаний, изучить формы использования специальных знаний судебной психологии и психиатрии в уголовном судопроизводстве, обозначить проблемы назначения судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертиз.

Для решения поставленных задач будет использован ряд методов: логические (описание, классификации), сравнительно-правовой, системно-структурный анализ.

В результате исследования было выявлено, что для наиболее эффективного использования специальных знаний в области судебной психологии и психиатрии необходимо закрепить понятие «специальные знания» и закрепить консультативно-справочную деятельность как процессуальную форму использования специальных знаний.

Вывод. Использование специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии способствует улучшению тактики производства отдельных следственных действий и изучению индивидуально-психологических особенностей психики участников уголовного судопроизводства, что повысит эффективность рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: знания в области судебной психологии и психиатрии, консультация специалиста, судебно-психологическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза.

**INSTITUTE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF FORENSIC
PSYCHOLOGY AND FORENSIC PSYCHIATRY
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Liudmila A. Ertel*¹, Vyacheslav A. Strizhev², Oksana A. Reshetnyak³

¹ FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

² GBUZ "SKPB № 1" of the Ministry of Health of the Krasnodar Territory

(Krasnaya str., 1, Krasnodar, Russia, 350087)

³ Judicial precinct № 39 of the Karasunsky innercity district of Krasnodar

(Uralskaya str., 186, Krasnodar, Russia, 350088)

Link for citation: Ertel L.A., Strizhev V.A., Reshetnyak O.A. Institute of special knowledge in the field of forensic psychology and forensic psychiatry in criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):127–135. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-127-135>

CONTACT INFORMATION:

Liudmila A. Ertel*, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 637-52-55

E-mail: reshetnyak.oksana98@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.12.2022

The article has been accepted for publication: 30.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The purpose of this scientific work is the analysis of the use of the expertise in the area of judiciary psychology and psychiatry in the criminal proceedings. In order to achieve this objective, the following tasks must be accomplished: to consider differences in expertise, to explore the use the expertise, to identify problems of the assignment of forensic psychological and psychiatric expertise.

A number of methods were used to achieve the objectives. They are logical (description, classification), comparative legal, systematic structural analysis.

The study revealed that in order to make the most efficient use of expertise in the area of judiciary psychology and psychiatry it is necessary to enshrine the notion "expertise" and consolidate advisory and reference activity as procedural form of expertise.

Conclusion. The use of expertise in forensic psychology and psychiatry helps to improve the tactics of separate investigative actions and study individual psychological conditions of participants in criminal proceedings. It will improve the efficiency of criminal cases.

Keywords: expertise in the area of forensic psychology and psychiatry, specialist consultation, forensic psychological examination, forensic psychiatric examination.

Введение

Всестороннее и полное судебное разбирательство уголовных дел обязательно включает в себя анализ психологических механизмов поведения лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Однако не всегда сотрудники правоохранительных органов, судьи могут в полном объеме оценить индивидуально-психологические особенности личности обвиняемых, свидетелей, потерпевших и наличие у них психических расстройств в связи с отсутствием достаточного объема специальных знаний. Разрешить возникшие в таких ситуациях вопросы позволяет использование специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в предусмотренных формах.

Целью научного исследования является анализ вопросов использования специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в судопроизводстве, выявление проблемных вопросов и обозначения возможных путей их решения.

Методы исследования

Методология научного исследования включает логические (описание, классификации), сравнительно-правовой методы, а также метод системно-структурного анализа.

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что для наиболее эффективного использования специальных знаний в области судебной психологии и психиатрии необходимо закрепить понятие «специальные знания», закрепить консультативно-справочную деятельность как процессуальную форму использования специальных знаний.

Необходимо разработать нормативно-правовой акт, регулирующий производство судебно-психологической экспертизы (на примере Приказа Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 года № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы»). В данном акте целесообразно закрепить определение «судебно-психологическая экспертиза».

Научная дискуссия

И.Н. Сорокотягин, Д.А. Сорокотягина определяют специальные знания как «системно-структурную характеристику теоретических знаний и практических навыков, умений в области конкретной науки, техники, искусства и ремесла, которые приобретаются путем специальной подготовки или профессионального опыта, не являющимися общедоступными и общеизвестными, и применяемых в порядке, установленном законом ...».

Важно отметить, что в науке ведутся споры о том, какой термин правильнее употреблять «специальные знания» или «специальные познания».

С.П. Жданов употребляет термины «знание» и «познание» как синонимы, не разграничивая их. А.А. Яркова, наоборот, считает, что данные определения не являются синонимичными и необходимо применять термин «специальные знания». В свою очередь О.Г. Ковалев использует термин «специальные психологические познания» [3].

Согласно словарю под редакцией С.И. Ожегова следует, что знание есть результат процесса познания. Под познанием ученые понимают приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира, а также процесс получения человеком нового знания.

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения А.А. Яркова, который отмечает, что эксперт или специалист, осуществляющий исследование, не приобретает новые знания, а использует уже имеющиеся [12, с. 127], и таким образом, наиболее корректно в действующем законодательстве надлежит использовать термин «специальные знания», и по нашему мнению его следует применять в процессуальном законодательстве всех отраслей права, поскольку такое состояние обеспечит единообразие в правовой регламентации судебной экспертизы.

При анализе ошибок при назначении судебных экспертиз с использованием специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии выяснилась необходимость формулирования понятий: судебный психолог, судебный психиатр, специальные знания в области судебной психологии и судебной психиатрии.

В соответствии со ст. 57 и ст. 58 УПК РФ¹, под психологом в уголовном процессе следует понимать специалиста, который оказывает следователю или суду помощь в изучении личности подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего либо свидетеля, в установлении с ним психологического контакта, проведении допроса и других следственных действий, в оказании консультативной помощи и проведении судебно-психологических экспертиз, а под психиатром – специалиста, занимающегося изучением психических расстройств личности подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего либо свидетеля.

В научной литературе обсуждаются различные взгляды на понятие «специальных психологических знаний».

Ф.С. Сафуанов считает, что применение знаний в области судебной психологии осуществляется при изучении личности преступника, психологических особенностях субъектов правовых отношений, психологии расследования преступлений и производства конкретных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 25.03.2022)

следственных действий, а также при изучении психологии профессиональной деятельности правоохранительных и судебных органов [10].

Н.А. Курмаева под знаниями в данной области понимает: «систему научно обоснованных, практически апробированных сведений о закономерностях и особенностях психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, а также умений и навыков по их применению, полученных в результате профессиональной психологической подготовки»¹.

Понятию специальных знаний в области судебной психиатрии в научной литературе недостаточно уделяется внимания и практически отсутствуют определения данного понятия. Так, А.В. Яшин и Ю.В. Мартышкина считают, что специальные знания в области психиатрии – это знания, способствующие изучению психических расстройств личности для разрешения уголовных дел, в том числе и возможности освобождения от уголовной ответственности [13, с. 22].

С учетом вышеизложенного мы предлагаем под специальными знаниями в области судебной психиатрии понимать теоретические знания и практические навыки, умения в области психических расстройств, имеющие значения для правильного разрешения уголовного дела.

Выделяют три формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве:

- 1) консультация (консультативно-справочная деятельность);
- 2) привлечение специалиста;
- 3) судебная экспертиза.

Данная классификация не является единственной в научной сфере. Н.Ю. Лебедев и К.К. Сейтенов выделили наиболее часто встречающиеся и не подвергающиеся критике основания для классификации форм использования специальных знаний. Приведем некоторые из них:

1) по субъектам, планирующим или использующим специальные знания (зависит от вида судебного процесса: конституционный, гражданский, арбитражный, административный, уголовный);

2) по обязательности и рекомендуемости использования при производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, а равно судебных действий любого вида судопроизводства;

3) по связи сведущих лиц с государством (из государственных и не государственных экспертных учреждений);

4) по количеству привлекаемых сведущих лиц (единоличное и комиссионное использование);

5) на экспертные, справочно-консультативные (специалист) и содейственные (переводчик, психолог, педагог);

6) «наиболее распространенным является деление форм применения специальных знаний на процессуальные и не процессуальные» [4, с. 140].

Как отметили авторы деление форм на процессуальные (участие специалиста и судебная экспертиза) и не процессуальные (консультация) являются наиболее распространенными. Мы согласны с их мнением и поэтому остановимся на рассмотрении данных форм.

Следователь или суд зачастую совершают ошибки при назначении конкретного вида экспертизы. Такие ошибки могут возникать вследствие недостаточного объема специальных знаний и отсутствия практики привлечения специалистов в данных областях в процессе назначения судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных экспертиз.

В данной ситуации разрешить возникающие проблемы может консультация специалиста.

Консультативно-справочная деятельность – это информирование сведущим лицом, в данном случае психологом или психиатром, лиц, осуществляющих производство по уголовному делу или участвующих в нем, о возможности существования тех или иных явлений, с точки зрения современного уровня развития теории психологии и психиатрии и накопленных в них эмпирических фактов. Данное информирование может быть как в устной, так и в письменной форме.

Несмотря на то, что данная форма не является процессуальной формой применения специальных знаний, как мы видим она может повысить эффективность применения данных знаний при использовании процессуальных форм, но на практике следователи или судья редко обращаются за помощью к специалисту-психологу, а тем более к специалисту, обладающему специальными знаниями в области судебной психиатрии, что приводит к ошибкам в назначении необходимой экспертизы и увеличению сроков расследования либо рассмотрения уголовного дела, так как эксперт может отказать в производстве судебно-психологической, судебно-психиатрической экспертиз,

¹ Курмаева Н.А. Использование специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2010. С. 8.

поэтому на наш взгляд, необходимо закрепить данную форму в процессуальном законодательстве и установить случаи обязательного обращения следователя или суда за консультативной помощью.

Рассмотрим вторую форму применения специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии – привлечение специалиста. В соответствии с ч.1 ст. 58 УПК РФ: «специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

На практике чаще всего привлечение специалиста в области судебной психологии осуществляется при производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних. Так, в ст. 191 УПК РФ закреплено, что проведение допроса, опознания, очной ставки и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, который не достиг шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством, а также в случаях отставания в психическом развитии, участие психолога обязательно.

По мнению Ю.В. Лебедевой данная специфика проведения с несовершеннолетними следственных действий очевидна и участие специалистов в области детской психологии поможет обезопасить воздействие на психику несовершеннолетнего и способствовать установлению контакта с ним, что будет способствовать эффективности проведения следственного действия [4, с. 46].

В свою очередь М.С. Андрианов считает, что: «должное внимание к личности потерпевшего при осуществлении правосудия, адекватная оценка его самочувствия и поведения профессиональными участниками судопроизводства (в первую очередь, судьей, прокурором), понимание и учет основных закономерностей совладающего поведения, очевидно, будут способствовать установлению психологического контакта с потерпевшим, оптимизации взаимодействия с ним (в рамках процессуальной регламентации) и повысят эффективность судебного разбирательства» [1, с. 186].

В настоящее время отмечают рост психопатологии. По данным различных исследований, сегодня до 40 % населения имеет признаки пограничных нервно-психических расстройств. По характеру совершенных деяний среди лиц, признанных невменяемыми, 38,5 % – имущественные преступления, 15,7% – насильственные, 19,7% – хулиганские, 3,1 % – сексуального характера [5, с. 46].

По нашему мнению, привлечение специалиста, обладающего специальными знаниями в области судебной психиатрии к участию в следственных действиях, например допросах, будет способствовать более рациональному назначению судебно-психиатрических экспертиз, так как психиатр обладает теми знаниями, в отличие от следователя, которые помогут ему определить наличие психических расстройств. По мнению Т.Г. Погодиной и О.А. Берзинь наличие психических расстройств накладывает определенный след на познавательную деятельность человека и соответственно находит отражение в следах на месте совершения преступления (например, наличие знаков, записок, рисунков, отсутствие маскировки и сокрытия следов), которые позволяют выдвигать и рассматривать версии о наличии у субъекта преступления психопатологии [7, с. 112].

Последней и наиболее распространенной формой применения института специальных знаний является судебная экспертиза.

Под судебно-психологической экспертизой следует понимать основную форму применения специальных знаний о закономерностях и особенностях структуры и протекания психической деятельности лица (подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, свидетеля) для установления его психологического состояния, имеющего значение для правильного разрешения уголовного дела.

О.Г. Ковалев и Н.В. Семенова представили исследования для выявления наиболее типичных познаний психолога, применяемых при производстве экспертиз:

- профессиональные знания в области науки и методологии судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы;
- социальной психологии;
- психодиагностики;
- суицидологии;
- патопсихологии и др. [3, с. 4].

Приведем несколько видов судебно-психологических экспертиз, в которых применяются указанные выше специальные знания:

- 1) судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого;
- 2) судебно-психологическая экспертиза аффекта у обвиняемого;
- 3) судебно-психологическая экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для дела;
- 4) судебно-психологическая экспертиза способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление;
- 5) судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, совершившего самоубийство.

Посмертная судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, совершившего самоубийство, является одной из наиболее сложных. По данному вопросу представляется интересным исследование Е.С. Пономарева и В.В. Делибалт. Они указывают, что в результате проведенного исследования были обнаружены слабые тенденции к наличию когнитивных искажений, свойственных пресуицидальному состоянию – персонализации и чтения мыслей. Это говорит о низкой степени проявленности особенностей когнитивного функционирования, характерных для рассматриваемого состояния [8, с. 56].

Эффективность применения специальных знаний можно проследить, например, в Приговоре № 1-128/2016 от 09 декабря 2016 года по делу № 1-128/2016. Заключение посмертной судебно-психологической экспертизы показало, что убитые не имели таких психологических особенностей как агрессивность и склонность к внешнеобвиняющим реакциям на конфликты, а вот судебно-психологическая экспертиза обвиняемого наоборот установила у него такие индивидуально психологические особенности как агрессивность, враждебность, склонность к внешнеобвиняющим реакциям на конфликты.

Таким образом, подсудимый был приговорен по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а не по ст. 107 УК РФ или по ст. 108 УК РФ¹.

Вопросами изучения специальных знаний в области судебной психиатрии занимались С.Н. Осолкова, которая рассматривала проблемные вопросы диагноза в судебной психиатрии [6], Б.Е. Потемкин и А.А. Ткаченко, которые выделили сложности клинической диагностики при производстве судебно-психиатрической экспертизы [9].

А.А. Ткаченко определяет судебно-психиатрическую экспертизу как: «экспертизу, назначаемую в связи с сомнениями в психической полноценности обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и др.»²

Применение знаний в области судебной психиатрии осуществляется чаще всего по делам об изнасиловании, педофилии, терроризме и др.

Так, в Ежегодном докладе Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2020 г., отмечается, что в 2020 г. было совершено 15 822 преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что на 7,2 % больше, чем в 2019 г., и на 79 % больше, чем в 2012 г. Из этой группы 47 % были совершены в отношении детей младше 14 лет³. Соответственно, увеличилось и число судебно-психиатрических экспертиз, так как в соответствии с п. 3.1 ст. 196 УПК РФ назначение судебной экспертизы является обязательным.

Также, в 2019 г. в РФ проведено 31 675 судебно-психиатрических экспертиз несовершеннолетних (СПЭН), что составило 11,5 % от всех проведенных в стране СПЭ.

¹ Приговор № 1-128/2016 от 09 декабря 2016 года по делу № 1-128/2016 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2022 [процитировано 18 марта 2022]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/9qXyxVWv8UgO/>.

² Руководство по судебной психиатрии: практическое пособие / Абрамов С.В. и др.; под ред. А.А. Ткаченко. Москва: Юрайт; 2012. С. 62.

³ Ежегодный доклад Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2020 год [сайт]. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка; 2022 [процитировано 18 марта 2022]. Доступно: <http://deti.gov.ru/documents/doklad>.

Абсолютное число СПЭН с 2009 г. увеличилось на 10,8 % и в целом за 6-летний период число комплексных СПЭН увеличилось на 5,9 %, составив 25 964 в 2019 г.¹

В Российской Федерации с 2017 г. законодательно установлены следующие виды судебно-психиатрических экспертиз. В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 года № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» выделяют:

- а) однородные амбулаторные судебно-психиатрические экспертизы;
- б) комплексные амбулаторные судебно-психиатрические экспертизы (живых лиц и заочной, в том числе посмертной, по медицинским документам и иным материалам), включая психолого-психиатрическую и сексолого-психиатрическую;
- в) однородные стационарные судебно-психиатрические экспертизы;
- г) комплексные стационарные судебно-психиатрические экспертизы в том числе психолого-психиатрические, сексолого-психиатрические².

На официальном сайте Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации данный перечень дополнен заочными экспертизами, (посмертные судебно-психиатрические экспертизы).

Актуальной проблемой в настоящее время является назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. А.В. Иванов считает, что необходимость назначения именно данной экспертизы существует тогда, когда объектом экспертного исследования являются лица, которые находятся в психопатологических состояниях, не исключающих вменяемости (различные виды психопатий, неврозов, легкие степени олигофрении, инфантилизм и пр.) [2, с. 77].

Результат использования специальных знаний в форме судебной экспертизы оформляется заключением. Сведения, которые должны быть отражены в заключении, подробно изложены в ст. 204 УПК РФ и ст. 25 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³.

Важно отметить, что существует необходимость корректного формулирования экспертного задания, и по мнению С.Н. Шишкова В.В. Вандыш-Бубко, Ю.И. Остянко это является одним из необходимых условий эффективности производства судебно-психиатрической экспертизы, гарантией обеспечения надежности ее результатов, а также получения качественного экспертного заключения [11].

Таким образом, рассмотрев особенности использования специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве, мы приходим к выводу, что они содействуют улучшению тактики производства отдельных следственных действий и изучению индивидуально-психологических особенностей, отклонений в деятельности психики участников уголовного судопроизводства, что повышает эффективность рассмотрения уголовных дел.

Список использованной литературы:

1. Андрианов М.С. Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегия потерпевшего. *Психология и право*. 2021;2(11):178–192. DOI: 10.17759/psylaw.2021110213.
2. Иванов А.В. Особенности производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при расследовании половых преступлений. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021;(4):76–79.

References:

1. Andrianov M.S. [Psychology of participants in criminal proceedings: coping is the victim's strategy]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*. 2021;2(11):178–192. DOI: 10.17759/psylaw.2021110213. (In Russ.)]
2. Ivanov A.V. [Features of the production of complex forensic psychological and psychiatric examinations in the investigation of sexual crimes]. *Vestnik ehkonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2021;(4):76–79. (In Russ.)]

¹ Основные показатели деятельности судебно-психиатрической службы Российской Федерации в 2019 г.: аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России; 2020. С. 33–35.

² Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 года № 3н // Российская газета. 2017. 17 марта.

³ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Ковалев О.Г., Семенова Н.В. К вопросу применения специальных познаний психолога в судебной экспертизе. *Столыпинский вестник*. 2021;3(2).
4. Лебедев Н.Ю., Сейтенов К.К. Некоторые аспекты классификации форм использования специальных знаний при разрешении правовых споров. *Закон и право*. 2018;(12):139–141. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10288.
5. Лебедева Ю.В. Проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет: специфика, особенности возраста, тактические приемы. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2020;4(41):45–51.
6. Осколкова С.Н. Диагноз в общей и судебной психиатрии: методологические аспекты. *Психиатрия*. 2017;(1(73)):23–33.
7. Погодина Т.Г., Берзинь О.А. Судебно-психиатрическая экспертиза и криминалистическое изучение личности: проблемы теории и практики. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020;2(50):111–116. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-2-111-116.
8. Пономарева Е.С., Делибальт В.В. Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве. *Психология и право*. 2021;11(3):47–61. DOI: 10.17759/psylaw.2021110304.
9. Потемкин Б.Е., Ткаченко А.А. Факторы, определяющие сложность клинической диагностики в условиях судебно-психиатрической экспертизы. *Психическое здоровье*. 2017;15(12(139)):55–67.
10. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы. *Психология и право*. 2017;7(1):220–239. DOI: 10.17759/psylaw.2017070118.
11. Шишков С.Н., Вандыш-Бубко В.В., Остянко Ю.И. Актуальные проблемы и текущая практика обоснования экспертного заключения в случаях некорректно сформулированного экспертного задания. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*. 2020;11(1):11–21. DOI: 10.34883/PI.2020.11.1.001.
12. Ярков А.А. Понятие «специальные знания»: дискуссионные аспекты. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021;(8-2(59)):126–128. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-8-2-126-128.
13. Яшин А.В., Мартышкина Ю.В. Использование знаний психологии и психиатрии при раскрытии и расследовании преступлений. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2019;(2(26)):19–24.
3. Kovalev O.G., Semenova N.V. [To the question of the use of special knowledge of a psychologist in forensic examination]. *Stolypinski vestnik = Stolypin Bulletin*. 2021;3(2). (In Russ.)]
4. Lebedev N.Yu., Seitenov K.K. [Some aspects of the classification of forms of the use of special knowledge in the resolution of legal disputes]. *Zakon i parvo = Law and law*. 2018;(12):139–141. DOI: 10.24411/2073-3313-2018-10288. (In Russ.)]
5. Lebedeva Yu.V. [Conducting an interrogation of a minor witness or victim under the age of 14: specifics, age features, tactical techniques]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;4(41):45–51. (In Russ.)]
6. Oskolkova S.N. [Diagnosis in general and forensic psychiatry: methodological aspects]. *Psikhiatriya = Psychiatry*. 2017;(1(73)):23–33. (In Russ.)]
7. Pogodina T.G., Berzin' O.A. [Forensic psychiatric examination and criminalistic study of personality: problems of theory and practice]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;2(50):111–116. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-2-111-116. (In Russ.)]
8. Ponomareva E.S., Delibalt V.V. [Indicators of the pre-suicidal state of minors in the Internet space]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and law*. 2021;11(3):47–61. DOI: 10.17759/psylaw.2021110304. (In Russ.)]
9. Potemkin B.E., Tkachenko A.A. [Factors determining the complexity of clinical diagnosis in the conditions of forensic psychiatric examination]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental health*. 2017;15(12(139)):55–67. (In Russ.)]
10. Safuanov F.S. [How to build a subject type of forensic psychological examination]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*. 2017;7(1):220–239. DOI: 10.17759/psylaw.2017070118. (In Russ.)]
11. Shishkov S.N., Vandysh-Bubko V.V., Ostyanko Yu.I. [Current problems and current practice of justification of expert opinion in cases of incorrectly formulated expert assignment]. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya = Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2020;11(1):11–21. DOI: 10.34883/PI.2020.11.1.001. (In Russ.)]
12. Yarkov A.A. [The concept of "special knowledge": debatable aspects]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2021;(8-2(59)):126–128. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-8-2-126-128. (In Russ.)]
13. Yashin A.V., Martyshkina Yu.V. [Use of knowledge of psychology and psychiatry in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*. 2019;(2(26)):19–24. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эртель Людмила Александровна*

доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-9260-4914

Author ID: 563806

Стрижев Вячеслав Александрович

кандидат медицинских наук, заведующий отделением судебно-психиатрической экспертизы ГБУЗ «Специализированная клиническая психиатрическая больница № 1» Министерства здравоохранения Краснодарского края

ORCID: 0000-0003-1135-3074

Author ID: 636197

Решетняк Оксана Александровна

секретарь судебного заседания мирового судьи судебного участка № 39 Карасунского внутригородского округа г. Краснодара

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liudmila A. Ertel*

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-9260-4914

Author ID: 563806

Vyacheslav A. Strizhev

Candidate of Medical Sciences, Head of the Department of Forensic Psychiatric Examination of the State Medical Institution "Specialized Clinical Psychiatric Hospital № 1" of the Ministry of Health of the Krasnodar Territory

ORCID: 0000-0003-1135-3074

Author ID: 636197

Oksana A. Reshetnyak

secretary of the court session of the justice of the peace of the judicial precinct № 39 of the Karasunsky inner-city district of Krasnodar